

ISSN 2949-5601

2025

Выпуск 4(15)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Учредитель и издатель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Издание принимает рукописи по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности история психологии;
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Адрес учредителя

614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Научный рецензируемый журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» отражает научные интересы специалистов в области актуальных проблем философии, социологии, психологии. Публикуются оригинальные статьи, основанные на теоретических и эмпирических исследованиях в данных областях.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Владимир Сергеевич Волегов

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия
fsf-sgn@yandex.ru

Зам. главного редактора

Олег Владиславович Лысенко

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Михайлович Бельский (канд. социол. наук, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск);

Светлана Николаевна Лихачева (канд. социол. наук, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев);

Илона Генриховна Неделевская (канд. социол. наук, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно);

Алеся Андреевна Похомова (канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, г. Минск);

Мариэтта Хачатуровна Карамян (д-р психол. наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Елена Михайловна Березина (канд. филос. наук, доцент МВСШЭН, Москва);

Екатерина Сергеевна Игнатова (канд. психол. наук, доцент ПГНИУ, г. Пермь);

Лариса Александровна Косолапова (д-р пед. наук, профессор ПГНИУ, г. Пермь);

Светлана Николаевна Костина (канд. социол. наук, доцент, доцент УрФУ, г. Екатеринбург);

Лариса Викторовна Логинова (д-р социол. наук, профессор СГЮА, г. Саратов);

Марина Леонидовна Магидович (д-р социол. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург);

Любовь Анатольевна Метлякова, (канд. пед. наук, доцент ПГПТУ, г. Пермь);

Дарья Викторовна Моисеева (канд. социол. наук, с.н.с. НИУ ВШЭ, г. Москва);

Артем Андреевич Чернега (канд. социол. наук, Администрация Тотемского городского округа, г. Тотма, Вологодская область);

Ирина Юрьевна Черникова (д-р пед. наук, доцент ПНИПУ, г. Пермь).

**SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES:
THEORY AND PRACTICE**

ISSN 2949-5601
Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year
2025
Issue 4(15)

Founder and Publisher

Perm State University

Address of Editorial Board

15, Bukireva str., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068
Tel. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

The periodical is included
in the List of the Higher Attestation Commission of the
Russian Federation in the following scientific specialties, for
which the articles are received:

5.3.1. General psychology, personality psychology history of
psychology

5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital
environments

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.6. Sociology of culture

5.4.7. Sociology of management

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education

5.8.7. Methodology and technology of professional education

The scientific peer-reviewed journal

“Social and Humanitarian Sciences:
Theory and Practice” reflects the scientific
interests of specialists in the field of topical
problems of philosophy, sociology, and
psychology. Original articles based on theoretical
and empirical research in these areas are
published.

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Vladimir S. Volegov

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University, Perm, Russia

fsf-sgn@yandex.ru

Deputy Chief Editor

Oleg V. Lysenko

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University, Perm, Russia

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr M. Belski (PhD in Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

Svetlana N. Likhacheva (PhD in Sociology, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev)

Ilona G. Nedelevskaya (PhD in Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno)

Alesya A. Pohomova (PhD in Sociology, Belarusian State University, Minsk)

Marietta Karamyan (PhD of Psychology, Professor National University of Uzbekistan, Toshkent)

EDITORIAL BOARD

Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Alexander Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Ekaterina S. Ignatova (PhD in Psychology, Associate Professor, PSU, Perm),

Larisa A. Kosolapova (Doctor of Pedagogy, professor, PSU, Perm),

Svetlana N. Kostina (PhD in Sociology, Associate Professor, UrFU, Ekaterinburg),

Larisa V. Loginova (Doctor of Sociology, Professor, SSAL, Saratov),

Marina L. Magidovich (Doctor of Sociology, Professor RSPU, Saint Petersburg),

Lyubov A. Metlyakova (PhD in Pedagogy, Associate Professor, PSHPU, Perm),

Darya V. Moiseeva (PhD in Sociology, Senior Researcher, HSE University, Moscow),

Artyom A. Chernega (PhD in Sociology, Administration of Totma district, Totma),

Irina Yu. Chernikova (Doctor of Pedagogy, Associate Professor, PNRPU, Perm).

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Удовлетворенность образовательным процессом как фактор социального самочувствия молодежи <i>Шушунова Т.Н.</i>	5	Satisfaction with the educational process as a factor in the social well-being of youth <i>Shushunova T.N.</i>
Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в образовательных цифровых платформах для молодежи <i>Лапутько К.В.</i>	14	Ethical and legal aspects of artificial intelligence in educational digital platforms for youth <i>Laputko K.V.</i>
Самосохранительное поведение молодежи Беларуси <i>Павлова Н.А.</i>	21	Self-preservation behavior of the youth of Belarus <i>Pavlova N.A.</i>
Особенности участия белорусской молодежи в воспроизводстве аудитории республиканских и региональных газет в условиях интернетизации <i>Семенова А.В.</i>	33	Features of consumption of republican and regional newspapers by Belarusian youth in the context of internetization <i>Semenova A.V.</i>
Ценностные ориентации современной молодежи: между традицией и инновацией <i>Ермолович Е.П.</i>	42	Value orientations of modern youth: between tradition and innovation <i>Ermolovich E.P.</i>
Размывание границ между молодежными субкультурами <i>Реутский А.С.</i>	50	Blurring the boundaries between youth subcultures <i>Reutski A.S.</i>
Экосистемный подход в молодежной политике и вызовы для его дальнейшего развития <i>Мельников В.О.</i>	58	The ecosystem approach in youth policy and challenges for its further development <i>Melnikov V.O.</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Особенности эмоциональной дисрегуляции и самоповреждающего поведения у лиц с риском развития расстройств пищевого поведения	66	Features of emotional dysregulation and self-harming behavior in individuals at risk of developing eating disorders
<i>Продовикова А.Г.,
Храмченкова К.В.</i>		<i>Prodovikova A.G.,
Khramchenkova K.V.</i>
Импульсивность, тревожность и самоотношение как предикторы морального самооправдания у студентов	78	Impulsivity, anxiety, and self-esteem as predictors of moral disengagement in students
<i>Бергфельд А.Ю.,
Казакова Д.С.</i>		<i>Bergfeld A.Y.,
Kazakova D.S.</i>

ПЕДАГОГИКА / PEDAGOGY

Традиционные конфуцианские ценности и парадоксы воспитания детей в современном Китае	91	Traditional confucian values and paradoxes of parenting in modern China
<i>Попкова Т.Д.</i>		<i>Popkova T.D.</i>
Аксиологический подход как основа воспитания подростков в условиях негативного влияния цифровой среды: философско-социальное осмысление	102	Axiologically, the approach is the basis for educating adolescents under the negative influence of the digital environment: philosophical and social understanding
<i>Тарасов С.А.</i>		<i>Tarasov S.A.</i>

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316. 346

EDN ASKYBZ

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-5-13

Шушунова Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент,

старший научный сотрудник

НИИ Теории и практики государственного управления

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17

shushunova_tn@pac.by

**УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ**

В статье рассмотрено социальное самочувствие студенческой молодежи как основной социально активной части населения и будущей интеллектуальной и профессиональной элиты общества в отношении удовлетворенности образовательным процессом. Подчеркивается потребность изучения социального самочувствия молодежи в проведении эффективной молодежной политики и повышении качества образования. Прослеживается влияние состояния социального самочувствия студенческой аудитории как на имиджевую составляющую учреждения высшего образования, так и на показатель эффективности его деятельности в целом. Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса сотрудниками Научно-исследовательского института Теории и практики государственного управления Академии Управления с целью изучения социального самочувствия студенческой молодежи, среди представителей первых курсов Академии управления при Президенте Республики Беларусь, как ведущего образовательного учреждения в Республике Беларусь, чья деятельность сосредоточена на удовлетворении потребности государства и общества в высококвалифицированных кадрах в сфере управления. Выявлено, что опрошенные студенты выступают представителями той категории социально-демографической группы молодежи, которые разделяют традиционные ценности, ориентированы на построение карьеры и организацию своей профессиональной деятельности в будущем таким образом, при которой они могли бы получать удовлетворение от своих достижений.

Ключевые слова: социальное самочувствие, студенческая молодежь, удовлетворенность образовательным процессом, престиж учреждения высшего образования, жизненные цели.

Ссылка для цитирования: Шушунова Т.Н. Удовлетворенность образовательным процессом как фактор социального самочувствия молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 5–13. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-5-13> EDN ASKYBZ

Tatiana N. Shushunova

PhD in Sociology, Associate Professor,

Senior Researcher

Academy of Public Administration

Under the President of the Republic of Belarus

17, Moskovskaya str., Minsk, Republic of Belarus, 220007

shushunova_tn@pac.by

SATISFACTION WITH THE EDUCATIONAL PROCESS AS A FACTOR IN THE SOCIAL WELL-BEING OF YOUTH

The article examines the social well-being of students, traditionally the main socially active segment of the population and the future intellectual and professional elite of society, in terms of satisfaction with the educational process. It emphasizes the need to study the social well-being of young people for the implementation of effective youth policy and the improvement of the quality of education. The influence of the social well-being of students on both the image of a higher education institution and its overall performance is examined. This article presents the results of a sociological study conducted using a questionnaire by staff of the Research Institute for the Theory and Practice of Public Administration of the Academy of Public Administration. The study focused on the social well-being of first-year students at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, a leading educational institution in the Republic of Belarus focused on meeting the needs of the state and society for highly qualified personnel in the field of management. It was revealed that the students surveyed represent that category of socio-demographic group of young people who share traditional values and are focused on building a career and organizing their professional activities in the future in such a way that they could receive satisfaction from their achievements.

Keywords: social well-being, student youth, satisfaction with the educational process, prestige of an institution of higher education, life goals.

For citation: Shushunova T.N. [Satisfaction with the educational process as a factor in the social well-being of youth] *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 5–13 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-5-13>, EDN ASKYBZ

Введение

Современное общество характеризуется динамичными социально-экономическими и политическими изменениями, которые оказывают значительное влияние на различные группы населения. Особое место среди них занимает студенческая молодежь, поскольку именно эта социально-демографическая группа является ключевым фактором будущих социальных трансформаций. Студенты – потенциальная интеллектуальная и профессиональная элита общества, проживающая в настоящий период значимый этап в своей жизни, который оказывает влияние на их становление в профессиональной сфере, на развитие личностных и деловых качеств, на формирование своей роли в обществе. «Исторически сложилось, что молодое поколение характеризуется рядом особенностей, качественно отличающих его от других возрастных групп. Это социальная активность, групповая сплоченность, любопытство, провокационность и другие социально-психологические характеристики, которые коренным образом влияют на формирование ценностных ориентиров» [9, с. 191].

«Молодежь формирует профессиональную, социальную, политическую и идеологическую структуры государства» [4, с. 26]. Изучение социального самочувствия студентов позволяет определить их уровень удовлетворенности жизнью, а также выявить

факторы, влияющие на психологическое благополучие и социальную активность, оценить их адаптацию к условиям образовательной среды. Низкий уровень удовлетворенности различными аспектами жизни молодежи может свидетельствовать о наличии системных кризисов в обществе. Студенчество, по мнению российских исследователей, следует рассматривать как «наиболее активную часть молодежи, которая, помимо обучения, занимается активной общественной деятельностью, имеет широкие социальные контакты, как среди научного сообщества в рамках своего учебного заведения, так и среди студенческого окружения. Молодежь всегда была социально активной частью населения, молодежь имеет стремление к саморазвитию, удовлетворению своих научных и творческих интересов» [1, с. 6].

По мнению Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко, социальное самочувствие – это потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, а также оценка уровня и степени благополучия непосредственно окружающей его микросреды [6, с. 28].

П.М. Козырева выделяет три составляющие индекса социального самочувствия: «индекс удовлетворенности и стабильности, индекс самооценки статусно-престижной идентичности и индекс самооценки здоровья» [4, с. 906].

Будучи интегральным показателем, социальное самочувствие молодежи включает в себя изучение их эмоционального состояния (уровень тревожности, стресса, оптимизма), уровень удовлетворенности жизнью (включая сферу образования), степень социальной включенность в общественные процессы и уровень доверия к социальным институтам.

Социальное самочувствие может рассматриваться на индивидуальном уровне. Являясь комплексной характеристикой, отражающей субъективное восприятие индивидом своего положения в обществе и степень удовлетворенности различными аспектами жизни в обществе, социальное самочувствие определяется, в том числе, и степенью удовлетворенности качеством получения образовательных услуг. Для молодежи образование является одним из ключевых факторов, определяющих социальное самочувствие. Неудовлетворенность качеством обучения, отсутствие перспектив трудоустройства или несоответствие образовательных программ реальным запросам рынка труда могут привести к росту пессимизма, апатии или даже социальной девиации. Неудовлетворенность качеством образовательного процесса со стороны представителей студенческой молодежи приводит к снижению мотивации к обучению, ведет к разочарованию выбранной специальности и росту тревожности относительно своего будущего.

Исследование социального самочувствия студенческой молодежи имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно способствует формированию эффективной молодежной политики, способствующей повышению качества образования. В своей монографии, посвященной изучению социального самочувствия молодежи, Л.П. Галич пишет: «Чем благоприятнее, выше уровень социального самочувствия, тем больше вероятность того, что в данном социуме будет порядок» [3, с. 9]. В условиях быстро меняющегося мира постоянный мониторинг этой темы позволит своевременно реагировать на вызовы, с которыми сталкивается новое поколение. Образование сегодня выступает надежным каналом социальной мобильности и одновременно средством приобретения социального капитала, определяющего конкурентоспособность личности в социуме и влияющего на тенденции устойчивого развития государства.

Значимость изучения социального самочувствия именно студенческой молодежи опосредована местом, где они формируются как личности – университетской средой. Как пишут исследователи И.С. Шаповалова и И.Н. Валиева, «современный университет, на наш взгляд, должен выработать прогрессивную модель «молодежи будущего»: свободный творческий лидер, способный нетривиально мыслить в свободном государстве, или послушный, ограниченный исполнитель в концепции «3 НЕ» (не вижу, не слышу, не говорю)» [8, с. 358].

Социологический мониторинг предпочтений молодежи в сфере образования помогает вузам корректировать учебные планы и совершенствовать основные направления образовательной деятельности. Вузы, которые регулярно анализируют запросы студентов и гибко подстраиваются под них, будут лидировать в новой образовательной реальности. В современных условиях система высшего образования постоянно сталкивается с вызовами, связанными с изменением рынка труда, вызовами процессов цифровизации и трансформацией образовательных запросов студентов с учетом появления актуальных и привлекательных для нового поколения инновационных форм облучения. Изучение образовательных предпочтений молодежи является не просто плановым мероприятием, а выступает обязательным требованием в направлении формирования и развития системы высшего образования в целом. Оно позволяет повышать качество обучения и удовлетворять запросы со стороны студентов, укреплять конкурентоспособность вузов, снижать риски безработицы среди выпускников.

Цель исследования – изучение социального самочувствия студенческой молодежи, представителей первых курсов Академии управления при Президенте Республики Беларусь (далее – Академия управления) в разрезе удовлетворенности некоторыми аспектами образовательного процесса. Принимая во внимания специфику деятельности Академии управления как ведущего образовательного учреждения в Республике Беларусь, чья деятельность сосредоточена на удовлетворении потребности государства и общества в высококвалифицированных кадрах в сфере управления, было важно выяснить причины, по которым студенты 1 курса выбрали рассматриваемый вуз для получения высшего образования.

Материалы и методы

В октябре 2024 г. методом анкетного опроса сотрудниками Научно-исследовательского института Теории и практики государственного управления Академии Управления было опрошено 177 человек из числа студенческой молодежи 1 курса обучения. Исследованием охвачена вся генеральная совокупность.

Результаты и обсуждение

На вопрос анкеты «По каким причинам Вы выбрали Академию управления для получения высшего образования?» (Выберите, пожалуйста, не более пяти вариантов ответа) были получены неоднородные результаты. Наиболее популярные причины, выделенные студентами, указаны на графике (рис. 1)

Исходя из представленных ответов первокурсников можно сделать вывод о том, что в Академию управления опрашиваемые студенты пришли осознанно, с пониманием того, куда и зачем идут, а именно – в ведущий ВУЗ Республики Беларусь с хорошей репутацией, где предоставляют качественное образование, есть интересные специальности, и где готовят будущих государственных служащих.

Рис. 1. Причины выбора Академии управления для получения высшего образования

На вопрос о престижности выбранного учреждения образования («На Ваш взгляд, быть студентом Академии управления престижно?») подавляющее большинство опрошенных (86,8%) выбрали вариант «Да, очень престижно», в то время как все остальные первокурсники отметили вариант ответа «Скорее престижно, чем нет».

При рассмотрении жизненных целей студенческой молодежи из числа первокурсников, следует отметить, что на вопрос анкеты: «Какие из перечисленных жизненных целей Вы выбираете для себя? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)» больше половины студентов показали заинтересованность в создании счастливой семьи (57%), чуть меньше опрошенных ставят своей целью сохранить и укрепить здоровье (46,8%), третья часть студентов в качестве жизненных целей назвала построение карьеры (38,4%) и стать профессионалом по избранной профессии (33,3%), приносить пользу своей стране (30,5%). В меньшей степени первокурсники свои жизненные цели связывают с возможностью уехать за границу (1,6%), быть хорошим сыном (дочерью) (7,9%) и организовать свое дело (9,6%) (рис. 2).

Рис. 2. Жизненные цели первокурсников

Исходя из представленных данных, для студентов Академии управления из числа первокурсников значимыми являются традиционные ценности, характерные для белорусского социума в целом и для белорусской молодежи в частности. Полученные данные подтверждаются результатами исследования белорусской молодежи, проведенного по заказу Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) в мае 2024 года (объем выборки – 1500 респондентов), в которых отмечается, что семейные ценности остаются для молодежи ведущими, а важность и значимость семьи для себя отмечает подавляющее большинство молодых людей (70,2%) [5]. Также Белорусский комитет молодежных организаций (БКМО) совместно с Белорусским институтом стратегических исследований (БИСИ) в октябре 2024 г. провели онлайн-опрос по изучению тенденций в молодежной среде. В нем приняли участие 9000 белорусов в возрасте от 17 до 35 лет. Более половины респондентов заинтересованы в укреплении здоровья, работе и построении карьеры в своей стране, что также подтверждает устойчивость жизненных целей белорусской молодежи [7].

Положительное социальное настроение студентов было отмечено и в других исследованиях: «Большинство студентов ощущают себя счастливыми, уверены в себе и готовы к переменам, с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее, удовлетворены социально-экономическими, экологическими условиями своей жизни, а также своей жизнью в целом» [10, с. 152].

В представленном исследовании мы также отмечаем низкий процент опрошенных студентов с предпочтениями уехать за границу на постоянное место жительства (1,6%), что свидетельствует об устремлениях молодежи, направленных на реализацию себя в профессии в своей стране, мотивированных на решение задач успешного развития страны.

Поскольку каждый третий опрошенный первокурсник отметил для себя значимость позиции «стать хорошим профессионалом», рассмотрим, насколько для студентов важно реализоваться в профессии. При анализе ответов на соответствующий вопрос анкеты было выявлено, что подавляющее большинство опрошенных (75,7%) считают «очень важным» для себя достичь успеха в профессиональной сфере, четверть студентов (24,3%), отвечая на данный вопрос, выбрали вариант ответа «Скорее важно, чем нет». Других вариантов ответа на этот вопрос не было.

Для определения ключевых критериев, по которым можно судить об успехе в профессиональной сфере, студентам был задан вопрос: «Что для Вас является критерием достижения успеха в профессиональной сфере?». Мнения студентов по этому вопросу разделились: четверть опрошенных студентов главным показателем профессионального успеха назвали удовлетворенность от работы и своих достижений (24,7%), на втором месте по популярности стал ответ о высоком уровне заработной платы (18,8%), чуть меньше процентов (17,5%) получил вариант «Получение уважения в профессиональных кругах», 15,5% студентов отметили, что для них карьерный рост является показателем успеха в профессиональной сфере (рис. 3).

Рис. 3. Критерии достижения успеха в профессиональной сфере

Несмотря на небольшой опыт студентов, связанный с учебой в Академии управления, в силу того, что они обучаются только на 1 курсе, в исследовании был использован вопрос: «Нравится ли Вам учиться в Академии управления?». Были получены ответы, согласно которым абсолютное большинство (90,2%) первокурсников ответило утвердительно, и только незначительная часть опрошенных (9,2%) отметила, что еще не определилась. Следовательно, можно говорить, о том, что ожидания студентов оправдались, и ориентация на становление себя как будущего управленца или государственного гражданского служащего присутствует в их настроениях, что отражается на социальном самочувствии.

Тем не менее, в качестве основных проблем, с которыми уже успели столкнуться студенты первого курса, были названы: «Усталость от большой умственной нагрузки» – 37,3%; «Большой объем учебного материала, который я не успеваю усвоить» – 35%; «Отсутствие навыков самостоятельной работы, ведения конспектов, работы с учебной и научной литературой» – 29,3%; «Не хватает времени для подготовки к занятиям» – 26,4%; «Моя недисциплинированность, лень» – 26,4%. В меньшей степени студентов беспокоят проблемы, связанные с недостаточным вниманием со стороны преподавателей, куратора (3,4%), материальными трудностями (4%), отсутствие навыков самостоятельной работы, ведения конспектов, работы с учебной и научной литературой (5,1%); неудовлетворительными бытовыми условиями (5,1%) и др. (рис. 4).

Перечисленные проблемы, с которыми столкнулись студенты, являются результатом нового для них студенческого опыта, формата учебы и работы с литературой и образовательными материалами, все они могут быть отрегулированы в ближайшем будущем при помощи самодисциплины и адаптации к образовательному процессу.

Рис. 4. Проблемы студенческой жизни

Опрошенные студенты, в целом, демонстрируют высокую степень удовлетворенности объективными факторами обучения в выбранном высшем учебном заведении. Академия управления при Президенте Республики Беларусь для студентов является престижным высшим учебным заведением, где предоставляются все условия для получения качественного образования. Будучи представителями той категории социально-демографической группы молодежи, которая разделяет традиционные ценности, студенты ориентированы на создание карьеры и организацию своей профессиональной деятельности в будущем таким образом, при которой они могли бы получать удовлетворение от своих

достижений. Отношение студентов к Академии управления как к платформе развития уникальных и, в большей степени, отличительных от студентов других вузов качеств – лидерства, патриотизма, социальной ответственности и справедливости [2].

Заключение

Социальное самочувствие студенческой аудитории является видимым маркером имиджевой составляющей учреждения высшего образования и его эффективной деятельности в целом, в данном случае Академии управления при Президенте Республики Беларусь. От того, что транслируется со стороны учреждения образования во внешний контур, от степени престижности учреждения образования для широкой аудитории зависит уровень социального самочувствия студентов, которые в нем обучаются. В тоже время, социальное самочувствие этой социально-демографической группы самым непосредственным образом сказывается на эффективности деятельности вуза и его имидже.

Таким образом, изучение социального самочувствия студенческой молодежи на примере первокурсников Академии управления может не только характеризовать удовлетворенность студентов качеством образовательного процесса, но и выступать показателем эффективности работы учреждения высшего образования, служить доказательством адекватности выбранной стратегии ее развития.

Библиографический список

1. Воронина С.А. Социальное самочувствие студенческой молодежи: риски и угрозы социальной безопасности (некоторые результаты исследования) / С.А. Воронина, Я.Э. Меженин // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2022. – № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-studencheskoy-molodezhi-riski-i-ugrozy-sotsialnoy-bezopasnosti-nekotorye-rezultaty-issledovaniya> (дата обращения: 24.06.2025).
2. Галич Л.П. Имиджевая составляющая учреждения высшего образования в восприятии студенческой аудитории / Л.П. Галич, Т.Н. Шушунова // Теория и практика кадровой политики и психологического сопровождения руководящих кадров: сборник материалов, Минск, 6 марта 2025 г. / под общ. ред. М. А. Пономаревой, О. Н. Солдатовой, Е. И. Сапего; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025, С. 77 – 82.
3. Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи / Л.П. Галич. – Минск : Право и экономика, 2012. – 160 с.
4. Корж Н.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект) / Н.В. Корж, Г.Б. Кошарная // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2020. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-studencheskoy-molodezhi-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 24.06.2025).
5. Современная молодежь: ценности и жизненные приоритеты. URL: <https://socio.bisr.by/sovremennaja-molodezh-cennosti-i-zhiznennye-prioritety/> (дата обращения: 24.06.2025).
6. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996. – 195 с.
7. Что хочет молодежь в Беларуси? URL: <https://belta.by/society/view/chego-hochet-molodezh-v-belarusi-dannye-onlajn-oprosa-675909-2024/> (дата обращения: 24.06.2025).
8. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2. С. 345–362.
9. Шрайбер А.Н. Удовлетворенность образовательным процессом как фактор протестных настроений студенческой молодежи // Society and Security Insights. – 2022. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-obrazovatelnyim-protsessom-kak-faktor-protestnyh-nastroeniy-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 24.06.2025).
10. Шухно Е.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи Республики Беларусь: концептуализация понятия и эмпирический анализ / Е.В. Шухно, А.П. Соловей // Известия национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – № 2. URL: https://vestihum.belnauka.by/jour/article/view/759?locale=ru_RU (дата обращения: 24.06.2025).

УДК 342.7+340.5
EDN ATYPYE
DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-14-20

Лапутько Ксения Вячеславовна,
старший преподаватель кафедры государственного управления
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 8
ksenia.laputko@gmail.com

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Стремительная цифровизация образования трансформирует традиционную среду обучения, открывая беспрецедентные возможности для его персонализации и социализации молодежи. Ключевую роль в этом процессе играют системы искусственного интеллекта (ИИ), которые применяются для адаптации учебного контента, прогнозирования успеваемости, автоматизированной оценки знаний и оказания психологической поддержки учащихся. Однако интеграция ИИ в образовательные платформы порождает комплекс серьезных этических и правовых вызовов, особенно в контексте защиты несовершеннолетних пользователей. Среди наиболее актуальных проблем выделяются непрозрачность алгоритмов («эффект черного ящика»), риски алгоритмической предвзятости и дискриминации, масштабное вторжение в частную жизнь и недостаточная защита персональных данных, а также угроза формирования «алгоритмической зависимости», подрывающей развитие критического мышления. В данной статье проводится сравнительный анализ международных подходов к регулированию этих рисков (на примере ЕС, США и Китая), выявляются существенные пробелы в национальном законодательстве Республики Беларусь. В статье обосновывается необходимость разработки комплексной стратегии, включающей принятие специального законодательства, внедрение строгих стандартов безопасности и этических кодексов, а также целенаправленное развитие цифровой грамотности всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образовательные платформы; молодежь, этика, правовое регулирование, персональные данные, дискриминация, цифровая среда, безопасность, цифровая грамотность.

Ссылка для цитирования: Лапутько К.В. Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в образовательных цифровых платформах для молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 14–20. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-14-20> EDN ATYPYE

Ksenia V. Laputko,
Senior Lecturer of the Department of Public Administration
Belarusian State University
8, Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus
ksenia.laputko@gmail.com

ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATIONAL DIGITAL PLATFORMS FOR YOUTH

The rapid digitalization of education is transforming the traditional learning environment, opening up unprecedented opportunities for personalization and socialization of young people. Artificial intelligence (AI) systems play a key role in this process, being used to adapt educational content, predict academic performance, automate knowledge assessment, and provide psychological support to students. However, the integration of AI into educational platforms raises a range of serious ethical and legal challenges, particularly in the context of protecting minors. Among the most pressing issues are the opacity of algorithms (the "black box effect"), the risks of algorithmic bias and discrimination, large-scale invasion of privacy and inadequate protection of personal data, and the threat of "algorithmic dependence" that undermines the development of critical thinking. This article provides a comparative analysis of international approaches to regulating these risks (using the EU, US, and China as examples) and identifies significant gaps in the national legislation of the Republic of Belarus. The article substantiates the need to develop a comprehensive strategy that includes the adoption of specialized legislation, the implementation of strict security standards and codes of ethics, and the targeted development of digital literacy for all participants in the educational process.

Keywords: artificial intelligence; educational platforms; youth; ethics; legal regulation; personal data; discrimination; digital environment; security; digital literacy.

For citation: Laputko K.V. [Ethical and legal aspects of artificial intelligence in educational digital platforms for youth]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 14–20 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-14-20>, EDN ATYPYE

Развитие цифровых технологий коренным образом меняет образовательную среду и процессы социализации молодежи. Если еще десятилетие назад цифровизация в образовании ассоциировалась, в основном, с внедрением электронных дневников и дистанционных курсов, то сегодня одним из ключевых факторов трансформации становится активное использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Эти технологии все чаще интегрируются не только в деятельность образовательных учреждений, но и в цифровые платформы, предоставляющие широкий спектр образовательных услуг.

Современные системы ИИ применяются для персонализации обучения, автоматизации оценки знаний, адаптации учебного контента, прогнозирования успеваемости и даже оказания психологической поддержки учащимся. В ряде случаев именно ИИ позволяет создать гибкую траекторию обучения, учитывающую индивидуальные особенности студента, его интересы, уровень подготовки и психологическое состояние. Безусловно, такие технологические решения открывают новые возможности для повышения эффективности образовательного процесса, расширения его доступности, а также для более точного учета индивидуальных потребностей

обучающихся. При этом ИИ способен снижать нагрузку на педагогов, позволяя им сосредоточиться на работе с мотивацией и развитием критического мышления, а также ускорять внедрение инновационных форматов обучения.

Интеграция ИИ в образование, особенно для несовершеннолетних, порождает комплекс этических, социальных и правовых проблем. К ключевым вызовам относятся: непрозрачность алгоритмов и обоснованность их решений, защита персональных данных, риски алгоритмической предвзятости и дискриминации, а также снижение когнитивных усилий и формирование технологической зависимости, препятствующие развитию критического мышления. Это требует междисциплинарного изучения и разработки механизмов правового регулирования на национальном и международном уровнях.

Ключевой проблемой внедрения систем ИИ в образовании выступает недостаточная прозрачность (транспарентность) их функционирования. Подавляющее большинство образовательных цифровых платформ, опирающихся на алгоритмы машинного обучения, могут быть охарактеризованы как системы типа «черный ящик». Это означает, что внутренние механизмы и процедуры генерации решений остаются недоступными для интерпретации и верификации со стороны ключевых пользователей ИИ: самих учащихся, их законных представителей, педагогического состава и государственных органов. Пользователь взаимодействует исключительно с результирующими данными (оценкой, персональной рекомендацией, сформированной образовательной траекторией), будучи лишенным возможности понять лежащие в их основе алгоритмические детерминанты и критериальные основания.

Отсутствие прозрачности делает невозможным проверку корректности и справедливости решений системы. Законные представители несовершеннолетних и педагогические работники не могут оценить, соответствует ли предложенный образовательный маршрут действительным потребностям несовершеннолетнего или малолетнего, а учащиеся лишены права понимать, почему именно они получили те или иные рекомендации. Подобная непрозрачность не только подрывает доверие к алгоритмическим системам, но и порождает существенные правовые коллизии, обусловленные отсутствием механизмов для эффективного оспаривания и обжалования автоматизированных решений.

Непрозрачность алгоритмов ИИ повышает риски предвзятости и дискриминации. Системы, обученные на неполных или смещенных данных, воспроизводят социальные стереотипы, усиливая образовательное неравенство и создавая «цифровые барьеры» для уязвимых групп обучающихся, включая лиц с ограниченными возможностями. Снижение предвзятости требует диверсификации данных и совершенствования алгоритмов, направленных на нивелирование демографических и социокультурных различий. Как отмечают Ма и Цзян, ключевое значение имеют разработка и надзор за алгоритмами, а также пересмотр образовательных материалов для устранения неэтичного контента [5].

Исследования по использованию ИИ в университетах (Liason) подчеркивают необходимость баланса ИИ и человеческого суждения. Для образовательной справедливости критически важна алгоритмическая прозрачность: раскрытие данных, методологий и их влияния на решения. Это укрепляет доверие, подчеркивая вспомогательную роль ИИ. Ответственное внедрение требует протоколов выявления смещений и гарантий соответствия принципам инклюзивности и равенства. Liason

подчеркивает: «Прозрачность должна быть не только в образовательных алгоритмах, но и в организационных процессах – например, в управлении ресурсами или финансовыми решениями. Образовательные учреждения обязаны обеспечивать подотчетность и объяснимость применения ИИ, чтобы он соответствовал этическим стандартам и миссии организации. В противном случае риск непрозрачности превращается не только в образовательную, но и в социальную проблему, угрожающую справедливости и устойчивости всей системы» [9].

Следовательно, практика демонстрирует, что нивелирование эффекта «черного ящика» может быть достигнута исключительно посредством внедрения стандартов объяснимых ИИ-алгоритмов, реализации регулярного аудита алгоритмических систем и применения институциональных мер, гарантирующих прозрачность. Лишь данный комплексный подход позволяет минимизировать риски алгоритмической предвзятости и дискриминации, а также легитимизировать образовательные цифровые платформы в восприятии общества.

Еще одной этической проблемой является вторжение в частную жизнь и недостаточная защита персональных данных учащихся. Сбор и обработка больших объемов информации о поведении, успеваемости, психологическом состоянии учащихся без четких ограничений и прозрачных процедур может привести к нарушению их конституционных и цифровых прав и злоупотреблениям со стороны разработчиков или операторов платформ.

Одним из ключевых вопросов, возникающих при внедрении систем ИИ в сферу образования, является трансформация традиционной учительско-ученической коммуникации. Отношения между педагогом и учеником выходят далеко за рамки передачи знаний: они включают эмоциональную поддержку, формирование мотивации, развитие критического мышления и социализацию. Эти аспекты создают уникальное пространство доверия и взаимодействия, которое невозможно полностью заменить технологическими средствами.

Использование ИИ, способного автоматизировать отдельные педагогические функции (оценивание, подбор учебного материала, мониторинг прогресса каждого отдельного учащегося), несет риск сокращения роли эмоционального взаимодействия в образовательном процессе. При чрезмерной зависимости от алгоритмов учебный процесс может приобрести механистический характер, что приведет к снижению значимости социально-коммуникативных навыков и ослаблению воспитательного потенциала образования.

Этические последствия такой зависимости выражаются в нескольких направлениях:

1. Эрозия эмоциональной поддержки. Обучающиеся, особенно в подростковом возрасте, нуждаются в одобрении и эмпатии, что невозможно реализовать средствами алгоритмической системы;
2. Снижение возможностей для развития социальных навыков. Образовательная среда, опосредованная ИИ, ограничивает живое общение, совместное обсуждение и коллективное решение задач, что затрудняет формирование коммуникативной компетентности;

3. Феномен «алгоритмической зависимости». Учащиеся могут утратить способность самостоятельно анализировать информацию и принимать решения, полагаясь исключительно на автоматические рекомендации.

Современные исследования подчеркивают, что ИИ должен рассматриваться не как альтернатива, а как дополнение к педагогической деятельности. Его применение целесообразно ограничивать поддерживающими функциями – автоматизацией рутинных заданий, администрированием, формированием вспомогательных учебных материалов. При этом решение ключевых задач воспитания, оценки и формирования индивидуальной образовательной траектории должно оставаться за педагогом [4].

Кроме того, активное внедрение ИИ в образовательный процесс может негативно повлиять на формирование критического мышления и социального взаимодействия молодежи. Существует риск «алгоритмической зависимости», когда учащиеся теряют способность самостоятельно анализировать информацию и принимать решения, полагаясь исключительно на рекомендации ИИ-систем.

Правовое регулирование ИИ в образовании на международном уровне находится в стадии активного формирования. ЕС, разрабатывая «Регламент об ИИ» (AI Act), вводит риск-ориентированный подход с особыми требованиями к высокорисковым системам, включая образовательные. Они подлежат обязательной сертификации, проверке на предвзятость и обеспечению прозрачности [7, 8]. В США регулирование основано на добровольных стандартах (например, рекомендациях NIST) и инициативах отдельных штатов при отсутствии единого федерального акта [6, 10]. Китай сочетает жесткое централизованное регулирование с мерами по развитию ИИ в стратегических секторах, уделяя особое внимание контролю данных учащихся, государственной сертификации и соответствию национальным стандартам безопасности [11].

В Республике Беларусь нормативное регулирование применения технологий ИИ в образовательных платформах пребывает на стадии становления. Действующее законодательство в сфере обработки персональных данных, цифровизации и защиты прав несовершеннолетних не в полной мере рефлексировывает специфические риски и особенности интеграции ИИ в образовательный процесс. Отсутствует профильное регулирование, определяющее правовой статус и порядок использования ИИ в качестве высокорисковой технологии в образовании. Учитывая стремительное распространение алгоритмических систем в данной сфере и уязвимость молодежной аудитории, для Беларуси актуализируется задача разработки комплексной концепции правового регулирования ИИ в цифровой образовательной среде [2, 3].

Такой подход должен включать следующие элементы:

1. Принятие отдельного нормативного правового акта, определяющего правовой статус и особенности регулирования ИИ как высокорисковой технологии применительно к сфере образования;
2. Разработка обязательных стандартов безопасности, прозрачности и недискриминации для ИИ-систем, применяемых на образовательных цифровых платформах;
3. Введение дополнительных гарантий защиты персональных данных и частной жизни несовершеннолетних пользователей;
4. Интеграция этических принципов, сформулированных международными организациями (например, ЮНЕСКО, Асилмар, ОЭСР), в национальное законодательство [1];

5. Стимулирование цифровой грамотности молодежи, их родителей и педагогов, направленной на осознанное и безопасное использование ИИ-технологий.

Реализация указанных элементов может быть обеспечена путем разработки и внедрения специализированных стратегических документов. В качестве примера можно привести институционализацию, а именно создание отдельных комитетов в учреждениях образования по этике ИИ, проведение регулярных аудитов процессов обработки данных, а также установление строгих протоколов авторизации доступа к персональной информации. Наличие данных механизмов позволит не только минимизировать риски злоупотреблений, но и повысить уровень доверия к цифровым образовательным платформам.

При этом целесообразно сочетать элементы детального правового регулирования с фрагментарными мерами, направленными на совершенствование законодательства в смежных областях, таких как защита прав человека, обеспечение национальной безопасности, регулирование цифровой экономики и развитие правовой культуры в целом. Такой комплексный подход позволяет не только формировать специальные нормы для сферы образования, но и учитывать более широкий контекст, в котором функционируют цифровые технологии.

Регулирование ИИ в образовании требует системных мер. Ключевыми направлениями являются обеспечение конфиденциальности и безопасности данных через строгое соблюдение правовых норм, а также внедрение принципов прозрачности и подотчетности при обработке персональных данных. Не менее важно развитие образовательных программ для повышения осведомленности педагогов и учащихся об этических аспектах ИИ, ориентированных на человеко-центрированный дизайн и формирование навыков ответственного использования технологий.

Помимо этого, преодоление цифрового неравенства выступает ключевым условием гарантии равного доступа к преимуществам образовательных технологий на основе ИИ. В частности, приоритетное внимание должно уделяться поддержке обучающихся из групп с неблагоприятным социально-экономическим статусом. Обеспечение их равноправного доступа к алгоритмическим системам позволит не только расширить образовательные возможности, но и нивелировать риски усугубления социальной стратификации, а также предотвратить формирование «цифрового разрыва» между различными социальными группами. Так, системная образовательная политика, нацеленная на этическое применение ИИ, должна интегрировать меры по установлению правовых гарантий, развитию механизмов транспарентности и подотчетности, а также инициативы по повышению цифровой грамотности и сокращению социальных диспропорций. Это сформирует предпосылки для построения устойчивой и справедливой модели интеграции технологий ИИ в образовательное пространство.

Использование ИИ в образовательных платформах предоставляет широкие возможности для совершенствования системы образования, однако требует внимательного и взвешенного подхода с точки зрения этики и права. Без создания четких нормативных рамок, обеспечивающих баланс между инновациями и защитой прав учащихся, особенно несовершеннолетних, внедрение ИИ может не только не принести ожидаемых результатов, но и усилить существующие социальные риски.

Республика Беларусь, учитывая международный опыт и собственные стратегические приоритеты, имеет все основания сформировать современную модель регулирования ИИ в образовательной среде. Такая модель должна сочетать комплексное правовое регулирование с мерами по обеспечению безопасности, справедливости и прозрачности использования новых технологий, а также быть встроена в более широкую систему правовой и цифровой трансформации общества.

Библиографический список

1. Декларация ЮНЕСКО по вопросам этики искусственного интеллекта. – Париж, 2021. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 25.06.2025).
2. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 25.06.2025).
3. Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 25.06.2025).
4. Katalin Wargo, Striking a Balance: Navigating the Ethical Dilemmas of AI in Higher Education – URL: <https://er.educause.edu/articles/2024/12/striking-a-balance-navigating-the-ethical-dilemmas-of-ai-in-higher-education> (дата обращения: 25.06.2025).
5. Ma, X., & Jiang, C. On the Ethical Risks of Artificial Intelligence Applications in Education and Its Avoidance Strategies – URL: <https://doi.org/10.54097/ehss.v14i.8868> (дата обращения: 25.06.2025).
6. National Institute of Standards and Technology. AI Risk Management Framework. – Gaithersburg, 2023. – URL: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (дата обращения: 25.06.2025).
7. OECD. Recommendation on Artificial Intelligence. – Paris, 2019. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 25.06.2025).
8. Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonized Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). – Brussels, 2021.
9. The Importance of Transparency in Education When Adopting AI – URL: <https://www.liaisonedu.com/resources/blog/the-importance-of-transparency-in-education-when-adopting-ai/> (дата обращения: 25.06.2025).
10. White House Office of Science and Technology Policy. Blueprint for an AI Bill of Rights. – Washington, 2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 25.06.2025).
11. Zhang C., Chen H. AI Governance in China: Developments and Challenges // Journal of Chinese Law. – 2023. – Vol. 5, No. 2. – P. 35–58.

УДК [316.627:61]-053.6:303.425.2(476)

EDN BFBCUI

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-21-32

Павлова Наталия Александровна,
младший научный сотрудник
Институт социологии НАН Беларуси
Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2
pavlovanatalia404@gmail.com
SPIN-код: 5512-4451

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов самосохранительного поведения молодежи Беларуси как ключевого фактора сохранения здоровья. Описательная модель самосохранительного поведения, разработанная российским социологом Шиловой Л.С., представлена следующими компонентами: превентивное поведение, рискованное поведение, контроль хронических заболеваний и поведение, связанное с необходимостью получения медицинской помощи. Эмпирические данные представлены социологическими исследованиями, реализованными Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, национальным обследованием второй волны (2023 г.) «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер». Цель статьи – проиллюстрировать отдельные аспекты самосохранительного поведения молодежи Беларуси на основе данных, полученных в результате реализованных исследований. Превентивные меры, предпринимаемые человеком для сохранения и укрепления резерва собственного здоровья, рассматриваются в качестве зоны личной ответственности индивида. Проанализированные данные позволяют получить некоторое представление о модели поведения белорусской молодежи в вопросах, связанных с самооценкой уровня здоровья, его динамике, обращением в медицинские учреждения, распространенностью рискованных практик поведения, предпринимаемых мер в вопросе сохранения здоровья, представлений молодежи о факторах, формирующих резерв здоровья.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, молодежь, здоровье, диспансеризация, хронические заболевания, превентивное поведение, рискованное поведение.

Ссылка для цитирования: Павлова Н.А. Самосохранительное поведение молодежи Беларуси // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 21–32. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-21-32> EDN BFBCUI

Natalia A. Pavlova,
Junior Research Fellow
Institute of Sociology, NAS of Belarus,
1, bld. 2, Surganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus
pavlovanatalia404@gmail.com
SPIN code: 5512-4451

SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF THE YOUTH OF BELARUS

The article is devoted to the consideration of some aspects of the self-preservation behavior of the youth of Belarus as a key factor in maintaining health. The descriptive model of self-preservation behavior developed by Russian sociologist L.S. Shilova includes the following components: preventive behavior, risky behavior, chronic disease management, and behavior associated with the need to obtain medical care. Empirical data is presented by sociological research conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, the second wave of the national survey (2023) "Family Formation, Stable Family Relationships, and Fertility in the Changing Socioeconomic Conditions of Belarusians" using the methodology of the international program "Generations and Gender". The purpose of this article is to illustrate certain aspects of self-preservation behavior among Belarusian youth based on the data obtained as a result of the implemented research. Preventive measures taken by an individual to maintain and strengthen their own health reserve are considered an area of personal responsibility. The analyzed data allow us to gain some insight into the behavioral patterns of Belarusian youth in matters related to self-assessment of their health level, its dynamics, visits to medical institutions, the prevalence of risky behavioral practices, measures taken to maintain health, and youth perceptions of the factors that form a health reserve.

Keywords: self-preservation behavior, youth, health, dispensary method, chronic diseases, preventive behavior, risky behavior.

For citation: Pavlova N.A. [Self-preservation behavior of the youth of Belarus]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 21–32 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-21-32>, EDN BFBCUI

Введение

Самосохранительное (витальное, санитарное) поведение является демографическим термином, обозначающим осознанные действия человека, направленные на поддержание здоровья и продление жизни в пределах ее жизненного цикла. Структура такого поведения охватывает физический, психологический и социальный аспекты, представляя собой систему действий и установок личности. В условиях современных вызовов, включая эпидемиологические угрозы, распространение деструктивных практик поведения (курение, употребление алкоголя, чрезмерное использование гаджетов, недостаток сна и т.д.) и трансформацию ценностных ориентаций, изучение самосохранительных стратегий молодежи приобретает особую актуальность. Молодежь как социально-демографическая группа характеризуется повышенной уязвимостью к внешним воздействиям.

Современная эпидемиологическая ситуация характеризуется значительным распространением хронических неинфекционных заболеваний. Так, по оценкам ВОЗ, смертность от неинфекционных заболеваний в 2021 году составила по меньшей мере 43 миллиона человек (75% смертей во всем мире, не связанных с пандемией). Существенная доля смертей приходится на сердечно-сосудистые заболевания – 19 миллионов человек, онкологические заболевания – 10 миллионов человек, хронические респираторные

заболевания – 4 миллиона человек и диабет – более 2 миллионов, включая случаи смерти от заболеваний почек, обусловленных диабетом [5].

Российский социолог Л.С. Шилова определяет «самосохранительное поведение» в качестве системы действий и установок, ориентированных на поддержание здоровья, гармоничное прохождение всех этапов жизни и стремление к долголетию. Каждый этап жизни – детство, юность, зрелость, пожилой возраст и старость – характеризуется своими нормами физического и интеллектуального развития, а также критериями здоровья, которые служат ориентирами для его благополучного проживания. По мнению исследователя, самосохранительное поведение включает 4 элемента: превентивное поведение; рискованное поведение; поведение, связанное с контролем над имеющимися хроническими заболеваниями; поведение при необходимости получения медицинской помощи. Совокупность элементов позволяет охарактеризовать самосохранительное поведение индивида в настоящий момент времени. Потребность в самосохранении наблюдается у людей на биологическом, психологическом, духовном и поведенческом уровнях [10].

Превентивное поведение предполагает совершение действий, направленных на предотвращение или снижение угроз здоровью, возникающих в профессиональной, бытовой или окружающей среде; характеризуется ответственным отношением к здоровью, своевременным обращением за медицинской помощью; включает в себя сохранение и поддержание физического здоровья, регуляцию стресса, достижение душевного благополучия. Этот компонент выполняет барьерную функцию, минимизируя вероятность возникновения заболеваний; его эффективность напрямую коррелирует с общим уровнем здоровья индивида.

Рискованное поведение предполагает противоположный превентивному образ жизни, сознательное включение потенциально опасных практик. Рискованное в отношении здоровья поведение – это поведение, чреватое его ухудшением и сокращением продолжительности жизни [3, с. 62]. Подобная стратегия не только увеличивает вероятность возникновения заболеваний, но и снижает эффективность превентивных мер. Рискованное поведение может включать:

- вредные привычки (курение, злоупотребление алкоголем и т.д.);
- малоподвижность;
- несбалансированное питание;
- нарушение режима труда и отдыха;
- экстремальные увлечения или опасные условия работы.

В информационном бюллетене «Здоровье подростков и молодых людей» Всемирной организации здравоохранения [11] присутствует ссылка на следующие сознательные модели поведения, создающие риски для здоровья, а также сохранности жизни отдельного человека:

- небезопасное поведение на дороге как в качестве пешехода, так и водителя мотоцикла, велосипеда;
- небезопасное поведение на воде;
- распространенность физического насилия;
- употребление психоактивных веществ (ПАВ) – алкоголя, наркотиков, никотинсодержащей продукции;
- гиподинамия (низкий уровень физической активности).

Контроль над имеющимися хроническими заболеваниями подразумевает осведомленность о наличии хронических заболеваний, их своевременную диагностику и оптимизацию образа жизни человека с целью сохранения трудоспособности, и дееспособность в зависимости от жизненного цикла личности. Данный аспект включает информированность и грамотность по отношению к состоянию собственного здоровья, владение навыками «регуляции» хронических заболеваний (регулярный мониторинг показателей здоровья, медикаментозную терапию и изменение образа жизни).

Важным элементом отслеживания динамики протекания хронических заболеваний является процедура диспансеризации. Медицинская диспансеризация выполняет функцию раннего выявления патологий и факторов риска, что позволяет своевременно корректировать образ жизни и принимать медицинские меры в отношении выявленных отклонений в состоянии здоровья. В рамках концепции самосохранительного поведения диспансеризация выступает связующим звеном между индивидуальной заботой о здоровье и профессиональной медицинской помощью, формируя основу для осознанного управления собственным здоровьем.

Поведение, связанное с необходимостью получения медицинской помощи ассоциировано с избираемой индивидом стратегией поведения в случае возникновения недомогания и/или симптомов заболевания. Такое поведение реализуется либо в медицинских учреждениях/местах предоставления альтернативных услуг, либо не осуществляется при выборе линии поведения, связанной с отказом от лечения или самолечением. Данный компонент играет ключевую роль в случаях, когда профилактические меры оказываются недостаточными, включает своевременность обращения за помощью, использование медицинских ресурсов и соблюдение врачебных рекомендаций.

Уровень здоровья выступает в качестве интегрального показателя, отражающего текущее состояние физического, психического и социального благополучия индивида, оказывает влияние на продолжительность жизни [9].

Здоровье молодежи – важный показатель общего благополучия общества и эффективности здравоохранения. Состояние здоровья молодых людей отражает качество медицинского обслуживания, предоставленного в детском возрасте, а также предсказывает будущие тенденции в здоровье населения страны. «Уровень здоровья молодежи» рассматривается как комплексный показатель, включающий в себя не только отсутствие болезней, но и физическое, психическое и социальное благополучие. Забота о здоровье молодежи – это стратегически важная задача, требующая комплексного подхода, включающего профилактику заболеваний, пропаганду здорового образа жизни и обеспечение доступности качественной медицинской помощи [4].

Источники и методы

Эмпирической основой настоящего исследования выступают данные социологических исследований. В частности, исследование Института социологии Национальной академии наук 2024 года (метод сбора информации – телефонный опрос, N = 900, ошибка выборки $\pm 3,3$ %); исследование в рамках проекта «Здоровые города и поселки», проведенное в 2024 году (метод сбора информации – анкетный опрос по месту жительства респондентов, N = 1851, ошибка выборки $\pm 2,3$ %). Объектом изучения в обоих исследованиях выступило население страны старше 18 лет, проживающее во всех областных центрах Республики

Беларусь, Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Также использованы данные второй волны (2023 г.) национального обследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер». Исследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития» (N = 2700; $\pm 1,9\%$; объект исследования – население страны старше 18 лет, проживающее во всех областных центрах Республики Беларусь, Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах; метод сбора информации – анкетный опрос).

Результаты и обсуждение

Согласно Закону Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» № 65-3 от 7 декабря 2009 г., молодежь в Республике Беларусь представлена социальной группой в возрасте от 14 до 31 года [6]. В качестве изучаемой молодежи в исследованиях Института социологии выступают граждане в возрасте от 18 лет (по причине приобретения полной дееспособности в данном возрасте, соответственно, возможности выразить согласие на участие в исследовании) до 30 лет – 83 респондента в рамках телефонного опроса, 368 человек в возрасте 18-31 год в рамках проекта «Здоровые города и поселки». В обследовании, проведенном с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер», молодежная группа представлена респондентами в возрасте от 18 лет (по аналогичной причине) до 31 года включительно – 622 респондента.

По данным опроса, проведенного Институтотом социологии НАН Беларуси, оценки собственного здоровья молодежной группой распределились следующим образом: хорошим состояние собственного здоровья считают 83,1 % опрошенных, считают его «средним» 15,1 %, только 1,1 % – плохим (рис. 1).

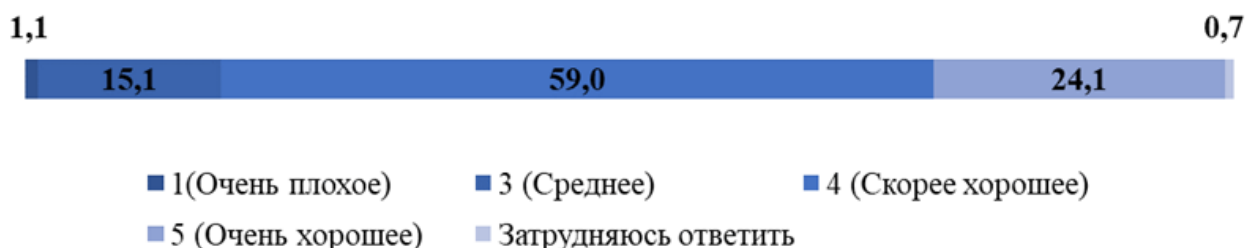

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили состояние своего здоровья в настоящее время по пятибалльной шкале, где 1 – очень плохое, 5 – очень хорошее» (в %, среди участников опроса в возрасте 18-30 лет)

Оценивая динамику состояния здоровья за прошедший год, шесть из десяти представителей молодежи указали, что состояние их здоровья осталось прежним (58,6 %), каждый пятый (20,4 %) отметил улучшение в его состоянии, ухудшение обозначили 21,0 % (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Как изменилось состояние Вашего здоровья за последний год?»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18–30 лет)

Из данных, полученных в результате исследования, реализованного Институтом социологии НАН Беларуси, известно, что с целью заботы о состоянии собственного здоровья каждый второй представитель молодежи (55,2 %) внимательно подходит к составлению рациона питания. Практически пять из десяти представителей молодежи избегают вредных привычек или стараются избавиться от них (47,5 %), соблюдают принципы здорового образа жизни (46,4 %). Четыре из десяти опрошенных представителей (40,7 %) молодежной группы принимают препараты, повышающие иммунитет (витамины, БАДы); проходят медицинский осмотр, диспансеризацию – 39,2 %; внедряют в жизнь физическую активность, спорт, закаливание – 38,2 %. Каждый третий представитель молодежи (33,1 %) соблюдает режим дня. Практически каждый пятый респондент (18,9 %) контролирует свое психоэмоциональное состояние. Только 2,1 % опрошенных не предпринимают активных усилий для заботы о здоровье (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Как Вы заботитесь о своем здоровье?»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18–30 лет)

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в результате выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни в 2024 году, доля девушек в возрасте 16-30 лет в общем числе девушек соответствующего возраста, вовлеченной в занятия спортом, составляет 51,3 %. Доля юношей в том же возрастном интервале составляет 60,9 % [7].

По данным, полученным Институтом социологии НАН Беларуси в рамках проведения опроса по эффективности реализации проекта «Здоровые города и поселки», каждый второй представитель молодежи (54,9 %) придерживается здорового питания в субъективном (собственном) понимании. Вместе с тем, четыре из десяти опрошенных (42,1 %) пренебрегают необходимостью заботиться о собственном здоровье, оптимально составляя рацион питания (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Придерживаетесь ли Вы здорового питания?»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18-31 года)

Полученные данные позволяют отметить, что среди представителей молодежи существенная доля избегает употребления алкоголя. Так, пиво и пивные напитки не употребляют 42,6 % опрошенных (употребляют с различной периодичностью – 57,4 %), вино не употребляют 57,0 % молодежи (употребляют с различной периодичностью – 43,0 %), другие слабоалкогольные напитки не употребляют 61,7 % молодежи (употребляют с различной периодичностью – 38,3 %), крепкие алкогольные напитки не употребляют 66,2 % молодежи (употребляют с различной периодичностью – 33,8 %) – рис. 5.

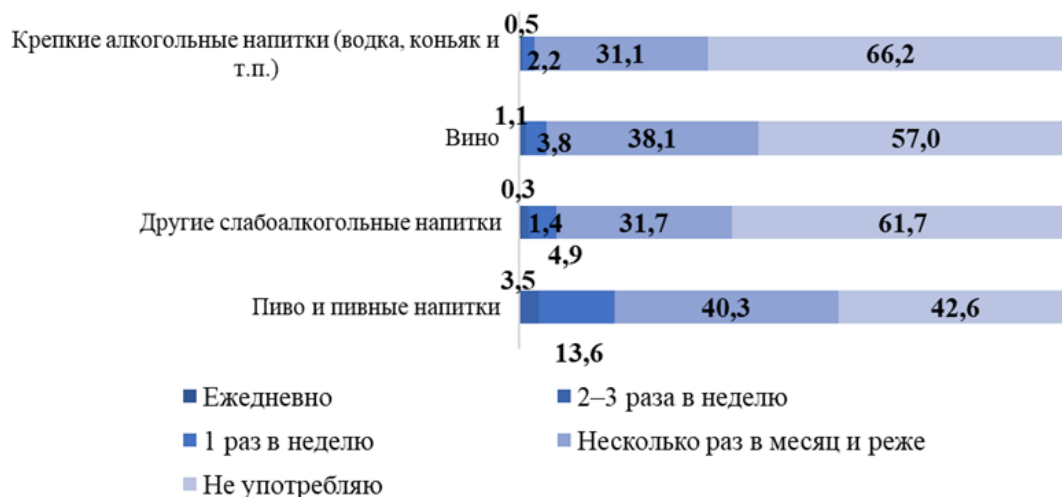

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы употребляете:»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18-31 года)

Каждый второй представитель молодежи (49,3 %) отмечает, что не курит. При этом практически четыре из десяти опрошенных являются курильщиками. В прошлом курили 12,1 % (рис. 6).

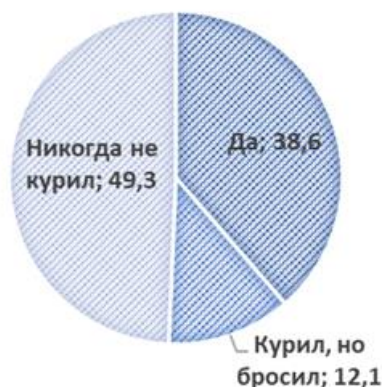

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Курите ли Вы? (в том числе вейп, IQOS и т.д.)» (в %, среди участников опроса в возрасте 18–31 года)

Таким образом, можно говорить об умеренном распространении рискованных практик поведения в молодежной среде.

По данным второй волны национального обследования, реализованного по методологии «Поколения и гендер», молодые люди в возрасте 18–31 года отмечают наличие хронических заболеваний (табл. 1). Структура хронических состояний соответствует мировым тенденциям.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о наличии хронических заболеваний/состояний (в %, среди участников опроса в возрасте 18–31 год)

Хронические заболевания	Доля ответов
Болезнь сердца	22,9
Высокое кровяное давление или гипертензия	14,4
Расстройства настроения, эмоциональные расстройства, включая тревожность, любые другие психиатрические проблемы	11,2
Хроническое заболевание легких, например, хронический бронхит или эмфизема	4,4
Язва желудка или двенадцатиперстной кишки, пептическая язва	4,3
Остеоартрит или другой ревматизм	4,2
Диабет или высокий уровень сахара в крови	3,8
Хроническая болезнь почек	3,3
Астма	2,7
Ревматоидный артрит	2,5
Инсульт или заболевание сосудов головного мозга	1,5
Болезнь Альцгеймера, деменция или любое другое серьезное нарушение памяти	1,1
Рак или злокачественная опухоль, за исключением небольших раковых опухолей кожи	0,9
Болезнь Паркинсона	0,3

По данным Института социологии, обязательную диспансеризацию в этом году прошли 50,8 % представителей молодежи, проигнорировали медицинское мероприятие 49,2 % (рис. 7).

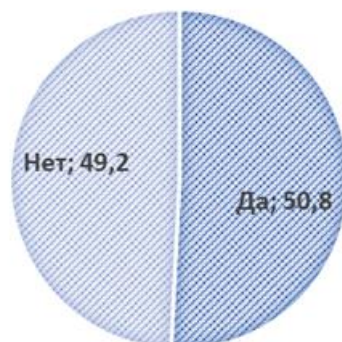

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Проходили ли Вы обязательную диспансеризацию в этом году?»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18–30 лет)

Согласно данным, полученным в результате телефонного опроса населения по вопросам здравоохранения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, белорусская молодежь проявляет сознательность в вопросе сохранения здоровья, рационально используя существующую систему медицинского обслуживания. Так, абсолютное большинство молодежи (87,6 %) обращаются в медицинское учреждение по месту жительства в случае необходимости получения медицинской помощи. Практически четыре из десяти опрошенных (38,7 %) посещают частный медицинский центр, что может быть связано как с поиском более специализированной помощи, так и с желанием получить услуги в удобное время. Реже (менее 10 %) представители молодежи обращаются в приемный покой больницы, поликлинику по месту работы, специализированный диспансер, медико-диагностический центр, службу скорой медицинской помощи, врачу частной практики, знакомому работнику медицины. Только 1,7 % респондентов указали, что не обращаются за квалифицированной медицинской помощью, занимаются самолечением (рис. 8).

Полученные данные позволяют заключить, что белорусская молодежь в целом демонстрирует сознательную модель самосохранительного поведения в вопросе получения медицинской помощи при необходимости, эффективно используя предоставляемые государством возможности для поддержания здоровья.

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Куда Вы обращаетесь за оказанием медицинской помощи?»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18–30 лет)

По данным, полученным в результате обследования второй волны с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер», на вопрос «Кто принимает решение о медицинском обслуживании?», распределение получилось следующим: в большинстве случаев это самостоятельно решаемый вопрос (71,2 %), практически в каждом четвертом случае решение принимается совместно с партнером (23,8 %). Подобное решение принимает партнер только в 4,1 % ситуаций, кто-то другой – 1,0 % (таблица 2).

**Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Кто обычно принимает решения о Вашем медицинском обслуживании?»
в зависимости от пола (в %, среди участников опроса в возрасте 18–31 год)**

	Юноши	Девушки
Решение принимаю я	61,7	77,2
Я и партнер примерно одинаково	27,9	21,0
Решение принимает партнер	8,7	1,2
Кто-то другой	1,7	0,6

Так, из полученных данных можно наблюдать, что женщины чаще, чем мужчины, принимают решение о медицинском обслуживании самостоятельно (77,2 % против 61,7 %). В свою очередь, мужчины чаще советуются с партнером по таким вопросам (27,9 % против 21,0 %) или делегируют принятие решения (8,7 % против 1,2 %).

Здоровье молодых людей – важный вопрос для любого государства, поскольку от него зависит будущее страны: демографическое благополучие, социально-экономический потенциал, трудовой резерв и др. Здоровье молодежи служит индикатором общего

социально-экономического развития. Согласно оценкам ВОЗ, на здоровье человека влияют следующие факторы: наибольший вес имеет здоровый образ жизни (52 %), генетическая предрасположенность (22 %), состояние окружающей среды (20 %), доступность и качество медицинской помощи (6 %) [8].

В исследовании, проведенном Институтом социологии, абсолютное большинство представителей молодежи отводит ключевую роль в формировании резерва здоровья образу жизни, который ведет человек (84,1 %). Четыре из десяти (44,8 %) опрошенных отводят роль влиянию окружающей среды, три из десяти представителей молодежи полагают, что существенную роль играет система здравоохранения (30,1 %), наследственность (29,1 %) – рис. 9.

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Как Вы считаете, от чего сегодня зависит здоровье человека?»
(в %, среди участников опроса в возрасте 18-30 лет)

Самосохранительное поведение детерминировано таким субъективным фактором, как «усилия самого человека» в системе сохранения своего здоровья [3]. Важно упомянуть, что при описании стратегии самосохранения стоит учитывать осознание личной ответственности за собственное благополучие, что говорит о внутреннем локусе контроля, распространенном среди молодежи, поскольку ключевую роль в формировании резерва здоровья отводится осознанным активным действиям личности.

Заключение

В современном мире принятие личной ответственности за сохранность и улучшение собственного здоровья приобретает существенную актуальность. Сложившаяся система здравоохранения чаще реагирует на существующие заболевания/патологические состояния, потому действия, направленные на предотвращение заболеваний, становятся зоной ответственности отдельного человека. Задачами системы здравоохранения являются диагностика, лечение и реабилитация лиц, страдающих от патологий. Подобная система сталкивается с рядом вызовов в контексте существования хронических неинфекционных заболеваний и возрастающего бремени болезней, связанных с образом жизни. По этой причине актуализируется необходимость перехода к проактивной, превентивной модели. Поскольку эффективность превентивных стратегий не может быть достигнута исключительно за счет усилий системы здравоохранения, ключевым элементом является выбор самого

человека, что проявляется в осознанном выборе здорового образа жизни (рациональное питание, достаточная физическая активность, соблюдение режима сна, отказ от вредных привычек), регулярном прохождении профилактических осмотров и диспансеризации. Полученные результаты подчеркивают необходимость изменения подходов к формированию стратегии самосохранительного поведения, где акцент должен смещаться с лечения заболеваний на «управление» здоровьем.

Библиографический список

1. Здоровье молодежи как объект социальной политики [Электронный документ] // Социальные аспекты здоровья населения. – 2018. – № 4 (62). – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/999/30/lang,ru/>. – DOI: 10.21045/2071-5021-2018-62-4-8.
2. Здоровье подростков и молодежи [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescents-health-risks-and-solutions> (дата обращения: 27.06.2025).
3. Здоровье студентов : социологический анализ / отв. ред. И. В. Журавлева ; Институт социологии РАН. – М., 2012. – С. 252.
4. Национальный доклад о положении молодежи в Республике Беларусь в 2022 году [Электронный ресурс]. – Минск, 2023. – 129 с. – URL: <https://молодежь.бел/upload/npa/Национальный%20доклад%20о%20положении%20молодежи%20в%20Республике%20Беларусь%20в%202022%20году.pdf> (дата обращения: 27.06.2025).
5. Неинфекционные заболевания [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases> (дата обращения: 27.06.2025).
6. Об основах государственной молодежной политики : Закон Республики Беларусь от 07.12.2009 № 65-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Статистический обзор ко Дню молодежи и студенчества, подготовленный Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2025.pdf (дата обращения: 27.06.2025).
8. Тихонова А.Ю. Самосохранительное поведение в системе жизненных ценностей молодежи / А.Ю. Тихонова, М.А. Рассихина, В.А. Кузнецова, М.А. Харина [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2022. – № 22 (417). – С. 642-645. – URL: <https://moluch.ru/archive/417/92529/>.
9. Шилова Л.С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения: стратегии поведения. – Saarbruken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – С. 130-143.
10. Шматова С.С. Социальные детерминанты здоровьесберегающего поведения (на примере студентов вузов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – № 1. – С. 56-58.
11. Adolescent and young adult health / World Health Organization. [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescents-health-risks-and-solutions> (дата обращения: 27.06.2025).

УДК 316.7:[028:070](476)

EDN BZSVRK

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-33-41

Семенова Александра Вячеславовна,
младший научный сотрудник
Институт социологии НАН Беларуси
Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2
alexandrasemoma@gmail.com
SPIN-код: 4006-0290

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ АУДИТОРИИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ

В статье рассмотрены основные тенденции функционирования традиционных и электронных СМИ в современных условиях цифровизации и интернетизации. Ввиду активного включения современной молодежи в потребление сетевых интернет-сервисов традиционная пресса привлекает внимание ученых в связи с риском исчезновения в будущем и насущной для белорусских издательств задачей адаптации в новой конкурентной высокотехнологичной среде. Актуальными являются аудиторные исследования эффективности коммуникации между издательствами и читателями, в процессе которой реализуются потребности и интересы последних. Статья опирается на результаты опроса населения, читающего газеты, реализованного Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре–октябре 2024 г. Цель исследования – изучить особенности участия молодежи в воспроизводстве аудитории республиканских и региональных газет в условиях интернетизации, а также определения перспектив сохранения позиции печатной прессы в качестве канала информирования. Рассмотрены показатели активности молодежи в разрезе разновозрастных групп относительно использования сетевых ресурсов читаемых газет и интернет-изданий, участия в развитии пользовательского контента, потребительские привычки и приоритеты относительно электронных и печатных форматов изданий.

Проведенный анализ показал, что молодые читатели периодических изданий схожи с читателями старшего возраста в связи с низкой активностью потребления сетевых ресурсов изданий и пассивным взаимодействием посредством них с издателями и другими читателями, а также в предпочтениях именно печатного (бумажного) формата газет ввиду его физических, контентных преимуществ в рамках индивидуальных привычек поведения и социальных взаимодействий. От печати как источника информации в будущем большинство молодежи не планирует отказаться в пользу Интернета. Все это указывает на то, что традиционные медиа в виде региональных и республиканских газет сохраняют свою значимость в современном медиаполе.

Ключевые слова: молодежный сегмент аудитории газет, интернет-СМИ, пользовательский контент, печатный формат газет, электронный формат газет, потребительские практики.

Ссылка для цитирования: Семенова А.В. Особенности участия белорусской молодежи в воспроизводстве аудитории республиканских и региональных газет в условиях интернетизации // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 33–41. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-33-41> EDN BZSVRK

Aliaksandra V. Siamionava,
Junior Research Fellow
Institute of Sociology, NAS of Belarus,
1, bld. 2, Surganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus
alexandrasemoma@gmail.com
SPIN code: 4006-0290

FEATURES OF CONSUMPTION OF REPUBLICAN AND REGIONAL NEWSPAPERS BY BELARUSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF INTERNETIZATION

The article examines the main trends in the functioning of traditional and electronic media in the current context of digitalization and internetization. Given the active involvement of modern youth in the consumption of online services, the traditional press has attracted the attention of scholars due to the risk of future extinction and the urgent task of adapting to the new competitive high-tech environment for Belarusian publishers. Audience research on the effectiveness of communication between publishers and readers, through which the needs and interests of the latter are realized, is of particular relevance. The article is based on the results of a survey of the newspaper-reading population, conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in September–October 2024. The purpose of the study is to examine the specifics of youth participation in the reproduction of the audience of national and regional newspapers in the context of internetization, as well as to determine the prospects for maintaining the position of the print press as an information channel. The article examines indicators of youth activity across different age groups regarding the use of online resources of read newspapers and online publications, participation in the development of user-generated content, consumer habits, and priorities regarding electronic and print publication formats.

The analysis revealed that young readers of periodicals are similar to older readers in their low online consumption and passive interaction with publishers and other readers. They also prefer the print (paper) format due to its physical and content advantages in terms of individual behavioral habits and social interactions. Most young people do not plan to abandon print as a source of information in favor of the internet. All this indicates that traditional media, such as regional and national newspapers, retain their significance in the modern media landscape.

Keywords: youth segment of newspaper audience, Internet media, user content, printed newspaper format, electronic newspaper format, consumer practices.

For citation: Siamionava A.V. [Features of consumption of republican and regional newspapers by Belarusian youth in the context of internetization]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 33–41 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-33-41>, EDN BZSVRK

Введение

В условиях цифровизации и интернетизации информационно-коммуникационного пространства вследствие интеграции в него, традиционные СМИ (в том числе печатная пресса) испытывают конвергентные и мультимедийные преобразования. В связи с этим, в научном дискурсе сформировалось применимое к современным редакциям газет понятие «конвергентных СМИ», определяемых, с одной стороны, как «функционирующие под единым брендом печатные, аудио-, теле- и интернет-версии СМИ» [7, с. 342], с другой стороны – как «Интернет-СМИ, в которых информация представлена с помощью разных медийных платформ: текст, фото, видео, подкасты, инфографика» [7, с. 343].

Все современные белорусские газетные издания республиканского и регионального уровня имеют свой сайт, многие для двустороннего взаимодействия с аудиторией используют социальные сети, мессенджеры. Вместе с развитием технологий возникают и новые подходы в предоставлении редакцией мультимедийного контента любой аудитории,

исходя из ее потребностей. Контент сегодня не ограничивается обычным текстом, но и сопровождается аудиовизуальными, графическими, анимационными материалами. Постепенно происходят изменения в редакционной структуре печатного сегмента СМИ, а также в требованиях к компетенциям современных журналистов [2].

В то же время, как отмечают исследователи, аудитория СМИ «перестает быть пассивным потребителем контента, она становится центром ежесекундно обновляющегося информационного пространства, сама может создавать и транслировать информацию, в результате чего появляется новое понятие – “пользовательский контент”» [8, с. 157]. Он распространяется добровольно и безвозмездно, находится в открытом доступе, формирует приверженность потребителя к бренду (в нашем случае – конкретному изданию) до момента приобретения. Пользовательский контент условно (ввиду возможности использования в сочетании) делится на виды: текстовые форматы (комментарии, отзывы, обзоры, вопросы и ответы, посты в соцсетях), изображения (фотографии, иллюстрации, дизайн и рисунки), видео (обзоры и распаковки), аудио (подкасты) [6]. Так, читатели имеют возможность рекламировать газеты, давать оценки контенту, принимать участие в его создании, предлагать идеи по совершенствованию изданий.

Среди белорусских исследователей имеется многолетний опыт изучения основополагающих тенденций развития Интернет-СМИ, в том числе освоения республиканской и региональной прессой новых медиаплатформ [3; 4; 5]. В своих работах (в т. ч. опубликованных более десяти лет назад, но не утративших актуальность) автор часто проблематизирует недооцененность со стороны редакторов значения своего представительства в Интернете, отсутствие у них к контенту должного интереса, несформированность у известных редакций общепринятой успешной модели функционирования и мн. др. С другой стороны, положительным эффектом использования редакцией издания интернет-ресурсов и возможностей мультимедийного формата представляется повышение его популярности за счет привлечения интернет-пользователей. Редакции ориентированы на ведение постоянной работы с читателями благодаря возможностям интернет-пространства.

Обращаясь к подходам белорусских социологов к выявлению трендов, определяющих развитие современного инфопространства, в особенности сквозь призму понятий «медиаконвергенция» («взаимное медиазамещение средствами массовой информации и сетевой коммуникации друг друга» [9, с. 120]) А. В. Посталовского, а также «новые медиа» («особый вид СМИ, контент которых создается, хранится и распространяется на цифровых устройствах исключительно в сети Интернет при помощи специально спроектированных площадок формата Интернет-порталов, социальных сетей или мессенджеров, включенными в их функциональность сервисами с активным участием пользовательской аудитории» [1, с. 4]) А. М. Бельского, следует указать на актуализированность в исследовательском дискурсе потенциальных рисков полного исчезновения печатной прессы в качестве источника информации для населения в связи с доминированием Интернета и необходимостью осваивать новые типы медиа или полного замещения печатного формата газет электронным [10].

Согласно эмпирическим данным социологических исследований Института социологии НАН Беларуси, несмотря на то, что на современном этапе цифровые медиа определяются как доминирующие в системе потребления массовых коммуникаций

населения (в 2024 г. для 51,5 % – интернет-ресурсы, 39,6 % – социальные сети, 26,1 % – мессенджеры), наряду с традиционным телевидением (57,0 %), менее популярная традиционная печать остается в круге потребляемых каналов массовой информации и сохраняет устойчивую аудиторию. Так, если в 2021 г. среди жителей страны прессу читали 12,9 %, то в 2024 г. – 19,7 %¹. Меньшую долю среди потребителей печатной прессы занимает сегмент молодежи, которая, будучи наиболее инновационно активной частью населения, представляется основной целевой аудиторией, потребности и интересы которой определяют перспективы функционирования данного вида традиционных СМИ в условиях медиаконвергентных процессов.

На основании вышеизложенного, целью статьи является изучение практик использования сетевых ресурсов республиканских и региональных газет молодежным сегментом аудитории в сравнении с читателями старшего возраста.

Методы

Для анализа отобраны данные, полученные методом массового анкетного опроса населения Республики Беларусь, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре–октябре 2024 г. в рамках НИР «Эмпирические показатели востребованности газет среди населения Республики Беларусь» по заказу Министерства информации Республики Беларусь. Объем выборочной совокупности – 626 респондентов в возрасте от 18 до 79 лет, которые читают газеты. Исследование проведено по стратифицированной выборке с охватом столичного региона, областных городов, районных центров, сельской местности. Важность изучения практик потребления республиканских и региональных белорусских газет именно молодежью подтверждается данными исследований, отражающими возрастную структуру их аудитории. Меньше среди читателей лиц в возрасте 18–29 лет – 8,1 % (тогда как в возрасте 30–44 лет – 22,4 %, 45–54 лет – 18,8 %, а в возрасте 55 лет и старше – 50,6 %).

Результаты и обсуждение

Среди опрошенных читателей республиканских и региональных печатных газет не определяется возрастная специфика образуемой ими интернет-аудитории в связи с использованием или посещением интернет-сайтов, социальных сетей, мессенджеров своих изданий. Согласно данным опроса, несмотря на очевидное определение в качестве самых пассивных пользователей цифрового контента читаемых печатных газет респондентов в возрасте от 55 лет и старше, большинство таковых относительно активных оказалось и в группе молодежи. Активными пользователями или посетителями интернет-сайтов, социальных сетей, мессенджеров тех газет, которые читают в печатном формате, являются лишь 17,6 % респондентов в возрасте 18–29 лет. Примечательно, что на фоне практически каждого второго представителя молодежи (43,1 %), не пользующегося интернет-сайтами и аккаунтами изданий, выделяется каждый третий (31,4 %), кто вовсе не знает об их существовании, а каждый шестой (16,7 %) заявил об отсутствии у читаемых газет цифрового контента, что свидетельствует о высокой степени приверженности печатному формату и об

¹ Представлены данные по результатам социологических исследований: «Мнение населения о средствах массовой информации», проведенного в октябре 2021 г. и сентябре–октябре 2022 г. (N=1501), а также «Факторы доверия государственным средствам массовой информации в условиях трансформации медиапространства: медиаизмерения и социологический анализ», проведенного в августе–сентябре 2024 г. (N=1353). Исследования проведены по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания.

отсутствии у издательств эффективных инструментов расширения аудитории за счет Интернета (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов в зависимости от возраста на вопрос «Являетесь ли Вы пользователем или посетителем интернет-сайтов, социальных сетей, мессенджеров тех газет, которые читаете в печатном виде?», в %

	18–29 лет	30–44 лет	45–54 лет	55 лет и старше
Да	17,6	20,7	11,9	9,5
Нет	43,1	60,7	66,1	74,1
В том числе: У газет, которые я читаю, нет сайтов, аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах	3,9	2,1	0,8	1,3
Я не знаю есть ли сайт или аккаунт моей газеты в Интернете	31,4	15,0	19,5	13,6
Нет ответа	3,9	1,4	1,7	1,6

Не только относительно контента читаемых печатных изданий, но и в целом газет в Интернете опрошенная молодежь не демонстрирует явной приверженности. Вовсе не пользуются онлайн-изданиями и электронными версиями печатных газет 47,1 % респондентов в возрасте 18–29 лет, однако с возрастом процент таковых увеличивается и в группе респондентов от 55 лет и старше составляет 86,8 % (рис. 2). Среди молодых людей, читающих газеты в Интернете практически каждый день, оказалось 17,6 % (что ненамного больше читающих каждый день газеты в печатном формате – 11,8 %), делающих это 1-2 раза в неделю лишь 13,7 % и не реже раза в месяц – 15,7 % (что в вдвое-втрое меньше читающих печатные газеты с такой частотой – 33,3 % и 45,1 % соответственно) (рис. 1, 2).

Рис. 1. Частота использования газет в Интернете (онлайн-издания, электронные версии печатных газет) среди респондентов в зависимости от возраста, в %

Для сравнения на рис. 2 представлена частота чтения разновозрастными категориями аудитории республиканских и региональных газет потребляемого печатного формата. Молодежь в возрасте 18–29 лет, как и опрошенные более старшего возраста, в основном читают газеты не реже нескольких раз в неделю или в месяц, что, очевидно, обусловлено периодичностью выхода новых номеров.

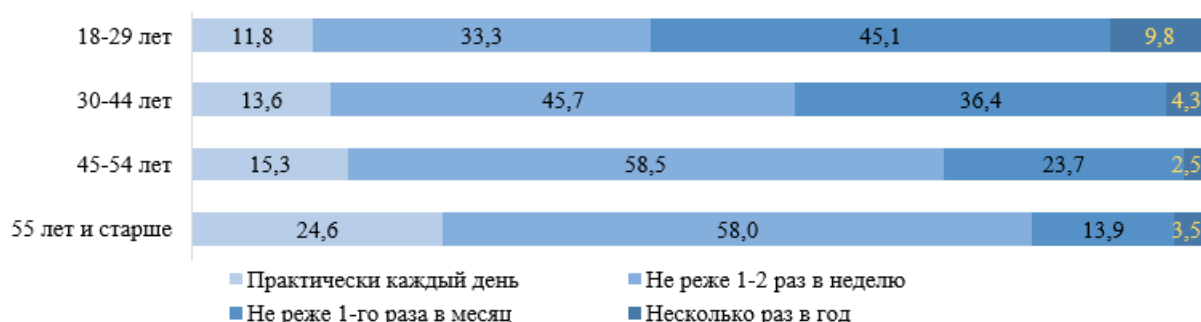

Рис. 2. Частота использования печатных газет среди респондентов в зависимости возраста, в %

Молодежь не отличается от остальной части аудитории в основной цели посещения интернет-сайтов, социальных сетей и мессенджеров читаемых печатных газет – ознакомиться с анонсами (23,5 %). Малая часть 18–29-летних читателей обращается к интернет-контенту изданий, чтобы оставить комментарии о прочитанном, уточнить информацию о выходе номеров (табл. 5).

Таблица 2. Цели посещения интернет-сайтов, социальных сетей, мессенджеров газет среди респондентов в зависимости возраста, в %

	18–29 лет	30–44 лет	45–54 лет	55 лет и старше
Ознакомиться с анонсами	23,5	27,9	22,9	10,1
Узнать/уточнить информацию о выходе номеров (периодичность)	3,9	8,6	3,4	2,8
Оставить отзыв/комментарий о прочитанном	3,9	2,9	0,8	1,6
Оформить, продлить подписку	2,0	6,4	3,4	2,5
Обратиться с предложением к редакции	0,0	0,0	0,8	0,0

Подтверждением низкой активности опрошенной аудитории печатных изданий, в том числе сегментом молодежи, в связи со взаимодействием с редакцией и другими читателями посредством Интернета, служат распределения ответов респондентов о частоте оставления комментариев, принятия участия в обсуждениях публикуемых материалов на сайтах, в социальных сетях, мессенджерах. Среди посещающих интернет-сайты изданий 18–29-летних молодых людей, большинство никогда не принимает участия в обсуждениях публикуемых материалов (49,0 %, среди всех опрошенных читателей – 38,5 %), существенно меньшее число делает это редко (7,8 %, среди всех опрошенных читателей – 8,1 %) и впятеро меньшее – иногда (5,9 %, среди всех опрошенных читателей – 5,3 %), и вовсе никто – часто (в целом по выборке 1,4 %).

Желание приобрести печатную газету после обращения к электронному контенту, анонсирующему ее номер, важную новость, краткую версию интересной статьи или интервью также не выделяет молодежь среди разновозрастных групп опрошенных. В потребительском опыте только для 11,8 % молодежного сегмента аудитории республиканских и региональных газет (к сведению, 10,1 % всех опрошенных) данный фактор имел место, что обусловлено в целом низкой активностью читателей печатной прессы в потреблении используемого редакциями для продвижения продукта цифрового контента.

Молодежь в разрезе всех возрастных групп не отличается в предпочтении читать газеты именно на бумажном носителе, а не электронном, что определяется форматными, контентными и социальными преимуществами первого варианта. Так, среди 18–29-летних опрошенных каждый второй отмечает удобство иметь газету под рукой и возможность в любой момент уточнить информацию, поделиться с кем-то; каждый второй – возможность натолкнуться на специфическую информацию, каждый шестой – привлекательность печатного формата для углубленного изучения информации, в том числе профессиональной; каждый десятый молодой человек имеет привычку делать и собирать тематические вырезки из газет. Респонденты в возрасте 18–29 лет не ограничены в использовании электронных вариантов изданий в связи с цифровыми навыками и возможностями в отличие от самой старшей возрастной группы от 55 лет, где таковым является каждый шестой. Вместе с тем практически каждый десятый представитель самой младшей возрастной группы указывает на приоритет печатного выпуска газеты ввиду того, что он выходит ранее его электронного аналога (7,8 %) (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов в зависимости от возраста на вопрос «Почему Вы предпочитаете именно печатные газеты?», в %

Причины	Возраст			
	18–29 лет	30–44 лет	45–54 лет	55 лет и старше
Удобно, когда газета под рукой, можно уточнить прочитанную ранее информацию, поделиться с кем-то	31,4	36,4	34,7	42,9
Обязательная подписка по месту работы	21,6	27,1	35,6	14,2
Можно натолкнуться на специфическую, неожиданную информацию	21,6	21,4	16,1	15,1
Мне нравится искать, углубленно изучать информацию в таком формате	15,7	11,4	13,6	18,6
Читаю информацию по моей профессиональной деятельности	15,7	21,4	15,3	6,6
Привычка делать и собирать тематические вырезки	11,8	4,3	5,9	12,6
Неуверенно, плохо владею Интернетом, компьютером	0,0	4,3	4,9	22,7
Нет устройств, позволяющих читать газеты в электронном виде	2,0	2,9	0,8	15,8
В кругу моего общения принято читать печатную прессу	3,9	7,9	8,5	14,5
Печатная версия газеты выходит ранее электронного аналога	7,8	5,0	2,5	1,9
Другое	9,8	9,3	13,6	9,5

Сохранение в будущем традиционной прессы в качестве значимого источника информации для определенной части населения имеет высокий потенциал, поскольку современная молодежь в возрасте 18–29 лет, участвующая в ее потреблении, по большей части выражает несогласие в будущем отказаться от газет и получать информацию из интернет-источников – 41,2 %; вдвое меньший процент все же такие планы имеет – 19,6 %. Затруднились высказаться по данному вопросу 39,2 % опрошенных молодых людей, представляющие целевую аудиторию в дальнейших исследованиях, направленных на повышение лояльности потребителей. В целом такие же соотношения процентных показателей согласных/несогласных/затруднившихся ответить наблюдаются и в трех старших возрастных группах, причем самыми верными печатной прессе остаются читатели в возрасте 55 лет и старше (табл. 4).

Таблица 4. Выражение согласия среди респондентов в зависимости от возраста относительно того, чтобы в будущем отказаться от газет и получать информацию из интернет-источников, в %

	18–29 лет	30–44 лет	45–54 лет	55 лет и старше
Согласен	19,6	11,4	10,2	6,3
Не согласен	41,2	52,9	53,4	72,2
<i>Затрудняюсь ответить/Нет ответа</i>	<i>39,2</i>	<i>35,7</i>	<i>36,4</i>	<i>21,5</i>

Заключение

В связи с вышеизложенным, в современных белорусских реалиях доминирования телевидения и Интернета в рейтинге основных источников информации населения, развития (прежде всего благодаря молодежи) в качестве источников информации социальных сетей и мессенджеров, и формирования ввиду этого конвергентных СМИ, традиционные медиа в виде республиканских и региональных газет сохраняют свою значимость и способны в будущем ее удерживать благодаря устойчивой аудитории. Причем специфика аудитории газет не обусловлена ее возрастной дифференциацией, а определяется схожестью потребительских привычек и предпочтений читателей относительно формата и информационного контента. Несмотря на интегрирование издательств в интернет-пространство посредством сайтов, а также ведения аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах для привлечения внимания к своему продукту различных категорий населения и предоставления аудитории возможностей для потребления газет в электронном виде, осуществления подписки на них онлайн, двустороннего взаимодействия с редакцией в любом месте и в любое время, респонденты по большей части этими преимуществами не пользуются. Хотя молодежь в разрезе разновозрастных групп населения является менее информированной частью аудитории по поводу функционирования читаемых газет в электронных форматах, однако это, скорее, указывает на отсутствие интереса у молодых читателей к потреблению интернет-контента газет, нежели на упущение издательств по данному направлению. Главная цель посещения интернет-ресурсов газет для читателей – это ознакомление с анонсами, и для молодежи не стоит проблема доступа к ним в связи с отсутствием цифровых навыков или устройств. Взаимодействие молодого читателя (как и читателя старшего возраста) с редакцией и другими читателями газеты посредством участия в обсуждении темы опубликованного материала или статьи в рамках того интернет-ресурса, на котором размещен материал, не является самоцелью. Читатели «редко», а чаще всего «никогда» не пользуются такой возможностью, поэтому вносят малый вклад в развитие пользовательского контента изданий.

Молодые читатели периодических изданий схожи с читателями старшего возраста в предпочтении именно печатного (бумажного) формата газет ввиду его физических, контентных преимуществ в рамках индивидуальных привычек поведения и социальных взаимодействий. Печатные газеты респонденты читают с частотой, соответствующей периодичности их выхода. Среди молодежи, как и среди представителей старшего возрастного сегмента аудитории республиканских и региональных газет, вдвое больше тех, кто не имеет планов в будущем отказаться от прессы и получать информацию в Интернете, чем рассматривающих подобную смену канала информирования.

Библиографический список

1. Бельский А.М. Новые медиа национального информационного пространства: специфика воздействия и типы медиапотребления / А. М. Бельский : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / А.М. Бельский ; БГУ. – Минск, 2022. – 26 с.
2. Бобров Д.В. Цифровая трансформация печатных СМИ в медиа (на примере ИД «Комсомольская правда») // Д.В. Бобров, В.В. Буга // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. – 2024. – № 1 (105). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/tsifrovaya-transformatsiya-pechatnykh-smi-v-media-na-primere-id-komsomolskaya-pravda.html> (дата обращения: 31.01.2024).
3. Градюшко А.А. Становление и развитие инфраструктуры Интернет-СМИ / А.А. Градюшко // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2009. – № 4 (54). – С. 83–88.
4. Градюшко А.А. Современная веб-журналистика Беларуси / А.А. Градюшко. – Минск: БГУ, 2013. – 179 с.
5. Градюшко А.А. Региональные медиа в цифровой среде : монография / А.А. Градюшко. – Минск: Звязда, 2020. – 184 с.
6. Захарова М.В. Пользовательский контент как инструмент формирования лояльности к бренду в цифровой среде / М.В. Захарова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2021. – № 4 (42). – С. 29–35.
7. Интернет-СМИ. Теория и практика / А.О. Алексеева [и др.] ; под ред. М.М. Лукиной. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – 346 с.
8. Молчанова О. И. Конвергентная редакция как новый тип организации редакционной структуры СМИ / О.И. Молчанова // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 1. – С. 157–166.
9. Посталовский А.В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение / А.В. Посталовский. – Минск : РИВШ, 2019. – 236 с.
10. Старичёнок В. В. Белорусское информационное пространство: приоритеты медиапотребления / В.В. Старичёнок // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества : сб. мат. междунар. науч.-практ. (онлайн) конф. (23 дек. 2020 г.) / Белорусский государственный экономический университет ; редкол.: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – С. 191–196.

УДК 323.2: 316.72

EDN FVTRWT

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-42-49

Ермолович Елена Петровна,
преподаватель кафедры политологии
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220072, г. Минск, пр-т Независимости, 4
alenaarzhok@bsu.by

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ

В статье рассматриваются трансформации ценностных ориентаций молодежи в условиях социокультурных и политических изменений, происходящих в Республике Беларусь. Анализируются противоречия между стремлением к сохранению традиционных основ и ориентацией на инновации, вызванной глобализацией, цифровизацией и изменением форматов социальной коммуникации. Особое внимание уделяется государственной политике в сфере воспитания молодежи, нормативно-правовым и идеологическим основаниям ценностного выбора, включая Конституцию Республики Беларусь, Концепцию национальной безопасности, Директиву № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» и решения Всебелорусского народного собрания. Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий элементы политической аксиологии, теории политической и социальной культур. В исследовании рассматриваются как устойчивые традиционные ценности (семья, патриотизм, национальная идентичность), так и инновационные ориентиры (цифровая грамотность, критическое мышление, культурная открытость), что позволяет выявить особенности их взаимодействия в современном обществе.

Сделан вывод о том, что государственная молодежная политика в Республике Беларусь ориентирована на формирование баланса между сохранением традиционного ценностного ядра и интеграцией инновационных ориентаций, что обеспечивает устойчивость общества и укрепление национальной идентичности в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, формирование ценностных ориентаций, современная молодежь, традиции, инновации.

Ссылка для цитирования: Ермолович Е.П. Ценностные ориентации современной молодежи: между традицией и инновацией // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 42–49. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-42-49> EDN FVTRWT

Elena P. Ermolovich,

Lecturer of the Department of Political Science
Belarusian State University

4, prospekt Nezavisimosti, Minsk, 220030, Republic of Belarus
alenaarzhok@bsu.by

VALUE ORIENTATIONS OF MODERN YOUTH: BETWEEN TRADITION AND INNOVATION

The article examines the transformation of value orientations of young people in the context of socio-cultural and political changes taking place in the Republic of Belarus. The contradictions between the desire to preserve traditional foundations and the focus on innovation caused by globalization, digitalization and changing formats of social communication are analyzed.

Particular attention is paid to state policy in the field of youth education, regulatory and ideological foundations of value choice, including the Constitution of the Republic of Belarus, the Concept of National Security, Directive No. 12 "On the implementation of the foundations of the ideology of the Belarusian state" and decisions of the All-Belarusian People's Assembly. The methodological basis of the study is based on an interdisciplinary approach that combines elements of political axiology, the theory of political and social cultures. The study examines both stable traditional values (family, patriotism, national identity), as well as innovative benchmarks (digital literacy, critical thinking, cultural openness), which allows us to identify the features of their interaction in modern society.

It is concluded that the state youth policy in the Republic of Belarus is aimed at creating a balance between preserving the traditional core of values and integrating innovative orientations, which ensures the sustainability of society and strengthening of national identity in the context of global challenges.

Keywords: values, value orientations, formation of value orientations, modern youth, traditions, innovations.

For citation: Ermolovich E.P. [Value orientations of modern youth: between tradition and innovation]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 42–49 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-42-49>, EDN FVTRWT

Современная молодежь — стратегический ресурс государства, от которого зависит не только социальная динамика, но и устойчивое развитие национальной идентичности Республики Беларусь. Молодежь как наиболее восприимчивый к изменениям социальный слой демонстрирует особую чувствительность к противоречию между сохранением культурных традиций и стремлением к глобальным инновационным трендам. В белорусских реалиях данные процессы проходят под пристальным вниманием государства, формирующего систему идеологических и ценностных координат в рамках устойчивого развития страны.

Анализ базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем элементы политической аксиологии, теории политической и социальной культуры. В числе базовых источников — работы отечественных и зарубежных исследователей в области политологических и социологических исследований молодежи.

Понятие «ценность», а впоследствии и «ценностные ориентации», привлекло внимание исследователей еще в XIX веке, став предметом междисциплинарного научного анализа.

Анализируя эволюцию философских подходов к осмыслению категории «ценность», необходимо отметить, что системное введение данного понятия в научное обращение связывается с именем немецкого философа Р. Г. Лотце, который в 1860-х гг. заложил основы современного ценностного дискурса [6, с. 23]. В рамках социологической науки ценности

первоначально рассматривались как элементы социальной установки, выполняющей регулятивную функцию в отношении поведения индивида. С развитием научного знания данная проблематика получила широкое освещение в исследованиях представителей смежных дисциплин — философии, психологии, педагогики, политологии, социальной психологии. В частности, в политологическом измерении ценностные ориентации трактуются как один из ключевых компонентов формирования политического сознания, легитимации власти и воспроизводства политических институтов, что определяет актуальность их изучения в контексте трансформационных процессов, происходящих в современном обществе [11, с. 23].

Проблематика ценностных ориентаций современной молодежи освещена в трудах таких ученых как: А.А. Белов, А.Н. Данилов, Л.В. Филинская, И.В. Котляров, Д.Г. Ротман, Н.Г. Юркевич, С.Д. Лаптенко, С.Н. Бурова, С.В. Расторгуева, Ю.М. Бубнов, Н.А. Сосновская, Т.И. Шупенько.

Целью статьи является политологический анализ ценностных ориентаций современной белорусской молодежи в условиях социокультурной трансформации, цифровизации и идеологического обновления. Особое внимание уделяется противоречию между устойчивыми традиционными ценностями и усиливающейся ориентацией на инновации. Исследование направлено на выявление механизмов формирования и воспроизводства этих установок через систему институтов социализации, включая образование, медиа, семью и идеологическую политику государства.

Рассмотрение феномена традиционных ценностных ориентаций требует выявления критериев, на основании которых те или иные установки могут быть отнесены к категории традиционных. В политологическом и социокультурном дискурсе традиционные ценности интерпретируются как устойчивые нормативные ориентации, исторически закрепленные в общественном сознании и воспроизводимые через институциональные механизмы социализации, такие как семья, система образования, религиозные институты, а также государственная идеология [1, с. 44].

Анализ научной литературы свидетельствует о сложности природы ценностей как социального и политического явления. Множественность исследовательских подходов к их интерпретации предопределяет разнообразие существующих классификаций, которые в обобщенном виде могут быть подразделены на две основные группы: содержательные и иерархические.

Содержательные классификации позволяют дифференцировать ценности по сферам жизнедеятельности — политической, экономической, нравственной, религиозной, культурной и т.д. Иерархические подходы, в свою очередь, акцентируют внимание на степени значимости тех или иных ценностей для индивида или социальной группы, формируя систему приоритетов, отражающую доминирующие установки в конкретном обществе или сообществе [8, с. 199].

Особое распространение в научной литературе получила типология традиционных ценностей, включающая в себя такие базовые элементы, как патриотизм, уважение к институту семьи, национальная идентичность, социальная солидарность, трудовая этика и признание легитимности государственной власти. Эти ценности, как правило, рассматриваются в политологическом контексте в качестве факторов, способствующих укреплению социальной стабильности, консолидации общества и легитимации политического порядка.

С позиции политологической науки, ценностные ориентации представляют собой устойчивые предпочтения индивида в отношении определенных материальных и духовных ценностей, которые выступают в качестве смысловых ориентиров и целевых установок его жизнедеятельности. В широком значении они определяют направленность

жизненного пути личности, формируя индивидуальный стиль поведения, мотивационные установки и гражданскую активность. Ценностные ориентации аккумулируют социокультурный и исторический опыт, одновременно отражая иерархию приоритетов между материальными и нематериальными (духовными) ориентирами, характерную для конкретного социума.

Современные исследования свидетельствуют о том, что формирование ценностных ориентаций не носит спонтанного характера, а представляет собой длительный и сложный процесс, происходящий на протяжении всей жизни человека под влиянием множества факторов. Особое значение в этом контексте имеет этап первичной социализации, охватывающий возрастной период до 18–20 лет, в рамках которого закладываются базовые установки и формируется фундаментальная система ценностей. Эти установки приобретают относительную устойчивость, подвергаясь пересмотру, как правило, лишь в условиях личностных или общественных кризисов [12, с.180].

Именно в этот период молодежь активно включается в процессы политической социализации, приобщаясь к общественно-политической жизни, осваивая нормы политического поведения и формируя элементы политического сознания. Социализационный процесс осуществляется как под воздействием институциональных политических факторов (государства, политических партий, общественно-политических движений), так и неполитических агентов социализации — семьи, образовательных учреждений, религиозных организаций, неформальных сообществ и средств массовой информации. Эти институты играют ключевую роль в подготовке молодежи к осмысленному участию в жизни общества и формированию собственной гражданской позиции.

Ценностные ориентации молодежи представляют собой совокупность устойчивых установок, определяющих социальное поведение и политическую активность. В белорусском контексте можно выделить несколько ключевых направлений, такие как традиционные и инновационные ценности.

Традиционные ценности молодежи формируются на основе исторического и культурного наследия страны, идеологии белорусского государства и социальных норм, направленных на сохранение национальной идентичности и суверенитета. Они являются основой для воспитания гражданственности, патриотизма и устойчивости белорусского общества перед внешними и внутренними вызовами, недопущении разрозненности смысловых концептов государственной идеологии, размывание общенациональной идентичности единой общности, формирование негативного образа государства и его институтов.

Ключевыми традиционными ценностями молодежи являются формирование семейных ценностей. В белорусском обществе семья рассматривается как фундаментальная социальная ячейка, обеспечивающая воспитание личности и передачу культурных и нравственных норм, уважение к старшему поколению, которая выражается в поддержке общепринятых принципов, заботе о родителях и сохранении семейных устоев. Молодежь воспитывается в духе почитания предков, осознания их вклада в развитие общества и страны [9, с. 108].

Наряду с традиционными, в ценностной системе современной белорусской молодежи все более заметную роль начинают играть инновационные ценности.

Понятие «инновация» было введено в научный оборот австрийским экономистом Й. Шумпетером, который определил его как процесс появления нового, ранее неизвестного феномена или практики [13, с. 28]. Первоначально инновации рассматривались преимущественно в контексте предпринимательской деятельности и экономического роста, что предопределило их восприятие в рамках экономической и естественнонаучной парадигмы. Тем не менее, подобный подход представляется односторонним и неполным,

поскольку игнорирует фундаментальную роль социокультурных детерминант в механизмах институциональных преобразований. Как справедливо отмечается в ряде исследований, ключевые механизмы процессов инновационного развития заложены именно в социокультурной плоскости, в структуре общественного сознания, системе ценностей, уровне развития политической культуры и доверия к институтам [2, с.36].

Ключевыми детерминантами формирования и развития инновационных ценностей у белорусской молодежи выступают факторы, отражающие трансформацию общественно-политической и социокультурной среды в условиях цифровизации, глобализации и нарастания социальной мобильности. Эти ценности формируют новую идентичность молодежи, ориентированную на активное участие в информационном, культурном и политическом пространствах.

Во-первых, цифровая грамотность и технологическая инициативность рассматриваются как базовые компетенции, обеспечивающие интеграцию молодежи в глобальное информационное общество. Владение цифровыми технологиями, способность к их критическому освоению и самостоятельному применению становятся не только фактором профессиональной конкурентоспособности, но и условием включенности в современные формы политической и гражданской коммуникации.

Во-вторых, важное место занимает критическое мышление и политическая рефлексия, которые выступают показателями интеллектуальной зрелости молодого поколения. Способности к осмыслению политических процессов, оценке деятельности институтов власти, анализу общественных явлений с позиций рациональности и гражданской ответственности формируют предпосылки для активного и осознанного участия в политической жизни.

В-третьих, культурная открытость и толерантность служат выражением готовности молодежи к межкультурному диалогу и признанию многообразия как ценности. Эти качества способствуют развитию инклюзивного общества, укреплению социального доверия и преодолению ксенофобских и изоляционистских тенденций [3, с.470].

Результаты исследований Института социологии НАН Беларуси подтверждают существование устойчивой дуальности: с одной стороны, молодежь высоко оценивает стабильность и безопасность, с другой — выражает потребность в расширении пространства для самовыражения и инноваций.

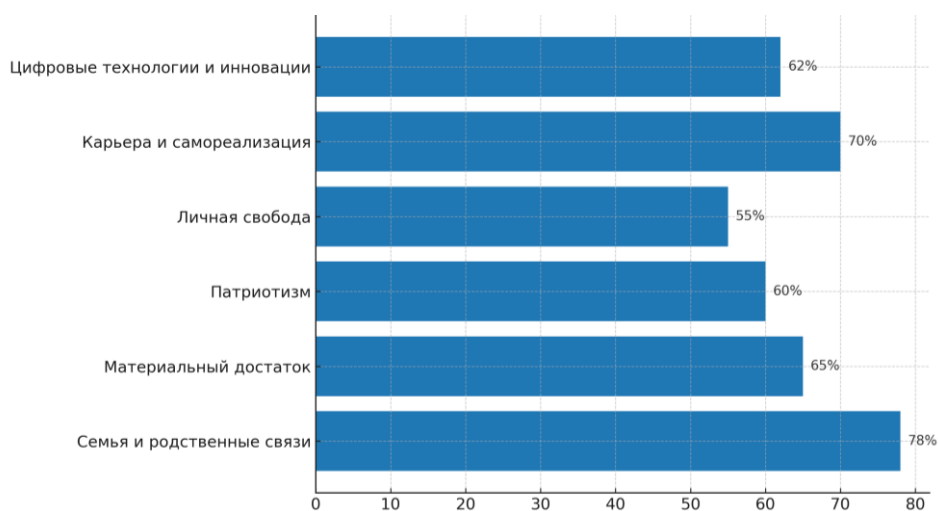

Рис. 1. Ценностные ориентиры молодежи в Республике Беларусь по результатам социологического опроса Института социологии НАН Беларуси

Диаграмма демонстрирует высокий приоритет семьи, карьеры и самореализации, при этом также сохраняется значимость патриотизма и цифровых инноваций.

Опираясь на данные исследований, можно отметить трансформацию базовых ценностей белорусской молодежи в пользу сохранения значимости традиционных семейных устоев. Институциональная значимость семьи как базового элемента социальной структуры общества отражает укрепление консенсуса относительно приоритетности традиционных норм и историко-культурного наследия в процессе формирования национальной идентичности.

Основными базовыми ценностями белорусской молодежи являются:

На первом месте — семья и родственные связи (78%), что подтверждает устойчивость традиционного ценностного ядра.

Высокие показатели у карьеры и самореализации (70%), материального достатка (65%) и цифровых инноваций (62%), что указывает на значимую роль современных ориентиров.

Патриотизм (60%) и личная свобода (55%) отражают сбалансированную связь между идентичностью и стремлением к индивидуализации [10].

Современная белорусская молодежь находится в уникальной точке культурного выбора: с одной стороны — прочный фундамент традиций, с другой — мобилизующий вызов цифрового будущего. Баланс возможен при соблюдении условий. Государство должно опираться на ценностное ядро, но при этом не игнорировать инновационные потребности молодежи, идеологическая политика должна быть «живой», открытой к диалогу, адаптивной и опирающейся на современные формы коммуникации.

Директива № 12 от 9 апреля 2025 г. «О реализации основ идеологии белорусского государства», подписанная Президентом Республики Беларусь, акцентирует необходимость целостной идеологической работы с населением, особенно с молодежью. В документе подчеркивается, что молодежь должна воспринимать идеологию как систему нравственно-государственных координат, а не как внешнее давление. Отдельный упор делается на формирование у молодых граждан чувства сопричастности к судьбе страны, ответственности за ее развитие, уважения к государственным символам, языкам и культуре [7].

Особое значение приобретает роль образования и культуры как посредников между традицией и модернизацией. Молодежные инициативы, волонтерство, проектные формы работы, цифровые платформы — все это инструменты сближения идеологического содержания с реальными интересами молодых граждан.

В Конституции Республики Беларусь обозначена приверженность государства нравственным, гуманистическим и патриотическим ценностям (ст. 4, 15, 32), что отражает конституционно закрепленную установку на гражданскую зрелость, политическую инклюзивность, межкультурную коммуникацию, национальную идентичность, уважение к историко-культурному наследию, всестороннему развитию молодежи.

Эти нормы создают нормативно-правовую основу для формирования у молодежи представлений о свободе политического самоопределения, уважении к инакомыслию и необходимости осознанного гражданского участия, что особенно важно в контексте цифровизации общественно-политического пространства и роста сетевой активности молодых граждан, укреплению традиционным ориентирам молодежи, в частности — идеям национального самосознания, уважения к истории и институциональной преемственности. Для современной белорусской молодежи, находящейся в условиях трансформационного общества, конституционное закрепление патриотических ориентиров способствует сохранению единства и укреплению социальной солидарности [4].

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивает важность ценностной устойчивости молодежи как фактора защиты национального суверенитета и культурной самобытности, указывает на необходимость формирования устойчивых мировоззренческих и ценностных ориентиров у молодежи как условия противодействия внешнеполитическому и информационному воздействию, подрывающему национальное

единство и государственную идентичность [5]. Молодежь рассматривается как уязвимая, но потенциально консолидирующая группа, способная обеспечить преемственность национальных смыслов, устойчивость к деструктивным идеологиям, политическим манипуляциям и размыванию культурных основ.

Особый акцент выделен на культурной безопасности, в том числе через поддержку традиционных институтов социализации (семьи, школы, культуры, армии), что напрямую связано с укреплением национальной идентичности.

Важнейшим аспектом дестабилизации молодежи являются вызовы гибридных угроз, распространяемых через цифровую среду и социальные сети. Государство ориентируется на формирование у молодого поколения критического мышления в нестандартных ситуациях, что соответствует инновационным ценностным ориентирам современной молодежи.

Решения VII Всебелорусского народного собрания (ВНС) в контексте формирования ценностных ориентаций современной молодежи акцентировали необходимость системного подхода к воспитанию молодого поколения на основе патриотизма, социальной ответственности, уважения к национальным традициям и готовности к инновационному развитию.

Одним из ключевых приоритетов обозначено укрепление роли институтов социализации — системы образования, молодежной политики, средств массовой информации, культурных учреждений и семьи — в трансляции стратегических ценностей, таких как приверженность национальному суверенитету, исторической памяти, социальной справедливости и гражданской активности.

Особое внимание в решениях ВНС уделено задаче формирования у молодежи духовно-нравственной устойчивости как основы сопротивляемости внешним идеологическим влияниям, попыткам искажения сознания и разрушения идентичности. Подчеркивается значимость интеграции молодежи в процессы государственного строительства и общественного диалога на основе уважения к государственным символам, Конституции и институтам власти.

На фоне цифровой трансформации общества молодежь также рассматривается как активный субъект модернизации, способный соединять традиционные ценности с инновационными ориентирами, включая стремление к самореализации, аналитическому мышлению, участию в глобальных информационных и культурных процессах. Решения VII Всебелорусского народного собрания формируют нормативную основу для укрепления ценностной идентичности молодежи, способной обеспечить устойчивость государства и преемственность поколений в условиях социокультурных трансформаций [14].

Современная молодежь Республики Беларусь находится в фокусе ценностного противоречия между устойчивыми традиционными установками и нарастающей тенденцией к инновационному, глобальному образу мышления. Данные процессы протекают не хаотично, а в рамках структурированного, институционально направляемого процесса социализации, где особая роль отводится государственным идеологическим стратегиям.

В ходе анализа прослеживается актуальность диалога между традицией и инновацией как основы для консолидации общества и устойчивого воспроизводства национальной идентичности. Молодежь не отвергает традиционные ценности — напротив, они (патриотизм, семейные ценности, национальное самосознание) остаются фундаментом идентичности. Однако параллельно усиливается ориентация на самореализацию, цифровую компетентность, культурную мобильность и критическое мышление — качества, без которых невозможна продуктивная адаптация к вызовам в современном мире.

Государственная политика, согласно Конституции Республики Беларусь, Концепции национальной безопасности, Директиве № 12 и решениям VII Всебелорусского народного собрания, ориентирована на формирование у молодого поколения целостной идеологической картины мира, способной не подавлять, а интегрировать как традиционные,

так и инновационные ценности. Подчеркнута необходимость создания открытых, интерактивных и содержательно насыщенных форм взаимодействия с молодежью на платформе взаимного уважения и доверия.

Будущее Республики Беларусь во многом зависит от способности государства не просто транслировать ценности, но и формировать среду их осознанного принятия молодым поколением. Стратегическая задача — превратить молодежь в сознательного носителя национального проекта, способного интегрировать культурное наследие и инновационное устремление в целостную систему гражданского и политического действия.

Библиографический список

1. Бакун А.С. Молодежная политика Республики Беларусь в контексте традиционных ценностей / А.С. Бакун // Актуальные проблемы социальной политики и идеологии. — Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. — С. 43–46.
2. Вerezгова И.В., Тихонова С.В. Ценностные ориентации молодежи в условиях инновационного развития России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2016. — № 1 (46). — С. 36–41.
3. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии / А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2021. — Т. 21. — № 3. — С. 469–481.
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. — 109 с.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. — 62 с.
6. Лотце Р.Г. Основания практической философии. — СПб.: Типография М.И. Румша, 1882. — 87 с.
7. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Республики Беларусь, 9 апреля 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p02500012&ysclid=mivptpilbm499934757> (дата обращения: 12.06.2025).
8. Расторгув С. В., Сучилина А. А. Исследования ценностного ядра современной российской молодежи / С.В. Расторгув, А.А. Сучилина // Власть. — 2025. — № 1. — С. 198–204.
9. Рожок Е.П. Традиционные семейные ценности как основа белорусской государственности // Политическая наука как призвание и профессия (к 75-летию доктора политических наук, профессора кафедры политологии, Заслуженного работника образования Республики Беларусь Решетникова Сергея Васильевича) [Электронный ресурс] : материалы круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 июня 2024 г. — Минск : БГУ, 2024. — С. 107–110.
10. Социальный портрет современной молодежи Беларуси : Институт социологии НАН Беларуси. — URL: <https://socio.bas-net.by/sotsialnyj-portret-sovremennoj-molodezhi-belarusi/> (дата обращения: 20.06.2025).
11. Тупичкина Е.А., Андриенко Н.К., Семенака С.И. Традиционные и инновационные ценности в информационном обществе: проблема интерференции // Научнопедагогическое обозрение (Pedagogical Review). — 2022. — Вып. 5 (45). — С. 20–29.
12. Храмова Ф.И., Гулякевич А.В. Эмпирическое измерение инновационной методологии работы с молодежью в условиях цифровой трансформации (на материалах Республики Беларусь) / Ф.И. Храмова, А.В. Гулякевич // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 9-1 (84). — С. 176–182.
13. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й.А. Шумпетер ; перевод с нем. В. С. Автономова и др. — Москва : Прогресс, 1982. — 455 с.
14. VII Всебелорусское народное собрание : Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/april/77520/> (дата обращения: 20.06.2025).

УДК 316.733
EDN FZPFND
DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-50-57

Реутский Александр Сергеевич,
младший научный сотрудник
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Академическая, 25
cspr@bsu.by

РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ МЕЖДУ МОЛОДЕЖНЫМИ СУБКУЛЬТУРАМИ

Современное общество фрагментируется, и на этом фоне экзотическим выглядит процесс, происходящий в области молодежных субкультур. В этой области наблюдается размывание границ между разными субкультурами, меньшая направленность к созданию четких границ, сильный синкретизм и взаимопроникновение особенностей различных регионов. Все это в совокупности говорит о трансформации самого понятия «субкультура», равно как и границ между ними. Изменение форм субкультур также отражается на долговечности их активности и популярности. Время жизни современных субкультур сильно уменьшилось и может составлять максимум год, после чего субкультура или изменяется, или теряет привлекательность. Причинами подобных изменений можно считать значительно увеличившийся доступ к информации, наследие старых субкультур в таких сферах, как музыка, кино, изобразительное искусство, мода и стиль, а также отсутствие насущной необходимости бороться за статус и выживание. Субкультуры сегодня, зачастую именуемые постсубкультурами, могут даже не иметь идейного и философского содержания, будучи сугубо демонстративным феноменом. Тем не менее, возможность становления субкультур в классическом их понимании остается, но при определенных изменениях в обществе.

Ключевые слова: субкультура, самость, интеграция, глобализация, протест, интернет-культура, социальные сети.

Ссылка для цитирования: Реутский А.С. Размывание границ между молодежными субкультурами // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 50–57. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-50-57> EDN FZPFND

Alexander S. Reutski,
Junior Research Fellow
Belarus State University,
25, Akademicheskaya str., Minsk, 220072, Republic of Belarus
csp@bsu.by

BLURRING THE BOUNDARIES BETWEEN YOUTH SUBCULTURES

Modern society is fragmented, and against this background, the process taking place in the field of youth subcultures is seen as exotic. In this area, there is a blurring of boundaries between different subcultures, less focus on creating clear boundaries, strong syncretism and interpenetration of the characteristics of different regions. All this together speaks to the transformation of the very concept of "subculture", as well as the boundaries between them. The change in the forms of subcultures also affects the longevity of their activity and popularity. The lifespan of modern subcultures has significantly decreased and can be a maximum of a year, after which the subculture either changes or loses its appeal. The reasons for such changes can be considered to be significantly increased access to information, the legacy of old subcultures in such areas as music, cinema, fine art, fashion and style, as well as the absence of an urgent need to fight for status and survival. Subcultures today, often called post-subcultures, may not even have ideological and philosophical content, being a purely demonstrative phenomenon. Nevertheless, the possibility of the formation of subcultures in their classical understanding remains, but with certain changes in society.

Keywords: subculture, self, integration, globalization, protest, Internet culture, social networks.

For citation: Reutski A.S. [Blurring the boundaries between youth subcultures]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 50–57 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-50-57>, EDN FZPFND

Изменяемость и постоянные трансформации современного общества не оставляют в стороне такую специфическую и ставшую привычной для общества сферу, как субкультура. Прежде популярное и связываемое в массовом сознании с Западной цивилизацией и образом жизни понятие, оно уже давно было интегрировано и воспринято населением по всему миру. Причиной этого стали процессы в политике, экономике, культуре, международных отношениях, в науке и изменении самого стиля жизни.

Для начала необходимо размежевать понятия «субкультура», «контркультура» и «фандом». На первый взгляд, эти понятия кажутся схожими: во всех этих движениях есть некоторый дресс-код, знаковые предметы и события, разделяемые членами этих движений и привлекающие их и новых членов. Существуют тематические объединения, клубы этих групп, однако имеется разница между этими понятиями.

Фандом не предполагает наличие сплоченности, правил, характерного кода, свода правил, особого миропонимания и взгляда на реальность. Фандом формируется вокруг определенного культурного феномена (жанра, автора, произведения, мема) и фактически на нем останавливается. При определенных условиях фандом может быть частью одной субкультуры (например, фанаты определенного произведения жанра аниме) или развиться в отдельную постсубкультуру. У фандомов почти не присутствует уникальный взгляд на мир и общественные запросы, они являются проявлением любви к определенному предмету или феномену.

Понятие «субкультура» имеет множество определений, в зависимости от подхода, который применяется исследователем. В 1950 году американский социолог Д. Рисмен обозначил субкультуры как группы, «принимающие альтернативные господствующим

ценности и мораль» [16]. Британский социолог и медиавед Хэбдидж выделял в качестве важного элемента субкультуры понятие общего стиля. Стиль демонстрировал протест членов группы против принятой нормы и способствовал самовыражению. Это определение стало основой для формирования Бирмингемской школы изучения субкультур [12]. Т. Парсонс, применяя термин «субкультура», описывал девиантную группу, стремящуюся вытеснить своих отцов и занять их место. Их функциональная роль заключается в адаптации к условиям общества [17]. Согласно мнению А.В. Мудрика, субкультура – совокупность специфических социально-психологических признаков (норм, ценностей, стереотипов, вкусов и т.п.), влияющих на стиль жизни и мышления номинальных и реальных групп людей, позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «мы», отличного от «они» (остальных представителей социума) [9].

Разница между субкультурой и контркультурой заключается в способе взаимодействия с доминирующей культурой [1]. Субкультура действует отрешенно от доминирующей, исключая себя из системы образа жизни, морали и ценностей большинства членов общества. Контркультура намеренно противостоит общепринятой морали, стилю и идее.

Одной из главных черт субкультур и контркультур является определенный ценностно-моральный комплекс. Он задает членам понятие ценности определенных предметов или явлений, дихотомию «правильное-неправильное». Иногда это превращается в набор правил или кредо («Закон улиц»).

В современности большее распространение получает термин «постсубкультура». Этим термином обозначают культурные группы и объединения нового времени, использующие новые способы выражения. Этот феномен был связан с постепенной демократизацией общества, стиранием границ между сообществами и в принципе характера взаимоотношений. Также существует и постсубкультурный научный метод. Постсубкультурные исследования анализируют соотношение факторов, играющих решающую роль в проведении разграничения между доминантной культурой (мейнстримом) и субкультурами. [12]

Целью данного исследования является рассмотрение феномена постепенного стирания границ между субкультурами как в горизонтальном (между различными субкультурами), так и в вертикальном (между различными формами развития одного из типов или культурного синкретизма) срезах. Субкультуры (или, правильнее сказать, эквиваленты субкультур) существовали еще в конце XIX – начале XX веков. Можно начинать отчет субкультур с 20-ых годов XX века (флэпперы, нэпманы, гарсоннс, моден гяру), поскольку эти движения уже имеют свой собственный морально-ценностный комплекс, стиль, приверженность определенным предметам искусства.

Традиционно расцвет субкультурного движения отсчитывают от 50-х гг. XX века и до начала XXI века. Именно в этот временной период появляются наиболее известные и знаковые общественные объединения. Причиной такого расцвета стали рост благополучия и его последующее вырождение, социальные кризисы, урбанизация, обострение классовых, расовых, половых конфликтов, борьба за права и равенство различных групп населения, формирование и развитие массовой культуры, значительные изменения в образе и темпе жизни, политические события, такие как войны, потрясения, вроде преступлений на почве расизма, национализма, ненависти. Западное общество тогда находилось, согласно теориям Д. Белла и Д.К. Гэлбрэйта, в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному.

Прежде всего, необходимо провести сравнительный анализ популярных субкультур XX и XXI веков. На примере ряда субкультурных направлений (гедонистические, протестные, идеократические) можно обнаружить заметную разницу между субкультурами эпохи расцвета и сегодняшними их аналогами. Формирование фракций внутри общества и его дробление традиционно связывают с аномическим периодом – критическими изменениями в обществе, приводящие к переоценке ценностей из-за устаревания актуальной матрицы.

Однако важно отметить тот факт, что для большинства знаковых субкультур XX века определяющим является фон их зарождения. Такие движения, как рокеры, панки, хиппи, скинхеды, металлисты, байкеры, гранжи, формировались как протестные группы [14]. Хиппи наиболее известны своим участием в антивоенном движении, с которыми и ассоциируется их образ жизни и стиль. Рокеры, панки и рэперы стали движением протеста против той культуры, которая сковывает и угнетает стремления и надежды молодого поколения. Панки и скинхеды наиболее интересны, потому что демонстрируют то, насколько различные движения может породить одна социальная среда – бедные английские индустриальные кварталы. Нищета британского дна создала как нигилистическое движение индивидуалистов, так и солидаристское оборонительное движение. В этот момент в субкультурах просматриваются элементы организации орденового типа. Есть дресс-код, есть понятие о добре и зле, моральном и аморальном, некоторые зачатки организации (клубы, уличные банды) с явными фигурами лидеров мнений. Существует борьба между различными движениями, ярко выраженное презрение к идеалам других групп и конфликты.

Стоит также отметить вопрос противостояния различных субкультур или, еще глубже, направлений внутри субкультур. Противостояние, например, эмо и готов – это противостояние двух различных ветвей панк-движения. Эмо также принадлежат к той ветви панк-субкультуры, из которой появились «стрейты» – движение фанатов панк-рока, ведущих трезвый, здоровый образ жизни.

Сегодня, после процесса распада и интеграции субкультур и контркультур в массовую культуру (каким образом – вопрос, требующий отдельного рассмотрения для каждой субкультуры), в распоряжении молодежи находится весь пройденный социальный опыт, который каждая группа испытала в зачастую аналогичных условиях, выражая те же эмоции, чувства, любовь к схожим культурным феноменам.

Важным же для субкультур XXI века становится понятие «самости». Через подбор характерных черт человек демонстрирует не столько общность с определенной группой, сколько стремление к индивидуальному проявлению. Образцом для этого могут быть уже неактуальные субкультуры. Такое явление, как «пояснить за шмот» (обозначить право на ношение какой-либо одежды), уже является сравнительно редким, воспринимается с долей иронии. Общество постмодерна равнодушно к большинству таких движений и не воспринимает их как нечто выдающееся. Это объясняется в том числе и тем фактом, что поколение панков, стилинг, гранжей, рейверов, хиппи, скинхедов, глэмеров и металлистов выросло, нашло свое место в новом обществе и произвело новое поколение. В этой ситуации традиционный конфликт между отцами и детьми в плане субкультур оказывается несколько сглажен [2].

Таким образом, можно выделить типологию субкультур, на основании которой можно проводить сравнение молодежных групп сегодняшнего дня. В зависимости от плоскости

рассмотрения предмета можно выделить различные типологии субкультур, но наиболее подходящей будет разделение на две группы:

- Субкультура «общности» культивирует большую солидарность с группой, приверженность практикам, идеям и дресс-коду группы, участию в мероприятиях и движениях. Эти субкультуры соответствуют точке зрения Бирмингемской школы на субкультуры.

- Субкультура «самости» – это субкультура, больше направленная на самовыражение и соответствует определению постсубкультурной школы.

Нельзя сказать, что оба этих типа противоречат друг другу или имеют разительные отличия. Однако культуры «самости», в отличие от культур «общности», не находятся под давлением общества и имеют меньше обязательств и требований к своим членам. Культуры «общности» более явно выражены, более склонны к формированию движений, культов, группировок. Это и является определяющей разницей между этими двумя типами.

Особенностями данного периода формирования и развития субкультур являются сильное влияние интернета и социальных сетей [3]. После того, как интернет стал частью повседневности, поток информации и контактов значительно возрос.

Общество постмодерна в интернет-пространстве выражается более явно. Вхожесть или невхожесть в определенный дискурс может закрепляться формированием закрытых бесед, сообществ, попыткой отгораживания от нежелательных элементов, поиска поддержки далеко за пределами места жительства. Это делает формирование сообществ более безопасным. Нет больше риска драк с противостоящими движениями, есть возможность выплескивания протеста, если он не выходит за рамки закона.

Появление феномена «информационных пузырей» привело к зарождению огромного количества неформальных сообществ. Эти сообщества могут объединять людей разных классов, национальностей, рас, полов, объединенных общим увлечением. Это может быть что угодно, от рода занятий до научных теорий. Сегодня именно такие информационные пузыри становятся отправными точками генезиса фандомов постсубкультур.

Понятие «интернет-субкультура» является достаточно широким [4]. Оно включает в себя как те субкультуры, деятельность которых завязана на сетевом пространстве (хакеры, иногда сюда причисляют геймеров), так и субкультуры, идейно не связанные с сетевым пространством, но существующие и общающиеся посредством всемирной сети интернет. Это позволяет значительно увеличить охват различных субкультурных движений и найти подражателей в самых разных точках земного шара. Скорость распространения информации прямо влияет на принятие определенных движений.

Главный фактор, приводящий к слиянию элементов различных субкультур, сближению и размыванию границ между ними – это состоявшийся опыт знаковых для XX века субкультур, аккумулированный в воспринимаемой потребителем информации. Выражаясь термином В. Парето, опыт знаковых субкультур XX века стал деривацией – почвой, влияющей на последующие события и итерации данного явления [15].

При соблюдении паттернов поведения в аналогичных условиях формируется своеобразная «субкультурная традиция». Определенный задел, на основании которого и будет строиться новое движение или субкультура, набор базовых ценностей и расплывчатое кредо, роль в общественной жизни и, самое главное, подходящее бытие для формирования характерных групп и объединений.

В качестве примера культурного синкретизма стоит привести понятие «Альт». Это движение, не обладающее явными признаками, кроме одного – «нестандартная внешность и поведение». Во внешнем виде типичного «альта» или «альтушки» угадываются характерные элементы для движений готов, панков, металлистов, рокеров, реперов, анимешников, стрейтов, гранжей, растаманов и др. Фактически то, что называется «альт-субкультурой», скорее представляет собой типаж, использующий наследие и идеи различных субкультур. Сам термин «альт» – производственный от «альтернативный».

При этом социальный слой, к которому принадлежат представители данной общности, может быть совершенно различным во всех градациях: класс, место жительства, раса, пол, национальность, место работы. Ценз стирается, что ведет к дальнейшему размытию границ [11].

Еще один пример – хрестоматийный конфликт между субкультурами рокеров и рэперов. Первоначально этот конфликт был возможен из-за достаточно различающейся аудитории, антагонистических направлений внутри жанров (West Coast & East Coast) и высокого социального напряжения в тот временной отрезок.

Глобализация и изменения в стиле жизни перевернули этот конфликт с ног на голову. Синкретизм прослеживается даже в новых музыкальных жанрах, таких как рэпкор, рэп-рок, рэп-метал и прочие подобные жанры, обобщенные термином «фьюжн». Заметно изменившаяся аудитория (рэп и рок стали музыкой среднего класса) дала возможность снятия противоречия, которое долго было катализатором конфликта. Классическое же противостояние Западного и Восточного побережий в рэпе закончилось появлением новых направлений (Южный рэп, рэп Ржавого пояса, фанк и т.д.), что привело к дальнейшему дроблению и смешиванию критериев с формированием новых жанров, группировок и объединений.

Молодежные субкультурные и контркультурные группы становятся более интернациональными. Возможность снятия языкового барьера не только с помощью изучения специфических и интернациональных языков, но и при использовании достижений науки и техники (переводчики и нейросети) способствует контакту с представителями различных культур, религий, классов и национальностей. Этому же способствует массовая культура, доминирующая в сознании большинства населения.

Тем не менее, сегодня продолжают существовать классические субкультуры с устойчивой системой ценностей, понятий о мире. Однако их численность и распространенность относительно синкретических культур сравнительно невелика [10]. Более того, некоторые сферы (религия, политика), ранее не свойственные к выделению внутри себя определенных субкультур, также с конца XX века начинают порождать социальные группировки, обладающие рядом признаков субкультур. Наиболее яркий пример – относительно недавние громкие дела, связанные с деятельностью [5].

Параллельным процессом становится сравнительно короткое время жизни различных субкультур и постсубкультур [6]. Тренды и направления меняются намного быстрее, потому границы размываются еще и в развитии субкультур, переход между ними становится неявным. Потому время жизни субкультуры становится короче и более точным способом их исследования становится анализ типажа или типа субкультуры. Возвращаясь к «ЧВК Редан», в статье Лукашковой, посвященной этой субкультуре, присутствует следующий вывод: «Таким образом, дать однозначную оценку субкультуре ЧВК «Редан» не представляется

возможным вследствие ее относительно непродолжительного функционирования и недостаточной изученности» [7]. Большинство материалов, посвященных этой группе, датированы 2023 годом, в то время как движение панков ассоциируется с десятилетиями истории Великобритании, США, СССР и постсоветского пространства.

Согласно теории Мафессоли, новейшая структура общества будет восприниматься как некоторое объединение городских племен [8]. На сегодняшний день эта структура выглядит более гомогенной и напоминает не соединение племен, а одно большое племя с различающимися фратриями. Эти «фратрии» взаимно сообщаются и обогащаются, порог перехода в них становится намного ниже, нежели в XX веке. Сформированное глобальное информационное поле, высокий уровень грамотности, присутствие в общественном дискурсе, постоянные эволюционные изменения в самых субкультурах только способствуют большему выделению синкретических, менее устойчивых групп.

Главный же вывод исследования заключается в идее о том, что субкультура, не способная к изменчивости, адаптации и большей привлекательности сегодня оказывается обречена на вымирание и забвение. В современных субкультурах отсутствует четкое стержневое понятие и остаются лишь определенные ярлыки и маркеры «принадлежности». Положение нынешних общественных движений в обществе является достаточно размытым, поскольку фон, на котором они зарождаются, не способствует явной кристаллизации и выделению долгоживущих групп. Это приводит к доминированию субкультур, направленных на самовыражение, нежели на приверженность определенной твердой общности.

В статье А.И. Смолика также отмечается, что молодежь на просторах СНГ не настолько вовлечена в социальные и политические процессы [13, с. 72]. Это также может быть причиной рыхлости и смешения субкультур.

Интернет-пространство способствует формированию более замыкающихся групп, запертых в «эхо-комнатах», однако в этом случае одна из базовых функций субкультур – социализирующая – приводит, напротив, к изоляции, десоциализации, косности мышления. Большее значение начинает иметь понятие «эскапизма» – побега от реальности, увлечение нереальным и временная отрешенность от гнетущей индивида реальности.

Несмотря на общую тенденцию сближения и стирания границ, нельзя отрицать вероятность новой дивергенции культур – процесса выделения и обособления новых субкультурных и контркультурных образований. Однако для их формирования необходим кардинальный переворот в обществе, который будет способствовать фрагментации сообществ и их четкому распаду. Но даже в этом сценарии база для сообщения – общее культурное и историческое поле, доступное для восприятия большими массами с раннего возраста, – будет оставаться и влиять на общество.

Библиографический список

1. Беляев И. А. Культура, субкультура, контркультура / И. А. Беляев // Духовность и государственность: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Беляева. – Оренбург: Филиал УрАГС, 2002. – Вып. 3. – С. 5–18.
2. Брешин А. Современная субкультура флешмоб как структурное образование системного мира человеческих отношений / А. Брешин // Социальная политика и социология. – 2004. – № 2. – С. 58–69.
3. Глебова Е. А. Влияние компьютерных технологий на развитие молодежной субкультуры / Е. А. Глебова // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kompyuternyh-tehnologiy-na-razvitie-molodezhnoy-subkultury> (дата обращения: 27.06.2025).

4. Глебова Е. А. Тенденции развития западной молодежной субкультуры / Е. А. Глебова // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-пед. науки. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 24–37. – ISSN 1991-8569. – Режим доступа: <https://journals.rcsi.science/1991-8569/article/view/52429> (дата обращения: 27.06.2025).
5. Дорожкин А. С. Молодежные субкультуры на современном этапе развития белорусского общества (на примере города Гродно) / А. С. Дорожкин // Молодий вчений. – 2014. – № 3(06). – С. 170–172.
6. Жаркова М. А., Максимова О. А. Молодежные (пост)субкультуры в контексте становления постмодернистского и информационного общества / М. А. Жаркова, О. А. Максимова // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 257–261. – Режим доступа: <http://www.vestnykeps.ru/0312/60.pdf> (дата обращения: 27.06.2025).
7. Лукашкова, И. ЧВК «Редан»: деструктивная субкультура или продукт СМИ? / И. Лукашкова, П. Кирейчик // Thesaurus : зб. навук. пр. / Магілёўскі інстытут МУС. – Магілёў, 2023. – Вып. 12 : Выклікі XXI стагоддзя. – С. 178–185.
8. Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное / М. Маффесоли // Социологос. – 1991. – Вып. 1. – С. 274–283.
9. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику / А. В. Мудрик. – М.: Институт практической психологии, 1997. – 240 с.
10. Переселкова З. Ю. Распространенность и особенности восприятия молодежных субкультур в студенческой среде / З. Ю. Переселкова // Социодинамика. – 2025. – № 2. – С. 64–76. – DOI: 10.25136/2409-7144.2025.2.73382. – EDN: ACKKDM. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73382 (дата обращения: 27.06.2025).
11. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд ; пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФаирПресс, 2006. – 416 с.
12. Саранцева М. Е. (Пост)субкультура: современные подходы к исследованию молодежных субкультур / М. Е. Саранцева // Нац. культуры в межкультурной коммуникации: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 апр. 2022 г. – Минск: БГУ, 2023. – С. 90–95.
13. Смолик, А. И. Субкультура молодежи как проблемное поле отечественной культурологии / А. И. Смолик // Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи: сб. науч. ст. / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск: РИВШ, 2020. – (Современная молодежь и общество. Вып. 8). – С. 69–73.
14. Сыркин А. С. Основные субкультуры Великобритании XX века / А. С. Сыркин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-subkultury-velikobritanii-xx-veka> (дата обращения: 27.06.2025).
15. Чжао Ш. Осмысление сущности молодежной субкультуры в восточноевропейском культурологическом дискурсе / Ш. Чжао // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч. конф., Пинск, 27 нояб. 2020 г. – Пинск: ПолесГУ, 2020. – Вып. 5. – С. 512–519. – Режим доступа: <https://rep.polesu.by/handle/123456789/20999> (дата обращения: 27.06.2025).
16. Brake M. Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada / M. Brake. – London: Routledge & Kegan Paul, 1985. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 84 с.
17. Gelder K. Subcultures: Cultural Histories and Social Practice / K. Gelder. – London; New York: Routledge, 2005.

УДК 323.2

EDN PICOLI

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-58-65

Мельников Виктор Олегович,

кандидат философских наук,

доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

viktor_melnikov_psu@rambler.ru

SPIN-код: 9528-0573

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматривается экосистемный подход к реализации молодежной политики в современной России. В частности, описывается актуальность его применения, заключающаяся в адаптации управленческих решений к усложнению общества и его отдельных элементов (в том числе молодежной политики). Также рассматриваются основные принципы и характеристики экосистемы, к примеру, такие как бесшовность переходов между элементами экосистемы, надведомственный характер молодежной политики и другие. Далее выделяются ключевые направления использования экосистемного подхода субъектами государственной молодежной политики (в первую очередь Федеральным агентством по делам молодежи как ключевым ее интегратором). Отсюда делается вывод, что экосистемный подход в молодежной политике уже зарекомендовал себя как действенный инструмент по созданию возможностей развития для каждого молодого человека в нашей стране. При этом также выделяются вызовы, которые стоят перед дальнейшим развитием данной экосистемы, например, необходимость более тесного межведомственного и межсубъектного взаимодействия, с обязательным включением молодежи как ключевого субъекта всей системы. Автор подчеркивает, что только совместная и скоординированная деятельность всех заинтересованных сторон способна преодолеть указанные вызовы.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, экосистемный подход.

Ссылка для цитирования: Мельников В.О. Экосистемный подход в молодежной политике и вызовы для его дальнейшего развития // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 58–65. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-58-65> EDN PICOLI

Viktor O. Melnikov,

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of Cultural Studies
and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068

viktor_melnikov_psu@rambler.ru

SPIN-код: 9528-0573

THE ECOSYSTEM APPROACH IN YOUTH POLICY AND CHALLENGES FOR ITS FURTHER DEVELOPMENT

This article examines the ecosystem approach to implementing youth policy in contemporary Russia. Specifically, it describes the relevance of its application, which lies in adapting management decisions to the increasing complexity of society and its individual elements (including youth policy). It also examines the key principles and characteristics of an ecosystem, such as seamless transitions between ecosystem elements, the cross-departmental nature of youth policy, and others. It then highlights key areas of application of the ecosystem approach by state youth policy actors (primarily the Federal Agency for Youth Affairs, as its key integrator). It concludes that the ecosystem approach to youth policy has already proven itself to be an effective tool for creating development opportunities for every young person in our country. It also highlights the challenges facing the further development of this ecosystem, such as the need for closer interdepartmental and inter-agency cooperation, with the mandatory inclusion of youth as a key actor in the entire system. The author emphasizes that only the joint and coordinated efforts of all stakeholders can overcome these challenges.

Keywords: youth, youth policy, ecosystem approach.

For citation: Melnikov V.O. [The ecosystem approach in youth policy and challenges for its further development]. *Social'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 58–65 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-58-65>, EDN PICOLI

Экосистема – понятие, пришедшее из биологии и означающее «комплекс взаимосвязанных живых существ, обитающих на определенном участке или определенном объеме, вместе со средой их обитания и взаимодействиями между собой и со средой...» [5]. Однако данное понятие на общей волне междисциплинарных исследований, возникших на стыке социальных, гуманитарных, технических и естественных наук в XX веке, вполне успешно стало использоваться и для понимания бизнес-процессов. Считается, что Дж. Мур одним из первых ввел это понятие в экономическую теорию, понимая экосистему «в виде общности потребителей и производителей как взаимосвязанных и взаимодополняющих субъектов» [4]. В России данное понятие также получило активное обсуждение со стороны академического сообщества, которое, в свою очередь, выделило ряд ключевых для понимания сути экосистемы принципов:

- «гармоничность» – составные части экосистемы должны быть органично связаны между собой;
- дополняемость – составные части экосистемы должны органично дополнять друг друга;
- всеобщность – составные части экосистемы должны охватывать широкий спектр различных областей жизнедеятельности;

- бесшовность – составные части экосистемы должны позволять потребителю беспрепятственно переходить от потребления одного ее продукта к другому;
- связность – составные части экосистемы должны эффективно коммуницировать между собой и внешней средой» [4].

В дальнейшем понятие экосистемы стало применяться и к социальным процессам – в частности, к образованию [см., напр., 9], где указанные выше принципы могли дополняться, но в целом оставались неизменными.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что в начале 20-ых годов нашего века это понятие пришло и в молодежную политику как часть социальной политики государства. В научной литературе было сделано несколько попыток осмысления экосистемного подхода в рамках молодежной политики [3; 7], однако они, по большому счету, лишь описывали его элементы, чем дублировали доклады Росмолодежи. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на сущностных компонентах экосистемы и нескольких ключевых вызовах, которые стоят перед ее дальнейшим развитием.

Как отмечается в докладе к заседанию Госсовета РФ 22 декабря 2022 г., толчком к внедрению экосистемного подхода стали внешние обстоятельства [2, с. 24], хотя нельзя не отметить, что и внутренние процессы развития молодежной политики за последние годы также предопределили это событие. По-видимому, стремительно увеличивающаяся сложность (комплексность) окружающего нас мира и общества, которую сегодня можно наблюдать уже невооруженным глазом, влияет на необходимость переосмысления и переустройства всех социальных систем, включая молодежную политику. В частности, поменялся запрос молодежи к государству с точки зрения создания условий для самореализации. Отсюда определение экосистемы молодежной политики: «Это среда, которая обеспечивает все необходимые условия для построения и реализации любых позитивных траекторий развития молодого человека, причем эта среда максимально открытая и гибкая» [8].

В указанном выше докладе к заседанию Госсовета РФ и в последующих текстах от официальных органов, ответственных за молодежную политику, были оформлены основные принципы и характеристики экосистемного подхода в этой сфере:

- клиентоцентричность – ориентация на потребности и запросы молодежи. Оказание услуг на уровне качественного сервиса;
- многообразие и избыточность – создание разных вариантов возможностей развития разным молодым людям;
- бесшовность переходов – несмотря на разноместную подчиненность учреждений молодежной политики, для молодых людей не должно существовать границ и препятствий для получения той или иной услуги;
- надведомственный характер – молодежная политика должна реализовываться везде, где есть молодежь, вне зависимости от отрасли;
- открытость, горизонтальные связи, партнерства – сфера молодежной политики должна быть открыта для любых горизонтальных связей со всеми, кто готов конструктивно работать с молодежью. Сами молодые люди при этом должны быть ключевым субъектом молодежной политики;

- адаптивность, устойчивость и развитие – молодежная политика должна быстро и чутко реагировать на любые внешние вызовы и изменения, быть «живой средой обитания молодых людей», непрерывно развиваясь.

Более того, федеральные органы исполнительной власти, ответственные за молодежную политику (Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство просвещения РФ и Росмолодежь как ключевой координатор данной сферы), не ограничились одним лишь декларированием установки на экосистемный подход, а активно стали его выстраивать по целому ряду направлений:

1) Налаживание межведомственного взаимодействия всех федеральных, региональных и муниципальных структур, подведомственных учреждений, которые так или иначе работают с молодежью.

2) Развитие молодежной политики в образовательных организациях через создание и распространение института советников по воспитанию в школах и СПО, проректоров по молодежной политике в ВУЗах.

3) Организация и координация больших «сквозных» проектов, в реализацию которых вовлечено огромное количество разных субъектов молодежной политики, таких как «Большая перемена», «Твой ход», «Больше, чем путешествие» и т.д. Сюда же можно отнести комплексные программы – «Кадры для села», «Регион для молодых», «Госстарт» и др.

4) Переформатирование молодежных форумов из разовых и фрагментированных площадок в сеть круглогодичных образовательных центров («Таврида», «Шум», «Машук» и др.).

5) Поддержание работы цифровых сервисов молодежной (и не только) политики: ФГАИС «Молодежь России», «Навигатора возможностей» на портале «Госуслуги», а также большой экосистемы добровольчества на платформе «Добро.рф».

Список можно продолжать (достаточно сказать, что вся эта деятельность требует поддержания соответствующей нормативно-правовой базы, организации процесса подготовки кадров в сфере молодежной политики и многого другого), однако уже можно с уверенностью сказать, что данная деятельность демонстрирует огромный шаг вперед, который сделала сфера молодежной политики, даже по сравнению с тем, что было 7-8 лет назад. Появление же нацпроекта «Молодежь и дети» лишь усилило, организационно-управленчески оформило и закрепило все эти процессы.

При этом, разумеется, что не только органы государственной власти вовлечены в строительство общей экосистемы молодежной политики – один из ее признанных принципов гласит о широком вовлечении всех субъектов. На текущий момент это довольно широкий перечень «игроков» на данном поле, зафиксированный в определении «субъекта молодежной политики» из Федерального закона № 489: «Молодежь, молодые семьи, молодежные общественные объединения, Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи "Движение первых", федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральной территории "Сириус", органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, осуществляющие деятельность по реализации молодежной политики, иные организации, в том числе объединения юридических лиц, работодателей, профессиональные союзы и их объединения, органы молодежного самоуправления при органах государственной власти, органах публичной власти федеральной территории "Сириус", органах местного самоуправления и

организациях, институты гражданского общества, редакции средств массовой информации, а также граждане, в том числе индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики» [10]. Ключевым субъектом здесь является сама молодежь, которая должна становиться партнером в выстраивании всей системы молодежной политики.

Таким образом, можно констатировать, что экосистемный подход в молодежной политике уже зарекомендовал себя как действенный инструмент по созданию возможностей развития для каждого молодого человека в нашей стране.

Однако перед дальнейшим развитием экосистемы молодежной политики стоит ряд вызовов:

1) Необходимость еще более глубокой интеграции усилий всех заинтересованных министерств и ведомств, а также подведомственных учреждений, бюджетных организаций и т.д. в деле выстраивания пространства возможностей для молодежи. Несмотря на многие предпринятые усилия, каждая бюрократическая структура по-прежнему существует в своей системе координат, стремится (что вполне естественно) «закрыть» именно свои показатели эффективности, индикаторы и задачи – которые, порой, могут противоречить всему этому же у других структур. Дублирование функций, мероприятий и услуг может приводить к распылению ограниченных ресурсов, а конкурсная система субсидирования бюджетных учреждений (при своих достоинствах) – к хроническому недофинансированию «отстающих» организаций по тем или иным показателям. Очевидно, что подобные процессы не приводят к появлению равных возможностей для развития у молодых людей из разных территорий. К тому же, если на верхних уровнях управления системой молодежной политики лица, принимающие решения, находятся в постоянном контакте, обмене опытом и т.д., то на средних и низовых позициях сотрудники разных учреждений и ведомств не объединены в постоянно контактирующие сообщества, что может приводить к разногласиям и проблемам во взаимодействии.

Возможными вариантами решения указанных проблем могли бы стать: организация более тесных и предметных контактов специалистов по работе с молодежью, представляющих разные субъекты молодежной политики, а также выстраивание таких показателей эффективности у различных ведомств, чтобы они дополняли, а иногда и прямо предполагали совместную деятельность.

2) Помимо налаживания межведомственной деятельности внутри государственного и муниципального управления, есть необходимость выстраивания более тесной координации межсубъектной работы. Сегодня сделано много шагов к установлению связей между государственной и общественной молодежной политикой в лице НКО, молодежных объединений, соответствующей политики на предприятиях и т.д. Тем не менее, естественная разнонаправленность интересов данных субъектов (которая является преимуществом экосистемного подхода), также может приводить к уже упомянутым проблемам, которые метафорически можно описать как «лебедь, рак и щука». Молодые люди сегодня буквально завалены огромным количеством мероприятий (качество которых, зачастую, оставляет желать лучшего), что приводит к потере мотивации участия в них.

Представляется, что дальнейшая работа по налаживанию коммуникаций между различными субъектами молодежной политики должна выливаться в создание разноуровневого, но понятного и прозрачного для молодежи календаря событий, который

был бы к тому же достаточно гибким, чтобы позволить подключаться к его реализации и другим субъектам.

3) Безусловно, строительство экосистемы молодежной политики невозможно без адекватного кадрового обеспечения – как в количественном (на 1000 молодых людей), так и в качественном (ценностно-смысловом понимании сути и возможностей экосистемы, необходимости ее развития) аспектах. Росмолодежь в своих докладах нередко обращается к данной проблеме, поскольку ситуация (особенно на местном уровне) не выглядит впечатляюще, хотя и предпринимается немало усилий, чтобы это изменить [1].

4) Следующий вызов – это проблема количественных показателей результативности молодежной политики, которая имеет несколько аспектов. Во-первых, всегда остается не до конца понятным, насколько числовые значения тех или иных показателей реально отражают изменения качества жизни молодежи и возможностей по ее самореализации в лучшую сторону. Во-вторых, данные показатели фактически создают нацеленность работников сферы молодежной политики на их формальное достижение, что, в свою очередь, может провоцировать приписки, административное принуждение к участию, учет одного активиста сразу в нескольких отдельных проектах и программах и т.д. В-третьих, погоня за количественными показателями, например, с точки зрения организации мероприятий, создает перегруженность работников сферы молодежной политики, что, в свою очередь, может вести к целому ряду других негативных последствий: снижению мотивации, выгоранию, текучке кадров и т.п.

Представляется, что для полноценного развития экосистемы молодежной политики ее необходимо дополнить комплексом качественных показателей, связанных, например, с решением или смягчением тех или иных социальных проблем, представленностью молодежи в управленческих структурах, новыми возможностями по самореализации, которых не было до тех или иных мероприятий и др.

5) Наконец (хотя наверняка список можно продолжить), наиболее существенной проблемой является пассивное, иждивенческое поведение значительной части молодежи РФ по отношению к процессу выстраивания своей собственной (и общественной) жизни. Экосистема только тогда выглядит живой, когда сами ее участники принимают субъектную позицию по отношению ко всем остальным субъектам. Сегодня следует признать, что ключевой субъект данной системы – молодежь России – во многом сознательно выбирает позицию объекта. Безусловно, количество активной молодежи велико – это миллионы людей, однако, по данным ВЦИОМ, 75-80% российской молодежи по разным причинам не вовлекаются в мероприятия сферы молодежной политики [11]. Представляется, что одной из основных причин такого поведения молодежи является традиционная для российской молодежной политики патерналистская модель ее реализации: государство само берет на себя функцию инициатора и распорядителя, оставляя молодежи лишь эпизодические возможности проявления субъектности. С.В. Поляков в своей работе наглядно продемонстрировал усиливающиеся противоречия реализации данной модели: «Однако в условиях цифровизации традиционный инструментарий демонстрирует существенные ограничения. Вертикальная структура государственной коммуникации вступает в противоречие с горизонтальной логикой цифровых взаимодействий. Формализованный характер государственных инициатив контрастирует с неформальной природой цифровой социализации молодежи. Институциональная обособленность государственных структур

препятствует их интеграции в цифровую экосистему, где физические и виртуальные пространства существуют в неразрывном единстве» [6]. Автор подчеркивает некоторые реальные успехи государства в части выстраивания «цифрового патернализма», когда традиционная патерналистская модель сочетается с развитостью цифровых сервисов и новых форм коммуникации с молодежью, однако представляется, что это не снимает проблему. В условиях, когда молодежь в большинстве своем не является инициатором изменений (и не обладает инструментами для этого), когда молодежное участие в управлении общественными процессами ограничено совещательными органами зачастую имитационного характера (мол. парламенты, молодежные советы на всех уровнях, профкомы во многих ВУЗах и т.д), когда молодежь не чувствует возможности на что-то повлиять – совсем не удивителен их отход к своей частной жизни. Да, например, система «Росмолодежь.Гранты» действительно позволяет взять на себя небольшой участок ответственности, который может привести к реальным изменениям на локальной территории, однако этого, по-видимому, недостаточно. Возможно, стоит позволить молодежи, например, самой формулировать программу и повестку региональных (и даже федеральных) форумов, «Дня молодежи», других мероприятий. Или же, идя еще дальше, позволить молодежи из любого региона самой определять приоритетные направления молодежной политики данного региона. Правовые и институциональные механизмы осуществления подобных предложений могут быть предметом межсубъектных обсуждений, однако представляется, что без сдвигов в данном направлении иждивенческие настроения в молодежной среде не удастся преодолеть.

Таким образом можно заключить, что экосистемный подход к реализации молодежной политики в РФ сегодня уже стал повседневной практикой и приносит ощутимые плоды, в т.ч. в виде ее организационного совершенствования. Однако совокупность вызовов, относящаяся как к самим механизмам его имплементации и дальнейшего развития, так и, к сожалению, более «традиционным» проблемам молодежной политики нашей страны, ставит задачу выработки комплексных решений всеми субъектами данной политики. Последнее является принципиальным: только совместная, скоординированная деятельность всех заинтересованных сторон способна окончательно вывести молодежную политику из состояния некой «поколенческой резервации», в которой она пребывала долгие годы (когда молодые люди не воспринимались как равноправные партнеры, а были лишь объектом, для которого можно было создать фестивали с «шариками-фонариками» для развлечения, покуда «взрослые решают серьезные дела»). Смогут ли субъекты молодежной политики (включая саму молодежь) выйти на этот уровень взаимодействия, покажет лишь время.

Библиографический список

1. Доклад о положении молодежи в Российской Федерации за 2024 год // Федеральное агентство по делам молодежи. Москва, 2025. URL: <https://fadm.gov.ru/documents/> (дата обращения 30.10.2025).
2. Доклад о реализации молодежной политики в современных условиях // Государственный совет Российской Федерации. Москва, 2022. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6066> (дата обращения: 30.10.2025).

3. Колзина А.Л. Экосистема молодежной политики // Формирование научного и кадрового потенциала развития Удмуртской Республики : сб. конференции, Ижевск, 08–10 ноября 2022 года. – Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2022. – С. 284-297. EDN OWYARU.
4. Кобылко А.А. Экосистемные компании: границы и этапы развития // Экономическая наука современной России. – 2019. – № 4(87). – С. 126-136. – DOI 10.33293/1609-1442-2019-4(87)-126-136. EDN OBNBMY.
5. Остроумов С.А. Новые варианты определений понятий и терминов «экосистема» и «биогеоценоз» // Доклады Академии наук. – 2002. – Т. 383, № 4. – С. 571-573. EDN TQQOGA.
6. Поляков С.В. Феномен цифрового патернализма как фактор трансформации государственной молодежной политики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 3. – С. 149-160. DOI 10.25198/2077-7175-2025-3-149. EDN MIRVRG.
7. Савельев В.О. Формирование единой экосистемы молодежной политики в Российской Федерации на федеральном уровне // Актуальные исследования. – 2021. – № 48-2(75). – С. 23-26. EDN EJMSYY.
8. Стандарт учреждения молодёжной политики: методическое пособие для руководителей и учреждений в сфере молодёжной политики / М.С. Аверков, Н.В. Бажитов, Е.Е. Богомаз, Е.А. Вишневская и др.; Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь); под общей редакцией Н.В. Бажитова. – М.: Институт молодёжной политики – Институт молодёжи, 2022. – 168 с.
9. Уткин А.В., Шевченко К.В. Экосистемный подход в образовании: от метафоры к методологии и практике // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 2(107). – С. 175-189. – DOI 10.23859/1994-0637-2022-2-107-14. EDN NVPEWB.
10. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ (с изменениями на 23 июля 2025 года) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573248507> (дата обращения 30.10.2025)
11. Федоров В.В. Молодежь и вызовы молодежной политики // Сайт аналитического центра ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/molodezh-i-vyzovy-molodezhnoi-politiki> (дата обращения 30.10.2025).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

EDN QDQXWB

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-66-77

Продовикова Анастасия Геннадьевна,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
arilama@yandex.ru
SPIN-код: 2172-2115

Храмченкова Ксения Владимировна,

студент специальности «Клиническая психология»
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
hramchenkovaksenija@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДИСРЕГУЛЯЦИИ И САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ С РИСКОМ РАЗВИТИЯ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей эмоциональной дисрегуляции и самоповреждающего поведения у лиц с риском развития расстройств пищевого поведения (РПП). Выборка состоит из 75 человек в возрасте от 18 до 63 лет, среди которых 89,3% женщин и 10,7% мужчин. Для проверки гипотез о наличии различий в изучаемых показателях у лиц с высоким и низким риском РПП, а также взаимосвязей между ними использовались: Опросник пищевых предпочтений (EAT-26), Опросник эмоциональной дисрегуляции Н.А. Польской, Торонтская алекситимическая шкала (TAS-20) и Шкала причин самоповреждающего поведения Н.А. Польской. Показано, что лица с высоким риском РПП чаще прибегают к инструментальным и соматическим самоповреждениям. Выявлены прямые взаимосвязи между трудностью идентификации чувств и компонентами дисрегуляции эмоций (руминациями, склонностью к ментализации и избеганию эмоциогенных переживаний). Обнаружены положительные корреляции самоповреждающего поведения с показателем алекситимии – затруднениями в идентификации чувств, а также с компонентами эмоциональной дисрегуляции. Таким образом, трудности идентификации чувств запускают проблемы с регуляцией эмоций, что приводит к накоплению напряжения, которое разряжается через самоповреждения. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ психопрофилактики и коррекции эмоциональной дисрегуляции у лиц с риском развития РПП.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения (РПП), эмоциональная дисрегуляция, алекситимия, несуицидальное самоповреждающее поведение (НССП)

Ссылка для цитирования: Продовикова А.Г., Храмченкова К.В. Особенности эмоциональной дисрегуляции и самоповреждающего поведения у лиц с риском развития расстройств пищевого поведения // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 66–77. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-66-77> EDN QDQXWB

Anastasia G. Prodovikova,

PhD in Psychology,

Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068

arilama@yandex.ru

SPIN code: 2172-2115

Ksenia V. Khranchenkova

Student of the Specialty "Clinical Psychology"

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068

khranchenkovaksenija@mail.ru

FEATURES OF EMOTIONAL DYSREGULATION AND SELF-HARMING BEHAVIOR IN INDIVIDUALS AT RISK OF DEVELOPING EATING DISORDERS

This article presents the results of an empirical study of the characteristics of emotional dysregulation and self-harming behavior in individuals at risk of developing eating disorder. The sample consists of 75 people aged 18–63, of whom 89.3% are women and 10.7% are men. To test the hypotheses about the differences in the studied indicators in individuals with high and low risk of eating disorder, as well as the relationships between them, the following were used: the Eating Attitudes Test (EAT-26), Emotional Dysregulation Questionnaire (by N.A. Polskaya), the Toronto Alexithymia Scale (TAS-20), and Scale of Reasons for Self-Injurious Behavior (by N.A. Polskaya). It has been shown that people at high risk of ED are more likely to resort to instrumental and somatic self-harm. Positive correlations between the difficulty of identifying feelings and the components of emotion dysregulation (rumination, tendency to mentalize and avoidance of emotional experiences) have been revealed. Positive correlations of self-harming behavior with the index of alexithymia – difficulties in identifying feelings, as well as with components of emotional dysregulation – were found. Thus, difficulties in identifying feelings trigger problems with emotion regulation, which leads to the accumulation of tension, which is discharged through self-harm. The results obtained can be used in the development of programs for psychoprophylaxis and correction of emotional dysregulation in individuals at risk of developing eating disorder.

Keywords: eating disorder (ED), emotional dysregulation, alexithymia, non-suicidal self-harming behavior.

For citation: Prodovikova A.G., Khranchenkova K.V. [Features of emotional dysregulation and self-harming behavior in individuals at risk of developing eating disorders]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 66–77 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-66-77>, EDN QDQXWB

Введение

Актуальность исследования особенностей эмоциональной дисрегуляции и самоповреждающего поведения у лиц с риском развития расстройств пищевого поведения (РПП) обусловлена комплексом медико-социальных, научно-теоретических и практических факторов. В современном мире наблюдается устойчивый рост распространенности РПП, которые приобретают характер масштабной проблемы общественного здоровья. Эти расстройства, к которым относятся нервная анорексия, нервная булимия и компульсивное переедание, характеризуются не только устойчивыми дезадаптивными паттернами питания и искаженным восприятием образа тела, но и высоким уровнем коморбидности с аффективными, тревожными расстройствами, а также повышенным риском суицидального поведения [14]. Тяжелые соматические последствия РПП, включающие сердечно-сосудистые, эндокринные и гастроэнтерологические нарушения, приводят к значительной

дезадаптации, снижению качества жизни и высокой летальности, что определяет необходимость поиска эффективных путей их раннего выявления и профилактики.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности комплекса взаимосвязей между эмоциональной дисрегуляцией, алекситимией и самоповреждающим поведением у лиц с риском развития РПП. Особую значимость в этом контексте приобретает изучение не клинических, а субклинических форм нарушений, то есть состояний риска развития РПП. Лица, находящиеся в «группе риска», демонстрируют выраженные паттерны дисфункционального пищевого поведения и негативную оценку тела, однако еще не соответствуют полным диагностическим критериям РПП по МКБ-10 или DSM-5. Исследование данной группы является ключевым с точки зрения превентивной психологии, так как позволяет идентифицировать мишени для раннего психологического вмешательства. Внимание исследователей все больше смещается с изучения собственно пищевой симптоматики к анализу глубинных психологических механизмов, лежащих в основе этих нарушений. Среди таких механизмов центральное место занимают нарушения в эмоциональной сфере.

Эмоциональная дисрегуляция представляет собой нарушение способности управлять интенсивностью, продолжительностью и выражением эмоциональных реакций. Данный феномен рассматривается как ключевой фактор в развитии и поддержании различных психологических расстройств, включая расстройства пищевого поведения. Понимание природы эмоциональной дисрегуляции требует анализа как нормативных процессов эмоциональной регуляции, так и механизмов их нарушения.

Позитивные эмоциональные переживания способствуют мобилизации волевых ресурсов и эффективному достижению целей, тогда как отрицательные эмоциональные состояния часто приводят к снижению психологической устойчивости и энергетическому истощению. Согласно модели Н. Гарневски и ее коллег, когнитивная регуляция эмоций представляет собой процесс, активируемый в стрессовых условиях и позволяющий индивиду сохранять контроль над своим эмоциональным состоянием с помощью когниций [2]. Осознанное использование когнитивных стратегий дает возможность целенаправленно влиять на собственное эмоциональное состояние, рационально распределять психические ресурсы и осуществлять продуктивную деятельность.

Современные исследования рассматривают механизмы копинг-стратегий как динамичные процессы психической регуляции. Согласно концепции Р. Лазаруса, устойчивые паттерны совладающего поведения кристаллизуются в относительно стабильные копинг-стратегии, формирующие личностный стиль реагирования на стресс. Выделяются два типа копинг-поведения: проблемно-фокусированный (направленный на устранение стрессогенного фактора) и эмоционально-фокусированный (ориентированный на регуляцию аффективного напряжения).

В современных исследованиях оба типа копинг-стратегий анализируются в рамках парадигмы эмоциональной регуляции, поскольку именно эмоциональное возбуждение выступает ключевым триггером активации механизмов совладания. Н. Айзенберг и Р. Фэйбес разработали интегративную модель, выделяющую три аспекта эмоциональной регуляции в стрессовых ситуациях: регуляцию субъективных эмоциональных переживаний, регуляцию поведенческих проявлений эмоций и регуляцию эмоциогенного контекста [8].

Концепция эмоциональной регуляции описывает когнитивные механизмы, опосредующие возникновение и проявление эмоциональных реакций. Эти механизмы включают инициацию, модуляцию или подавление различных компонентов эмоционального реагирования. Как отмечает Н.А. Польская: «...мы определяем эмоциональную регуляцию в широком смысле как систему, объединяющую динамические и структурные характеристики, связанные с модуляцией

эмоций, их идентификацией, оценкой и выражением, способностью контролировать эмоции и согласовывать их с ситуацией и целями...» [6, С. 72–73].

Стратегии эмоциональной регуляции включают два процесса: ранние и поздние стратегии [9]. Ранние стратегии представляют собой воздействие на механизмы, предшествующие эмоциональному ответу: ситуационная селекция, изменение ситуации, селекция внимания и когнитивные механизмы переоценки. Поздние стратегии ориентированы на трансформацию уже сформированного эмоционального отклика и включают подавление, торможение, маскирование эмоций.

Эмоциональная дисрегуляция возникает при нарушении этих процессов. По определению Н.А. Польской, это «репрессивная система контроля над эмоциями, направленная на снижение негативных последствий действия разрушительных эмоций посредством их игнорирования, подавления или уклонения от них» [6, с. 74].

K.L. Gratz и L. Roemer определяют эмоциональную дисрегуляцию как многоаспектный феномен, включающий в себя сниженную способность к осознанию и принятию собственных переживаний; ограниченный репертуар адаптивных механизмов регуляции; низкую толерантность к эмоциональному дискомфорту; нарушения продуктивной деятельности в условиях эмоционального напряжения [11].

P.M. Cole и S.E. Hall рассматривают эмоциональную дисрегуляцию как системное нарушение, включающее три компонента: неэффективность саморегуляции, поведенческую дезадаптацию и рассогласованность эмоционального отклика с требованиями ситуации [10].

Среди современных моделей эмоциональной регуляции можно выделить модель Джеймса Гросса, выделяющую стратегии, предшествующие реакции и фокусированные на реакции [12]. Модель эмоциональных схем Роберта Лихи описывает убеждения и стратегии, связанные с собственными эмоциями или эмоциями других, которые при патологическом способе совладания становятся дезадаптивными [14]. М. Линехан акцентирует дефицит осознанного контроля над компонентами эмоциональной реакции на фоне повышенной эмоциональной реактивности [16].

В данном исследовании мы опираемся на когнитивную модель Н.А. Польской, рассматривающую эмоциональную дисрегуляцию как следствие нарушенного взаимодействия между когнитивными и эмоциональными компонентами системы саморегуляции [4]. Модель включает два параметра: импульсивность/ригидность аффективных реакций (высокая реактивность, низкая дифференциация переживаний, фиксация на негативных состояниях) и когнитивные искажения/дефициты (неадаптивные схемы реагирования, дефицитарность мыслительных процессов, недостаточность контролирующих функций).

Таким образом, эмоциональная дисрегуляция представляет собой комплексное нарушение, возникающее из-за дисфункции когнитивно-аффективных процессов и проявляющееся в дезадаптивных паттернах эмоционального реагирования и поведения.

Алекситимия (от греч. *a* – отсутствие, *lexis* – слово, *thymos* – чувство, дословно — «без слов для чувств») представляет собой психологическую характеристику, проявляющуюся в затруднении идентификации, описания и дифференциации собственных эмоциональных состояний. Данный феномен был впервые описан Р. Sifneos в 1973 году в результате наблюдений за пациентами психосоматической клиники. Автор отмечал, что для таких людей характерны трудности в вербализации чувств, склонность к описанию физиологических ощущений, утилитарность мышления и обедненная фантазия [1].

Важно подчеркнуть, что до появления термина «алекситимия» существовала концепция «операционного мышления» (*la pensée opératoire*), предложенная Р. Marty и М. de M'Uzan в 1963 году. Изначально этот феномен рассматривался как прагматичный,

конкретный тип мышления, лишенный аффективной окраски, характерный для пациентов с психосоматическими расстройствами. В дальнейшем «операционное мышление» стало трактоваться как специфическая особенность мыслительного процесса, которая может наблюдаться при различных заболеваниях.

G.J. Taylor, R. Ryan и R.M. Bagby описали алекситимию как состояние, противоположное нормальному функционированию эмоций. Они выделили ключевые способности эмоционально зрелой личности: различать эмоциональные состояния, осознавать и анализировать свои переживания, а также способность к фантазированию и символизации.

В современной науке алекситимия рассматривается как многомерный конструкт, объединяющий когнитивные и аффективные компоненты [1]. Когнитивный аспект включает трудности распознавания и вербализации эмоций, неспособность различать чувства и телесные ощущения, а также внешне-ориентированный стиль мышления. Аффективный аспект проявляется в бедности эмоциональных реакций, ограниченности воображения и сниженной способности к эмпатии.

Исследователи выделяют два основных подхода к происхождению алекситимии, в рамках которых рассматриваются ее **первичная** и **вторичная** формы.

Под **первичной алекситимией** подразумевается, что в процессе ее формирования ключевая роль отводится генетическим механизмам, аномальным или специфическим особенностям головного мозга человека. В рамках этого подхода существуют две теории:

- **Теория дефицита**, предполагающая изначальное отсутствие или недостаточное развитие психологических функций, ответственных за переработку и выражение аффектов.
- **Нейрофизиологическая теория**, объясняющая алекситимию нарушением межполушарного взаимодействия, при котором левое (вербальное) полушарие не имеет достаточного доступа к эмоциональному опыту, обрабатываемому правым полушарием.

Вторичная (приобретенная) алекситимия трактуется как защитная реакция на психотравмирующие события или результат неблагоприятных социальных условий. К этому направлению относятся:

- **Теория регрессии/отрицания**, согласно которой алекситимия возникает как механизм психологической защиты в ответ на тяжелую травму.
- **Социально-психологическая теория**, связывающая алекситимию с требованиями современного общества к рациональности и сдержанности, а также с определенными стилями воспитания [1].

Несмотря на разногласия относительно генеза, исследователи сходятся во мнении, что алекситимия является неспецифическим фактором риска развития широкого спектра психосоматических и психических расстройств [5]. В контексте расстройств пищевого поведения дефициты, характерные для алекситимии, затрудняют осознанную регуляцию эмоций, что способствует использованию дезадаптивных стратегий совладания, таких как дисфункциональное пищевое поведение.

Самоповреждающее поведение (СП) понимается как осознанные целенаправленные действия, направленные на причинение себе физического вреда (порезы, ожоги, удары и др.) и не имеющие суицидальных намерений. Ключевой целью СП является снижение интенсивности острого психологического дистресса и достижение временного эмоционального облегчения, что приводит к высокому риску повторения этих действий [13].

Эпидемиологические данные свидетельствуют о значительной распространенности СП, особенно среди молодежи. Исследования показывают устойчивую тенденцию к росту: если в 2000 году о случаях несуицидального самоповреждающего поведения (НССП) сообщали 6,5 % женщин в возрасте 16–24 лет, то к 2014 году этот показатель вырос до 19,7 % [7].

Отечественные исследования также подтверждают высокую частоту встречаемости СП в подростковой и молодежной среде.

Важным аспектом является разграничение СП и суицидального поведения. Если последнее направлено на добровольное лишение себя жизни, то СП представляет собой способ совладания с непереносимыми эмоциями и продолжения жизни, несмотря на душевную боль. В современной классификации, отраженной в DSM-5, НССП выделено в отдельную диагностическую рубрику для дальнейшего изучения, что подчеркивает его самостоятельную клиническую значимость.

В научной литературе принято разделять прямое и косвенное самоповреждение. К прямому СП относят действия, непосредственно наносящие вред телу (например, порезы). Косвенное СП включает поведение, приводящее к повреждению здоровья опосредованно, как побочный эффект (например, расстройства пищевого поведения, злоупотребление психоактивными веществами).

В контексте расстройств пищевого поведения дисфункциональное пищевое поведение может рассматриваться как форма косвенного самоповреждения, имеющая общие с прямым СП функции эмоциональной регуляции. Современные исследования показывают, что как прямое НССП, так и поведение при РПП классифицируются как несуйцидальные формы аутоагрессии, несмотря на различия в механизмах их реализации.

Таким образом, СП выступает дезадаптивной, но зачастую эффективной для индивида в краткосрочной перспективе стратегией снижения эмоционального напряжения. Его связь с РПП обусловлена общностью психологических механизмов, где оба типа поведения используются для совладания с интенсивными негативными эмоциями, которые не могут быть отрегулированы более адаптивными способами.

Пищевое поведение представляет собой комплексный феномен, включающий ценностное отношение к пище, стереотипы питания в обыденных и стрессовых ситуациях, а также деятельность, направленную на формирование образа тела. Как отмечает И.Г. Малкина-Пых, пищевое поведение формируется под влиянием многочисленных факторов: семейных традиций, культурных норм, религиозных ограничений, медицинских рекомендаций и социальных тенденций [5].

Расстройства пищевого поведения (РПП) понимаются как поведенческие состояния, характеризующиеся стойкими нарушениями пищевого поведения, сопровождающиеся тревожными мыслями и эмоциями. Современные исследования выделяют различные патогенетические механизмы развития РПП, включая психологические конфликты (А. Митчерлих), социокультурные влияния (Д. Бреунлин) и нейробиологические факторы (А. Лавиано).

С клинической точки зрения, наиболее распространенной является типология пищевого поведения, включающая три основных типа:

- **Эмоциогенный тип** – характеризуется гиперфагической реакцией на стресс, когда прием пищи обусловлен не голодом, а эмоциональным дискомфортом;
- **Ограничительный тип** – проявляется в сознательном сокращении потребления пищи, часто приводящем к срывам и перееданию;
- **Экстернальный тип** – отличается повышенной реакцией на внешние стимулы к приему пищи.

Е.Н. Леонова расширила данную классификацию, выделив шесть типов пищевого поведения, включая интернальный, неустойчивый, эмоциогенно-ограничительный и другие варианты [5].

В основе РПП лежат сложные психопатологические механизмы, включающие нарушения образа тела, искажение восприятия голода и насыщения, а также низкую самооценку [5]. К группе риска относятся лица с ригидными пищевыми паттернами,

эмоциональной лабильностью, перфекционизмом, а также представители профессий, связанных с контролем веса.

Важным аспектом понимания РПП является их концептуализация как формы косвенного самоповреждающего поведения, имеющего общие механизмы с другими видами аутоагрессии. Это позволяет рассматривать расстройства пищевого поведения в контексте дезадаптивных стратегий эмоциональной регуляции.

Целью нашего исследования является выявление особенностей эмоциональной дисрегуляции и самоповреждающего поведения у лиц с риском развития РПП.

Нами были выдвинуты следующие *гипотезы*:

1. Существуют различия в выраженности показателей эмоциональной дисрегуляции, алекситимии и самоповреждающего поведения у лиц с низким риском развития РПП и высоким риском: лица с высоким риском развития РПП чаще прибегают к самоповреждающему поведению, обладают более высокими показателями эмоциональной дисрегуляции и алекситимии (О.О. Графова, X. Muir).
2. У лиц с риском РПП наблюдаются прямые положительные корреляции между алекситимией, эмоциональной дисрегуляцией и самоповреждающим поведением (О.О. Графова, I. Krug, X. Muir).

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 75 человек в возрасте от 18 до 63 лет ($M = 30,3$; $SD = 12,6$), из них 67 женщин (89,3%) и 8 мужчин (10,7%). На основе результатов скрининговой методики EAT-26 выборка была разделена на две группы: группа с высоким риском развития РПП ($n=26$; показатель $EAT-26 \geq 20$) и группа с низким риском ($n=47$; показатель $EAT-26 < 20$). Критериями исключения являлись диагностированное РПП, беременность на момент исследования, соматические заболевания, влияющие на массу тела. Исследование проводилось дистанционно с использованием электронных бланков (Online Test Pad). Все участники дали информированное согласие, им была гарантирована конфиденциальность.

Методики. Риск развития РПП оценивался с помощью методики «Опросник пищевых предпочтений (EAT-26)» в адаптации О.А. Скугаревского. Методика «Опросник эмоциональной дисрегуляции» Н.А. Польской использовалась для диагностики нарушений эмоциональной регуляции. «Торонтская алекситимическая шкала (TAS-20)» в адаптации Е.Г. Старостиной применялась для оценки уровня алекситимии. Оценка частоты и причин самоповреждающих действий происходила с помощью опросника «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н.А. Польской.

Статистическая обработка данных проводилась в программе JASP 0.19.3. Использовались: критерий Шапиро-Уилка для оценки характера распределения данных, U-критерий Манна-Уитни для сравнения двух независимых групп, корреляционный анализ Ч. Спирмена для оценки взаимосвязей. Поскольку результаты оценки характера распределения данных с помощью критерия Шапиро-Уилка показали ненормальное распределение по большинству шкал, использование непараметрических критериев представилось нам наиболее верным.

Результаты

Студенты с низким уровнем риска РПП демонстрируют среднюю выраженность большинства изучаемых параметров, что свидетельствует об адаптивном характере их эмоционального функционирования. Наблюдаются умеренные трудности в идентификации чувств (шкала «ТИЧ», $M=13.48$) и эмоциональной регуляции (шкала «Руминация», $M=17.84$; шкала «Избегание», $M=10.91$), не приводящие к дезадаптивным поведенческим проявлениям. Самоповреждающее поведение выражено минимально, его

инструментальные ($M=6.26$) и соматические ($M=13.22$) формы имеют ситуативный характер.

Студенты с высоким уровнем риска РПП характеризуются повышенной выраженностью ключевых дезадаптивных характеристик. У них отмечаются значительные трудности эмоциональной регуляции, проявляющиеся в высокой выраженности показателя руминации ($M=19.8$) и избегания ($M=12.73$). Особенно выражены трудности идентификации чувств (шкала «ТИЧ», $M=15.15$), что указывает на алекситимические особенности. Характерной чертой группы является повышенная склонность к самоповреждающему поведению, особенно в его соматической форме ($M=15.8$), которое используется преимущественно для избавления от напряжения ($M=19.65$) и восстановления самоконтроля ($M=27.76$).

Для выявления различий в выраженности показателей эмоциональной дисрегуляции, алекситимии и самоповреждающего поведения между группами лиц с высоким и низким риском развития РПП проводился сравнительный анализ с помощью критерия Манна-Уитни. Результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Особенности эмоциональной регуляции, алекситимии и самоповреждающего поведения у лиц с низким и высоким риском развития РПП

Переменные	Группа лиц с низким риском		Группа лиц с высоким риском		Различия	
	M	SD	M	SD	U	p
Руминация	17.84	3.94	19.8	4.92	465.00	0.15
Трудности ментализации	19.68	4.31	21.23	4.14	475.00	0.19
Избегание	10.91	3.22	12.73	3.99	442.50	0.08
Внешне ориентированное мышление (ВОМ)	17.48	4.29	17.3	3.79	593.00	0.92
Трудность описания чувств (ТОЧ)	12.55	4.18	12.53	4.15	586.50	0.99
Трудность идентификации чувств (ТИЧ)	13.48	4.71	15.15	5.28	466.50	0.15
Инструментальные самоповреждения	6.26	2.44	7.61	2.92	417.50	0.04
Соматические самоповреждения	13.22	4.32	15.8	4.15	396.50	0.02
Восстановление контроля эмоций	6.88	3.76	8.11	4.03	483.00	0.22
Избавление от напряжения	15.44	9.41	19.65	9.78	433.00	0.07
Изменение себя, поиск опыта	7.31	2.42	7.76	2.56	521.00	0.42
Воздействие на других	11.13	5.38	13.34	6.83	463.00	0.14
Самоконтроль	22.33	12.79	27.76	13.47	445.50	0.09
Межличностный контроль	18.44	7.07	21.11	8.49	464.00	0.14

Примечание: жирным шрифтом обозначены значимые различия.

Сравнительный анализ показателей групп с высоким и низким риском РПП выявил статистически значимые различия по двум формам самоповреждающего поведения. Лица с высоким риском РПП значительно чаще прибегали к «инструментальным самоповреждениям» ($U = 417,5$; $p = 0,043$) и к «соматическим самоповреждениям» ($U = 396,5$; $p = 0,024$). Таким образом, можно говорить о частичном подтверждении гипотезы о различиях в выраженности самоповреждающего поведения у лиц с низким риском развития РПП и лиц с высоким риском развития РПП. По шкалам эмоциональной дисрегуляции («Руминация», «Трудности ментализации», «Избегание») и алекситимии («Трудности идентификации чувств», «Трудности описания чувств», «Внешне-ориентированное мышление») значимых различий обнаружено не было, однако средние значения в группе высокого риска РПП были выше, что согласуется с выдвинутой гипотезой.

Для оценки взаимосвязей между показателями эмоциональной дисрегуляции, алекситимии и самоповреждающего поведения у лиц с высоким риском развития РПП использовался ранговый корреляционный анализ по Спирмену. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Взаимосвязь параметров эмоциональной регуляции, алекситимии и самоповреждающего поведения в группе лиц с высоким риском развития РПП

Шкалы	Руминация	Трудности ментализации	Избегание	Внешне-ориентированное мышление	Трудность идентификации чувств
Инструментальные самоповреждения	-	-	0.671***	-	0.419*
Соматические самоповреждения	0.406*	0.404*	0.496*	-	0.419*

Примечание: уровень значимости * $p \leq 0,05$, *** $p \leq 0,001$.

В группе лиц с высоким риском развития РПП были обнаружены корреляции между шкалами методики «Шкала самоповреждающего поведения» и «Торонтская алекситимическая шкала»:

1. Обнаружена положительная связь средней силы между шкалой «Трудность идентификации чувств» и шкалой «Инструментальные самоповреждения» ($r=0,419$, $p < 0,05$): чем выше у испытуемых трудности в распознавании собственных эмоций, тем выше склонность к совершению инструментальных самоповреждений.

2. Выявлена положительная связь средней силы между шкалой «Трудность идентификации чувств» и шкалой «Соматические самоповреждения» ($r=0,419$, $p < 0,05$): чем более выражены трудности в распознавании эмоций, тем выше частота соматических самоповреждений.

Выявлены корреляции между шкалами методик «Шкала самоповреждающего поведения» и «Опросник эмоциональной дисрегуляции»:

1. Обнаружена сильная положительная связь между шкалой «Избегание» и шкалой «Инструментальные самоповреждения» ($r=0,671$, $p < 0,001$): чем выше склонность к избеганию стрессовых мыслей и чувств, тем выше частота инструментальных самоповреждений.

2. Выявлена положительная связь средней силы между шкалой «Избегание» и шкалой «Соматические самоповреждения» ($r=0,496$, $p < 0,05$): чем более выражено избегающее поведение, тем выше склонность к соматическим самоповреждениям.

3. Обнаружена положительная связь средней силы между шкалой «Руминация» и шкалой «Соматические самоповреждения» ($r=0,406$, $p < 0,05$): чем выше уровень навязчивого мысленного переживания негативных эмоций, тем выше склонность к соматическим самоповреждениям.

4. Выявлена положительная связь средней силы между шкалой «Трудности ментализации» и шкалой «Соматические самоповреждения» ($r=0,404$, $p < 0,05$): чем выше трудности в понимании и интерпретации психических состояний – как своих, так и окружающих, – тем выше склонность к соматическим самоповреждениям.

Таблица 3. Взаимосвязь параметров эмоциональной регуляции и алекситимии в группе лиц с высоким риском развития РПП

Шкалы	Трудность идентификации чувств	Трудность описания чувств	Внешне-ориентированное мышление
Руминация	0.633***	—	—
Трудности ментализации	0.765***	0.476*	—
Избегание	0.481*	—	—

Примечание: уровень значимости * $p \leq 0,05$, *** $p \leq 0,001$.

В группе лиц с высоким риском развития РПП были обнаружены корреляции между шкалами методик «Опросник эмоциональной дисрегуляции» и «Торонтская алекситимическая шкала»:

1. Обнаружена сильная положительная связь между шкалой «Руминация» и шкалой «Трудность идентификации чувств» ($r=0,633$, $p < 0,001$): чем выше уровень навязчивого мысленного переживания негативных эмоций, тем значительнее выражены трудности в распознавании и различении собственных чувств.

2. Выявлена сильная положительная связь между шкалой «Трудности ментализации» и шкалой «Трудность идентификации чувств» ($r=0,765$, $p < 0,001$): чем выше трудности в понимании и интерпретации психических состояний, тем более выражена неспособность идентифицировать свои эмоции.

3. Обнаружена положительная связь средней силы между шкалой «Трудности ментализации» и шкалой «Трудность описания чувств» ($r=0,476$, $p < 0,05$): чем больше трудностей в осмыслении эмоциональных состояний, тем сложнее испытуемым вербально описать свои переживания.

4. Выявлена положительная связь средней силы между шкалой «Избегание» и шкалой «Трудность идентификации чувств» ($r=0,481$, $p < 0,05$): чем выше склонность к избеганию стрессовых мыслей и чувств, тем более выражены трудности в распознавании собственных эмоций.

Таким образом, полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о существовании взаимосвязей между эмоциональной дисрегуляцией, алекситимией и самоповреждающим поведением у лиц с высоким риском развития РПП.

Обсуждение результатов

Результаты корреляционного анализа позволяют выявить специфические паттерны взаимосвязей между эмоциональной дисрегуляцией, алекситимией и самоповреждающим поведением в группе лиц с высоким риском РПП.

Обнаружено, что трудность идентификации чувств выступает центральным звеном алекситимии, демонстрируя устойчивые положительные связи как с симптомами эмоциональной дисрегуляции, так и с различными формами самоповреждающего поведения. Сильные корреляции шкалы «Трудность идентификации чувств» с «Руминацией» ($r=0,633$) и трудностями ментализации ($r=0,765$) указывают на формирование единого дефицитарного комплекса, характеризующегося взаимосвязанными сложностями в распознавании, осмыслении и регуляции эмоциональных состояний.

Избегающее поведение демонстрирует наиболее выраженную связь с самоповреждающим поведением, особенно с его инструментальной формой ($r=0,671$). Данный паттерн позволяет предположить существование дезадаптивного цикла, при котором избегание эмоциональных переживаний приводит к накоплению напряжения, что, в свою очередь, находит разрядку через акты самоповреждения.

Полученные результаты согласуются с исследованиями О.О. Графовой [3] и X. Muir, D. A. Preese и R. Vecerra [15], подтверждающими роль эмоциональной дисрегуляции и алекситимии в генезе расстройств пищевого поведения. В частности, обнаруживается соответствие в выявлении значимой представленности таких компонентов эмоциональной дисрегуляции, как: руминации, трудности ментализации и избегающее поведение.

Особого внимания заслуживает продемонстрированная в исследовании центральная роль трудности идентификации чувств в структуре алекситимии, а также обнаруженная сильная связь между избегающим поведением и инструментальными самоповреждениями ($r=0,671$). Данный результат уточняет механизм коморбидности РПП и самоповреждающего поведения, описанный I. Krug и соавторами [13], и позволяет предположить существование

патологического цикла «избегание-накопление напряжения-самоповреждение» как ключевого элемента в структуре эмоциональной дезадаптации у лиц группы риска.

Результаты исследования позволили частично подтвердить выдвинутые гипотезы. Подтвердилось предположение о наличии различий в самоповреждающем поведении: лица с высоким риском РПП значимо чаще используют инструментальные и соматические самоповреждения. Это согласуется с данными I. Krug с соавторами [13] о том, что СП выступает дезадаптивным, но эффективным в краткосрочной перспективе механизмом эмоциональной регуляции, средством самонаказания за «срывы» в питании или отвлечения от дистресса, в том числе связанного с телом и едой.

Гипотеза о наличии взаимосвязей между изучаемыми конструктами в группе высокого риска РПП получила полное подтверждение. Выявленные сильные корреляции между руминацией, трудностями ментализации и идентификации чувств указывают на формирование единого дефицитарного комплекса, лежащего в основе эмоциональной дисрегуляции. Невозможность осознать и дифференцировать эмоции компенсируется навязчивыми размышлениями (часто о еде и весе) и избеганием эмоциональных ситуаций.

Полученные результаты обладают значительным практическим потенциалом для совершенствования системы психологической помощи лицам с высоким риском развития РПП. Выявление специфического комплекса нарушений, включающего эмоциональную дисрегуляцию, алекситимию и склонность к самоповреждающему поведению, позволяет определить ключевые мишени для профилактического вмешательства. В частности, обоснована необходимость целенаправленного развития навыков идентификации и вербализации эмоциональных состояний, коррекции избегающего поведения и руминации, а также формирования адаптивных стратегий эмоциональной регуляции.

Результаты исследования свидетельствуют о целесообразности включения в программы профилактики РПП специализированных модулей, направленных на развитие эмоционального интеллекта и обучение навыкам психической саморегуляции. Особое внимание в профилактической работе следует уделять лицам, демонстрирующим сочетание избегающего поведения и выраженных трудностей в идентификации чувств, поскольку именно эта категория представляет группу наибольшего риска формирования стойких дезадаптивных поведенческих паттернов.

Ограничения исследования включают относительно небольшой объем выборки, преобладание женщин и использование дистанционных методов сбора данных, что могло повлиять на валидность самоотчетов. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением лонгитюдных исследований для установления причинно-следственных связей и применением более сложных статистических моделей (например, моделей структурного уравнения) для проверки целостных паттернов взаимовлияний.

Выводы

1. Лица с высоким риском развития расстройств пищевого поведения более склонны к инструментальным и соматическим формам самоповреждающего поведения.

2. Трудности в идентификации чувств у лиц с высоким риском расстройств пищевого поведения приводят к дисрегуляции эмоций, а именно недостаточному осмыслению чувств, навязчивым негативным размышлениям и избеганию эмоциогенных переживаний. Все это способствует накоплению напряжения, которое снимается через самоповреждения. Таким образом, формируется патологический цикл дезадаптивной эмоциональной регуляции, поддерживающий высокий уровень самоповреждения у лиц с риском РПП.

3. Лицам с риском развития РПП требуется психологическое сопровождение по профилактике самоповреждающего поведения, в которое необходимо включать блоки, нацеленные на развитие эмоционального интеллекта, особенно навыков идентификации и вербализации эмоций, а также на тренировку адаптивных стратегий эмоциональной регуляции.

Библиографический список

1. Брель Е.Ю. Стоянова И.Я. Феномен алекситимии в клинико-психологических исследованиях (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2017. – Т. 97. № 4. – С. 74-81.
2. Вець И.В. Осознанная саморегуляция и копинг-стратегии как ресурсы преодоления трудных жизненных ситуаций // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2023. – № 3. – С. 50-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoznannaya-samoregulyatsiya-i-koping-strategii-kak-resursy-preodoleniya-trudnyh-zhiznennyh-situatsiy> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Графова О.О. Особенности саморегуляции у лиц с нарушениями пищевого поведения // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2024. – № 1. – С. 115-128.
4. Кирюхина Н.А. Польская Н.А. Эмоциональная дисрегуляция и неудовлетворенность телом в женской популяции // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Т. 10. – № 3. С. 126-147. DOI: 10.17759/cpse.2021100308.
5. Леонова Е.Н. Социально-психологические типы пищевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – № 2. – С. 57-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-tipy-pischevogo-povedeniya> (дата обращения: 10.11.2025).
6. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т.25. – № 4. – С. 71-93. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250406>
7. Польская Н.А., Мельникова М.А. Вклад диссоциации и межличностной чувствительности в самоповреждающее поведение молодых женщин // Клиническая и специальная психология. – 2023. – Т.12. – № 1. – С. 150-179. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120107>
8. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.11.2025). 0421100116/0027.
9. Собенников В.С., Винокуров Е.В., Рычкова Л.В., Собенникова В.В. Эмоциональная дисрегуляция как фактор психосоматических нарушений при депрессии и кардиоваскулярной патологии (аналитический обзор иностранной литературы) // Acta Biomedica Scientifica. – 2019. – № 1. – С. 87-92. <https://doi.org/10.29413/ABS.2019-4.1.13>
10. Cole P.M., Hall S.E. Emotion dysregulation as a risk factor for psychopathology // Child and Adolescent Psychopathology / eds. T.P. Beauchaine, S.P. Hinshaw. Princeton: John Wiley & Sons, 2008. P. 265-287.
11. Gratz K.L., Roemer L. Multidimensional assessment of emotion regulation and dysregulation: development, factor structure, and initial validation of the difficulties in emotion regulation scale // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2008. Vol. 30. № 4. P. 315-315. <http://dx.doi.org/10.1023/B:JOBA.0000007455.08539.94>
12. Gross J.J. Emotion regulation in adulthood: Timing is everything // Current Directions in Psychological Science. 2001. Vol. 10. № 6. P. 214-219.
13. Krug I., Arroyo M.D., Giles S. et al A new integrative model for the co-occurrence of non-suicidal self-injury behaviours and eating disorder symptoms. // Journal of Eating Disorders. 2021. Vol. 9. № 1. <https://doi.org/10.1186/s40337-021-00508-3>
14. Leahy R.L. Emotional Schema Therapy: A meta-experiential model // Australian Psychologist. 2016. Vol. 51. № 2. P. 82-88.
15. Muir X., Preece D. A., Becerra R. Alexithymia and eating disorder symptoms: the mediating role of emotion regulation // Australian Psychologist. № 59(2), Pp.121–131. <https://doi.org/10.1080/00050067.2023.2236280>
16. Neacsiu A.D., Bohus M., Linehan M.M. Dialectical Behavior Therapy: An Intervention for Emotion Dysregulation // Handbook of Emotion Regulation. Second Edition / ed. J.J. Gross. NY: Guilford Press. 2014. P. 491–507.

УДК 159.923-053.6:378.14

EDN RWHAЕУ

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-78-90

Бергфельд Александра Юрьевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
abergfeld@yandex.ru
SPIN-код: 4781-3278

Казакова Дарья Сергеевна,
студент специальности «Клиническая психология»
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
dariakazakova1701@gmail.com

ИМПУЛЬСИВНОСТЬ, ТРЕВОЖНОСТЬ И САМООТНОШЕНИЕ КАК ПРЕДИКТОРЫ МОРАЛЬНОГО САМООПРАВДАНИЯ У СТУДЕНТОВ

Статья посвящена изучению влияния психологических характеристик (тревожности, самоотношения и импульсивности) на моральное самооправдание в студенческой среде. Моральное самооправдание (moral disengagement) представляет собой набор механизмов, позволяющих человеку оправдать свое аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения. Современные исследования показывают, что моральное самооправдание связано с проявлениями буллинга, кибербуллинга, агрессии и антисоциального поведения, что придает изучаемой проблеме особую социальную значимость и актуальность. В ходе исследования установлено, что импульсивность, тревожность и низкое положительное самоотношение являются значимыми предикторами морального самооправдания. Пол выступает универсальным фактором, влияющим на проявление этих механизмов. Практическая значимость исследования состоит в определении мишеней психологического воздействия, направленного на развитие саморегуляции, снижение тревожности и формирование положительного самоотношения у студентов. Отмеченные мишени могут быть положены в основу при разработке профилактических и коррекционно-развивающих программ в деятельности психологических служб вузов.

Ключевые слова: моральное самооправдание, импульсивность, тревожность, самоотношение, половые различия.

Ссылка для цитирования: Бергфельд А.Ю., Казакова Д.С. Импульсивность, тревожность и самоотношение как предикторы морального самооправдания у студентов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 78–90. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-78-90> EDN RWHAЕУ

Alexandra Y. Bergfeld,

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
abergfeld@yandex.ru
SPIN code: 4781-3278

Darya S. Kazakova,

Student of the Specialty "Clinical Psychology"
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
dariakazakova1701@gmail.com

IMPULSIVITY, ANXIETY, AND SELF-ESTEEM AS PREDICTORS OF MORAL DISENGAGEMENT IN STUDENTS

The article examines the influence of psychological characteristics (anxiety, self-esteem and impulsivity) on moral disengagement among university students. Moral disengagement represents a set of mechanisms that allow individuals to justify their immoral behavior in order to maintain a positive self-esteem and self-respect. Contemporary research indicates that moral disengagement is associated with bullying, cyberbullying, aggression, and antisocial behavior, highlighting the social significance and current relevance of the issue. The study found that impulsivity, anxiety, and low positive self-esteem are significant predictors of moral disengagement, while gender acts as a universal factor influencing the manifestation of these mechanisms. The practical significance of the research lies in identifying psychological targets for interventions aimed at developing self-regulation, reducing anxiety, and fostering positive self-esteem among students. These targets can serve as the basis for the development of preventive and corrective-developmental programs within university psychological services.

Keywords: moral disengagement, impulsivity, anxiety, self-esteem, gender differences.

For citation: Bergfeld A.Y., Kazakova D.S. [Impulsivity, anxiety, and self-esteem as predictors of moral disengagement in students]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 78–90 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-78-90>, EDN RWHAЕУ

Введение

Моральное развитие личности является важнейшей задачей становления социальной зрелости и ответственного поведения. В условиях студенческой среды молодые люди часто сталкиваются с ситуациями морального выбора, где возможна активация механизмов морального самооправдания, позволяющих человеку оправдать свое поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения. Исследования последних десятилетий показывают, что моральное самооправдание связано с проявлениями буллинга, кибербуллинга, вербальной и физической агрессии, нарушением социальных норм и формированием антисоциального поведения, что придает теме особую социальную значимость и актуальность [5; 7; 11; 13; 16; 21; 24].

Несмотря на достаточную разработанность феномена морального самооправдания в зарубежной психологии, в отечественных работах меньше внимания уделяется его психологическим предикторам, в частности тревожности, импульсивности и самоотношению. Необходимы дополнительные исследования, чтобы проанализировать, зависит ли моральное самооправдание от указанных психологических параметров у молодых людей. Кроме того, важно определить, проявляются ли различия между юношами

и девушками в таких переменных, как тревожность, самоотношение и импульсивность, при использовании ими механизмов морального самооправдания, что определяет актуальность и научную новизну исследования.

Таким образом, цель исследования заключается в изучении влияния психологических характеристик (тревожности, самоотношения и импульсивности) на моральное самооправдание у студентов.

Гипотезы:

1. Положительное самоотношение отрицательно коррелирует и предсказывает выраженность механизмов морального самооправдания, а отрицательное самоотношение – положительно коррелирует и предсказывает выраженность механизмов морального самооправдания.

2. Тревожность и импульсивность положительно коррелируют и являются предикторами морального самооправдания.

3. Выраженность механизмов самооправдания студентов связана с полом.

4. Импульсивность является значимым предиктором морального самооправдания у юношей, в то время как тревожность и самоотношение (положительное и отрицательное) являются значимыми предикторами у девушек.

Организация и методы исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 78 студентов из высших учебных заведений г. Перми в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 20,8$; $SD = 1,6$). Среди них 33 (42,3%) юноши и 45 (57,7%) девушек.

Исследование проводилось в 2025 году в онлайн формате. Ссылка от исследователя направлялась через социальную сеть ВКонтакте и мессенджер Telegram. Все участники дали согласие на обработку персональных данных и были оповещены о конфиденциальности и анонимности исследования.

В качестве методик исследования выступили:

1. Методика «Механизмы отчуждения моральной ответственности» С. Мур в адаптации Я.А. Ледовой, Р.В. Тихонова, О.Н. Боголюбовой, Е.В. Казенной, Ю.Л. Сорокиной [4];

2. Методика «Шкала импульсивности Барратта» (англ. Barratt Impulsiveness Scale, сокр. BIS-11) в адаптации С.Н. Ениколопова, Т.И. Медведевой [1];

3. «Шкала самоуважения Розенберга» (англ. Rosenberg Self-Esteem Scale, сокр. RSES) в адаптации А.А. Золотаревой [2];

4. Шкала тревоги Бека (англ. Beck Anxiety Inventory, сокр. BAI) [3].

Статистический анализ. Оценка характера распределения данных выполнена с помощью критерия Шапиро-Уилка и z-критерия. Статистическая проверка гипотез проведена с использованием t-критерия Стьюдента, t-критерия Уэлча, U-критерия Манна-Уитни, корреляционного анализа Пирсона и Спирмена, регрессионного анализа.

Результаты

Для проверки выборочной совокупности использовалась проверка на нормальность распределения с помощью критериев Шапиро-Уилка и z-критерия.

С целью тестирования гипотезы о связи механизмов морального самооправдания, импульсивности, самоотношения и тревожности был проведен корреляционный анализ (см. табл 1, 2). В отношении большинства шкал корреляционный анализ был выполнен с помощью параметрического критерия Пирсона, для результатов по шкале тревоги Бека был использован непараметрический критерий Спирмена.

Таблица 1. Корреляционный анализ механизмов морального самооправдания, самоотношения и импульсивности (коэффициент корреляции Пирсона)

Переменная	Моральное оправдание	Эвфемистический ярлык	Выгодное сравнение	Смещение ответственности	Рассеивание ответственности	Искажение последствий	Дегуманизация	Атрибуция вины	Суммарный балл по моральному самооправданию
Импульсивность	-8.292×10^{-4}	0,120	0.284*	0.382***	0.142	0.214	-0.053	0.321**	0.240*
Самоотношение	-0,077	-0,157	-0.228*	-0.247*	-0.203	-0.227*	0.124	-0.200	-0.208
Отрицательное самоотношение	0,070	0,164	0.239*	0.167	0.147	0.177	-0.161	0.128	0.155
Положительное самоотношение	-0,072	-0,125	-0.183	-0.301**	-0.235*	-0.248*	0.064	-0.250*	-0.235*

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 2. Корреляционный анализ механизмов морального самооправдания и тревожности (коэффициент корреляции Спирмена)

Переменная	Моральное оправдание	Эвфемистический ярлык	Выгодное сравнение	Смещение ответственности	Рассеивание ответственности	Искажение последствий	Дегуманизация	Атрибуция вины	Суммарный балл по моральному самооправданию
Тревожность	0.029	0.105	0.260*	0.279*	0.043	0.074	-0.066	0.025	0.155

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

По результатам корреляционного анализа было обнаружено, что механизмы морального самооправдания значимо и отрицательно связаны с самоотношением (глобальным) и положительным самоотношением (самоуважением), положительно – с отрицательным самоотношением (самоуничижением), импульсивностью и тревожностью. В качестве дальнейшего анализа был рассмотрен характер взаимосвязи механизмов самооправдания и импульсивности, самоотношения и тревожности. Перед проведением регрессионного анализа были проверены основные допущения. Распределение остатков оценивалось по гистограмме и Q-Q plot и оказалось близким к нормальному. Проверка мультиколлинеарности (толерантность $> 0,8$; VIF $< 2,0$) показала, что предикторы вносят уникальный вклад в модель. Статистика Дарбина-Уотсона находилась в пределах нормы (около 2), что свидетельствует о независимости ошибок. Визуальная проверка графиков «остатки против предсказанных значений» показала отсутствие выраженной нелинейности и гомоскедастичность распределения остатков. Таким образом, условия для проведения множественного регрессионного анализа были соблюдены.

Результаты регрессионного анализа показали, что в модель «Выгодного сравнения» вошли импульсивность ($\beta = 0,235$, $p = 0,040$) и тревожность ($\beta = 0,221$, $p = 0,058$), переменная пола не оказалась значимой ($p = 0,103$). В модель «Смещения ответственности» вошла импульсивность ($\beta = 0,291$, $p = 0,016$), но, если значим только один предиктор, то предсказание по нему ненадежно, поскольку его коэффициент – это коэффициент

корреляции. В модель «Рассеивания ответственности» вошли пол ($p = 0,009$) и положительное самоотношение ($\beta = -0,214$, $p = 0,050$). В модель «Искажения последствий» вошли пол ($p = 0,011$) и положительное самоотношение ($\beta = -0,228$, $p = 0,037$). В модель «Атрибуции вины» вошли пол ($p < 0,001$) и импульсивность ($\beta = 0,311$, $p = 0,006$), вклад переменной положительного самоотношения оказался незначимым ($p = 0,389$). В Интегративную модель Морального самооправдания вошли пол ($p = 0,006$) и импульсивности ($\beta = 0,212$, $p = 0,073$), а вклад переменной положительного самоотношения оказался незначимым ($p = 0,282$). Обобщение результатов проведенных регрессионных анализов (сравнительные характеристики моделей) представлены в табл. 3.

Таблица 3. Состав значимых предикторов и сравнительные характеристики моделей морального самооправдания

Модель	Независимые переменные	Скорректированный R ²	Стандартная ошибка оценки
Выгодное сравнение	Импульсивность + Тревожность +	0,108	2,760
Рассеивание ответственности	Пол Положительное самоотношение —	0,116	3,658
Искажение последствий	Пол Положительное самоотношение —	0,116	3,501
Атрибуция вины	Пол Импульсивность +	0,226	3,760
Морального самооправдания	Пол Импульсивность +	0,138	19,350

В рамках проверки гипотезы о половых различиях был проведен сравнительный анализ (см. табл. 4, 5, 6).

Таблица 4. Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов морального самооправдания, импульсивности, самоотношения девушек и юношей, результат проверки различий оценок девушек и юношей (t-критерий Стьюдента)

	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	M	SD	M	SD	M	SD	t	P
Моральное оправдание	11.192	4.153	12.333	3.958	10.356	4.135	2.125	0.037
Рассеивание ответственности	8.923	3.891	10.303	4.066	7.911	3.463	2.799	0.006
Искажение последствий	8.026	3.724	9.303	4.019	7.089	3.225	2.698	0.009
Атрибуция вины	9.090	4.274	10.848	4.266	7.800	3.835	3.307	0.001
Моральное самооправдание (сумм)	73.167	20.840	80.364	19.224	67.889	20.590	2.718	0.008
Импульсивность	65.577	10.008	64.667	10.807	66.244	9.449	-0.685	0.495
Самоотношение	30.538	5.479	31.091	6.120	30.133	4.989	0.761	0.449
Отрицательное самоотношение	11.269	3.115	10.485	3.270	11.844	2.899	-1.938	0.056

Таблица 5. Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизма «Дегуманизация», результат проверки различий оценок девушек и юношей (t-критерий Уэлча)

	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	М	SD	М	SD	М	SD	t	p
Дегуманизация	14.231	4.567	15.121	3.647	13.578	5.079	1.562	0.122

Таблица 6. Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов морального самооправдания, самооотношения и тревожности девушек и юношей, результат проверки различий оценок девушек и юношей (U-критерий Манна-Уитни)

	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	М	SD	М	SD	М	SD	U	p
Эвфимистический ярлык	8.487	4.108	8.667	3.918	8.356	4.281	787.500	0.651
Выгодное сравнение	6.462	2.922	6.848	3.492	6.178	2.424	783.000	0.683
Смещение ответственности	6.756	3.151	6.939	3.172	6.622	3.164	796.500	0.586
Положительное самооотношение	16.808	2.778	16.576	3.103	16.978	2.536	697.500	0.649
Тревожность	14.974	11.680	11.939	11.051	17.200	11.745	502.500	0.015

У юношей выраженность таких механизмов, как моральное оправдание, рассеивание ответственности, искажение последствий, атрибуция вины, а также суммарный балл значимо выше, чем у девушек. В отношении импульсивности статистически значимых различий между юношами и девушками выявлено не было ($p = 0,495$). Аналогичная тенденция наблюдается при рассмотрении самооотношения и его позитивного компонента: различия между группами статистически незначимы как для самооотношения ($p = 0,449$), так и для положительного самооотношения ($p = 0,649$). Что касается отрицательного самооотношения, анализ выявил определенную тенденцию: девушки демонстрируют более выраженное негативное самооотношение в сравнении с юношами, однако данное различие не достигает уровня статистической значимости ($p = 0,056$). Наиболее существенные различия наблюдаются в показателях тревожности: девушки демонстрируют статистически значимо более высокий уровень тревожности по сравнению с юношами ($p = 0,015$).

Для проверки гипотезы о взаимосвязи импульсивности и морального самооправдания у юношей был проведен корреляционный анализ. На первом этапе анализа рассматривались взаимосвязи между показателями импульсивности, тревожности, самооотношения и морального самооправдания у юношей (см. табл. 7, 8).

Таблица 7. Корреляционный анализ механизмов морального самооправдания, импульсивности и самоотношения в группе юношей (коэффициент корреляции Пирсона)

Переменная	Моральное оправдание	Эвфемистический ярлык	Рассеивание ответственности	Искажение последствий	Дегуманизация	Атрибуция вины	Суммарный балл по моральному самооправданию
Импульсивность	-0.122	0.100	0.245	0.258	0.007	0.470**	0.378*
Самоотношение	-0.057	-0.059	-0.311	-0.357*	0.172	-0.277	-0.320
Отрицательное самоотношение	0.057	0.054	0.261	0.317	-0.178	0.207	0.275
Положительное самоотношение	-0.052	-0.058	-0.339	-0.370*	0.151	-0.328	-0.341
Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$							

Таблица 8. Корреляционный анализ механизмов морального самооправдания, импульсивности, самоотношения и тревожности в группе юношей (коэффициент корреляции Спирмена)

Переменная	Моральное оправдание	Эвфемистический ярлык	Выгодное сравнение	Смещение ответственности	Рассеивание ответственности	Искажение последствий	Дегуманизация	Атрибуция вины	Суммарный балл по моральному самооправданию
Импульсивность	-0.024	0.115	0.495**	0.441*	0.225	0.221	0.124	0.421*	0.414*
Самоотношение	-0.041	-0.063	-0.531**	-0.403*	-0.275	-0.373*	0.187	-0.336	-0.399*
Отрицательное самоотношение	0.033	0.075	0.530**	0.368*	0.230	0.338	-0.186	0.278	0.358*
Положительное самоотношение	-0.050	-0.057	-0.532**	-0.414*	-0.290	-0.400*	0.161	-0.404*	-0.436*
Тревожность	0.059	0.229	0.530**	0.361*	0.276	0.419*	0.119	0.287	0.496**
Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$									

По результатам корреляционного анализа у юношей было обнаружено, что импульсивность, самоотношение и тревожность связаны с использованием механизмов морального самооправдания.

Для уточнения характера выявленных взаимосвязей у юношей использовался множественный регрессионный анализ. Результаты регрессионного анализа показали, что в модель «Выгодного сравнения» вошли тревожность ($\beta = 0,457$, $p = 0,015$) и импульсивность ($\beta = 0,305$, $p = 0,071$), вклад переменной положительного самоотношения оказался незначимым ($p = 0,513$). В модель «Смещения ответственности» вошла импульсивность ($\beta = 0,299$, $p = 0,079$), но, если значим только один предиктор, то предсказание по нему ненадежно, поскольку его коэффициент – это коэффициент корреляции. В модель «Искажения последствий» вошли тревожность ($\beta = 0,373$, $p = 0,031$) и положительное

самоотношение ($\beta = -0,262$, $p = 0,048$). В интегративную модель Морального самооправдания вошла тревожность ($\beta = 0,376$, $p = 0,048$), но, если значим только один предиктор, то предсказание по нему ненадежно.

Таким образом, по результатам проведенного регрессионного анализа удалось получить только одну значимую регрессионную модель, которая продемонстрировала статистически достоверные результаты. Предикторами в данной модели выступают высокая импульсивность и высокая тревожность, что указывает на их значимую роль в формировании такого механизма морального самооправдания, как Выгодное сравнение. Данная модель объясняет 48% вариативности этой переменной через предложенные предикторы.

В группе девушек корреляционный анализ выявил лишь одну значимую взаимосвязь среди шкал: смещение ответственности – импульсивность ($p < 0,05$) – положительная направленность (см. табл. 9, 10).

Таблица 9. Корреляционный анализ механизмов морального самооправдания, импульсивности и самоотношения в группе девушек (коэффициент корреляции Пирсона)

Переменная	Моральное оправдание	Выгодное сравнение	Смещение ответственности	Рассеивание ответственности	Искажение последствий	Дегуманизация	Атрибуция вины	Суммарный балл по моральному самооправданию
Импульсивность	0.130	0.003	0.345*	0.107	0.239	-0.071	0.286	0.201
Самоотношение	-0.139	-0.045	-0.182	-0.169	-0.163	0.079	-0.218	-0.188
Отрицательное самоотношение	0.185	0.120	0.105	0.200	0.201	-0.105	0.240	0.208

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 10. Корреляционный анализ механизмов морального самооправдания, импульсивности, самоотношения и тревожности в группе девушек (коэффициент корреляции Спирмена)

Переменная	Моральное оправдание	Эвфемистический ярлык	Выгодное сравнение	Смещение ответственности	Рассеивание ответственности	Искажение последствий	Дегуманизация	Атрибуция вины	Суммарный балл по моральному самооправданию
Импульсивность	0.129	0.101	-0.007	0.263	0.101	0.239	-0.069	0.321*	0.223
Самоотношение	-0.162	-0.246	-0.126	-0.165	-0.108	-0.144	0.122	-0.347*	-0.197
Отрицательное самоотношение	0.236	0.294	0.186	0.098	0.180	0.192	-0.135	0.342*	0.221
Положительное самоотношение	-0.059	-0.124	0.007	-0.205	-0.025	-0.057	0.077	-0.236	-0.112
Тревожность	0.193	0.051	0.032	0.272	0.021	-0.037	-0.126	0.036	0.072

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Обсуждение

Цель данного исследования состояла в том, чтобы проанализировать влияние самоотношения, импульсивности и тревожности на механизмы морального самооправдания у студентов.

Результаты корреляционного анализа по всей выборке выявили, что механизмы морального самооправдания отрицательно коррелируют с глобальным и положительным самоотношением (самоуважением) и положительно – с отрицательным самоотношением (самоуничижением), импульсивностью и тревожностью. Как социально-когнитивная теория, так и эмпирические данные показывают, что моральное самооправдание помогает избежать самокритики, уменьшить психологический дистресс и сохранить позитивное представление о себе [6; 17; 20].

Другие исследования показали, что самооценка и позитивное представление о себе оказывают положительный прогностический эффект на просоциальное моральное мышление и просоциальное поведение в выборках молодых людей [18]. Это согласуется с идеей о том, что отрицательное самоотношение может выступать в качестве психологического фактора риска морального самооправдания.

Для анализа характера взаимосвязи механизмов самооправдания и психологических характеристик (импульсивность, самоотношение, тревожность) был проведен регрессионный анализ. Было выявлено, что половые различия играют ключевую роль в использовании морального самооправдания. Пол является универсальным предиктором, который влияет на различные механизмы морального самооправдания.

Что касается конкретных механизмов морального самооправдания, результаты показывают, что импульсивность и половая принадлежность оказали значимое влияние на прогнозирование общего уровня морального самооправдания и атрибуции вины. Импульсивность и тревожность оказали значимое влияние на прогнозирование выгодного сравнения. Наконец, рассеивание ответственности и искажение последствий в значимой степени зависят от половой принадлежности и низкого уровня положительного самоотношения.

Важно отметить, что выгодное сравнение – это единственный механизм морального самооправдания, предиктором которого выступает тревожность. Можно предположить, что его вклад здесь не случаен, поскольку выгодное сравнение может использоваться не только как механизм морального самооправдания, но и как копинг-стратегия, при которой человек не пытается оправдать свои действия, а просто ищет способ улучшить свое эмоциональное состояние через сравнение с другими, тем самым уменьшая чувство тревоги.

Таким образом, психологическими предикторами морального самооправдания являются импульсивность, тревожность и низкое положительное самоотношение. Можно сделать вывод, что теоретически сформулированная гипотеза в исследовании частично подтвердилась: положительное самоотношение (самоуважение) предсказывает такие механизмы морального самооправдания как распределение ответственности и искажений последствий, в то время как отрицательное самоотношение (самоуничижение) не было включено в регрессионный анализ, поскольку его связь с положительным самоотношением была слишком высокой ($r = -0,728$, $p < 0,001$).

Результаты сравнительного анализа показывают, что у юношей выраженность таких механизмов, как моральное оправдание, рассеивание ответственности, искажение последствий, атрибуция вины, а также суммарный балл по механизмам морального самооправдания значимо выше, чем у девушек. Данные результаты согласуются с предыдущими исследованиями, которые показали, что юноши более склонны к моральному самооправданию, чем девушки [8; 12; 14; 15]. Таким образом, можно сделать вывод, что сформулированная гипотеза подтвердилась.

Данные различия в молодых выборках могут иметь несколько объяснений. Во-первых, тот факт, что мужчины более склонны к экстернализированному поведению, может увеличить тенденцию к моральному самооправданию, чтобы оправдать агрессивное поведение по отношению к другим и избежать самообвинения. И наоборот, девушки показывают более высокие результаты, чем юноши, по эмпатии и просоциальному поведению, что уменьшает вероятность использования механизмов морального самооправдания. Эти различия между мужчинами и женщинами были ранее опубликованы в других исследованиях [10; 14; 19; 22; 25; 26].

Касательно половых различий в психологических характеристиках стоит отметить, что девушки демонстрируют более выраженное отрицательное самоотношение по сравнению с юношами, однако данное различие не достигает уровня статистической значимости ($p = 0,056$). Наиболее существенные различия наблюдаются в показателях тревожности: девушки демонстрируют статистически значимо более высокий уровень тревожности по сравнению с юношами ($p = 0,015$). Эти данные подтверждают выводы предшествующих исследований, демонстрируя, что у женщин выше, чем у мужчин, показатели интернализированного поведения [9; 23].

По результатам корреляционного анализа в группе девушек было обнаружено, что лишь импульсивность связана с использованием такого механизма морального самооправдания как смещение ответственности. Таким образом, у девушек не обнаружено значимых связей между механизмами морального самооправдания и такими характеристиками, как тревожность и самоотношение. Возможно, показатели тревожности, импульсивности и самоотношения в группе девушек оказались относительно однородными (например, высокая тревожность или низкая импульсивность у большинства участниц). Это могло снизить вариативность данных, необходимых для выявления корреляций. Так как исследования показывают, что женщины реже прибегают к механизмам морального самооправдания по сравнению с мужчинами, возможно, что они используют другие стратегии совладания, такие как поиск социальной поддержки или самосострадание, что снижает зависимость от морального самооправдания. Также на девушек могут оказывать давление социальные ожидания, связанные с соблюдением моральных норм. Это может снижать частоту использования механизмов морального самооправдания, даже если присутствуют факторы, такие как тревожность или отрицательное самоотношение. По результатам корреляционного анализа у юношей было обнаружено, что импульсивность, самоотношение и тревожность связаны с использованием механизмов морального самооправдания.

Для уточнения характера выявленных взаимосвязей у юношей использовался множественный регрессионный анализ. По результатам проведенного регрессионного анализа удалось получить только одну значимую регрессионную модель, которая

продемонстрировала статистически достоверные результаты. Предикторами в данной модели выступают высокая импульсивность и высокая тревожность, что указывает на их значимую роль в формировании такого механизма морального самооправдания, как выгодное сравнение. Таким образом, можно сделать вывод, что теоретически сформулированная гипотеза в исследовании частично подтвердилась: импульсивность действительно является значимым предиктором морального самооправдания у юношей, в то время как тревожность и самоотношение не оказались значимыми предикторами у девушек.

Ограничением выводов настоящего исследования, как и большинства исследований морального развития, является изучение предполагаемого, но не реального поведения респондента, что потребовало бы перехода к организации экологически валидного эксперимента, моделирующего ситуацию реального нарушения моральных норм.

Полученные результаты имеют прикладное значение и могут быть использованы при организации психологического сопровождения студентов в образовательной среде. Определение психологических предикторов морального самооправдания позволяет выделить конкретные мишени для психопрофилактической и коррекционной работы.

На основании анализа данных к ключевым мишеням относятся:

- 1) импульсивность связана со сниженным самоконтролем и повышенной склонностью к спонтанным действиям, что усиливает вероятность морального самооправдания;
- 2) тревожность способствует поиску защитных механизмов и оправданию собственных поступков для снижения внутреннего напряжения;
- 3) отрицательное самоотношение формирует потребность поддерживать положительный образ себя через искажение оценки собственных действий.

Возможными формами и направлениями воздействия могут стать психопрофилактика (тренинги самоконтроля и саморегуляции, программы стресс-менеджмента и релаксации, групповые занятия по развитию моральной рефлексии), психокоррекция (индивидуальное консультирование для снижения тревожности, когнитивно-поведенческие техники, направленные на переработку искажённых установок, формирование позитивного самоотношения через работу с самооценкой), психопросвещение (семинары о природе морального самооправдания и его последствиях, обсуждение моральных дилемм в студенческих группах, включение тематики моральной ответственности в курсы по психологии и педагогике).

Реализация данных направлений позволит:

- снизить выраженность механизмов морального самооправдания у студентов;
- укрепить моральную компетентность и способность к осознанному выбору;
- повысить уровень психологического благополучия;
- уменьшить вероятность девиантного поведения и межличностных конфликтов.

Таким образом, отмеченные мишени могут быть положены в основу при разработке профилактических и коррекционно-развивающих программ в деятельности психологических служб вузов, программах адаптации первокурсников, а также в деятельности кураторов и тьюторов.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить психологические предикторы морального самооправдания у студентов. Значимыми факторами оказались импульсивность, тревожность, низкое положительное самоотношение и пол, что отражает роль как личностных, так и социально-психологических характеристик в формировании тенденции к оправданию собственных поступков.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования выявленных закономерностей при разработке программ психопрофилактики и психокоррекции, направленных на снижение импульсивности, тревожности и формирование более зрелого самоотношения. Результаты могут быть полезны для психологических служб вузов и специалистов, занимающихся профилактикой девиантного поведения в студенческой среде. Представляется перспективным проведение лонгитюдных и экспериментальных исследований, направленных на оценку эффективности программ, снижающих выраженность морального самооправдания и способствующих развитию моральной ответственности студентов.

Библиографический список

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) // Психология и право. 2015(5). № 3. С.75-89. DOI: 10.17759/psylaw.2015050307
2. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга // ОмГУ. 2020. № 2. С. 52–57. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.2.52-57
3. Клинические рекомендации «Генерализованное тревожное расстройство». Минздрав России, 2024.
4. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 4. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
5. Bakioğlu, F., & Çapan, B.E. Moral disengagement and cyber bullying, A mediator role of emphatic tendency // International Journal of Technoethics. 2019. № 10(2). DOI: 10.4018/ijt.2019070102
6. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves, by Albert Bandura. – New York: Macmillan, 2016. – 544 pp.
7. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., & Pastorelli C. Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 2(71). pp. 364–374. DOI: 10.1037/0022-3514.71.2.364
8. Bjärehed M., Thornberg R., Wänström L., & Gini G. Individual moral disengagement and bullying among Swedish fifth graders: The role of collective moral disengagement and pro-bullying behavior within classrooms // Journal of Interpersonal Violence. 2019. № 36. pp. 17-18. DOI: 10.1177/0886260519860889
9. Campos, J., Barbosa-Ducharne, M., Dias, P., Rodrigues, S., Martins, A.C., & Leal M. Emotional and behavioral problems and psychosocial skills in adolescents in residential care // Child and Adolescent Social Work Journal. 2019. № 36. pp. 237–246. DOI: 10.1007/s10560-018-0594-9. EDN ZUTIDN.
10. Caprara, G., Di Giunta, L., Eisenberg, N., Gerbino, M., Pastorelli, C., & Tramontano, C. Assessing regulatory emotional self-efficacy in three countries // Psychological Assessment. 2008. № 20(3). pp. 227–237. DOI: 10.1037/1040-3590.20.3.227
11. Caravita S.C.S., Sijtsema J.J., Rambaran J.A. et al. Peer Influences on Moral Disengagement in Late Childhood and Early Adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 2014. № 43. pp. 193–207. DOI: 10.1007/s10964-013-9953-1

12. De Caroli, M. E., Sagone, E., & Falanga, R. Civic moral disengagement and personality. A comparison between law and psychology Italian students // *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. 2011. № 5(1). pp. 105-112. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/3498/349832343010.pdf>
13. Gini G, Pozzoli T, Hymel S. Moral disengagement among children and youth: a meta-analytic review of links to aggressive behavior // *Aggressive Behavior*. 2013. № 1(40). pp. 56-68. DOI: 10.1002/ab.21502
14. Gómez, A. S., & Durán, N. Motivaciones prosociales, empatía y diferencias de género en adolescentes víctimas del conflicto armado e infractores de la ley // *Revista sobre la Infancia y la Adolescencia*. 2020. № 18. pp. 69-90. DOI: 10.4995/reinad.2020.12771
15. Gómez, A. S., & Narváez, N. Mecanismos de desconexión moral y su relación con la empatía y la prosocialidad en adolescentes que han tenido experiencias delictivas // *Revista de Psicología*. 2019. № 37(2). pp. 603-641. DOI: 10.18800/psico.201902.010
16. Hardy A. M., Bean, D. S., & Olsen, J. A. Moral identity and adolescent prosocial and antisocial behaviors: Interactions with moral disengagement and self-regulation // *J Youth Adolescence*. 2015. № 44. pp. 1542-1554. DOI: 10.1007/s10964-014-0172-1
17. Jordan J., Leliveld M.C., & Tenbrunsel A.E. The Moral Self-Image Scale: Measuring and understanding the malleability of the Moral Self // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01878
18. Laible DJ, Carlo G, Roesch SC. Pathways to self-esteem in late adolescence: the role of parent and peer attachment, empathy, and social behaviours // *J Adolesc*. 2004. № 27(6). pp. 703-716. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.05.005
19. Mestre M., Samper P., Frías M., & Tur A. Are women more empathetic than men? A longitudinal study in adolescence // *The Spanish Journal of Psychology*. 2009. № 12(1), pp. 76-83. DOI: 10.1017/S1138741600001499
20. Moore C. Moral disengagement // *Current Opinion in Psychology*. 2015. № 6. pp. 199–204. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.07.018
21. Paciello M, Fida R, Tramontano C, Lupinetti C, Caprara GV. Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence // *Child Development*. 2008. № 5(79). pp. 1288–1309. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2008.01189.x
22. Redondo, J., Rangel, K., & Luzardo, M. Diferencias en comportamientos prosociales entre adolescentes colombianos // *Psicogente*. 2015. № 18(34). pp. 311–319. DOI: 10.17081/psico.18.34.507
23. Rescorla L. A., Blumenfeld M.C., Ivanova M.Y., Achenbach T.M., & International ASEBA Consortium. International comparisons of the dysregulation profile based on reports by parents, adolescents, and teachers // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2018. № 48(6). pp. 866–880. DOI: 10.1080/15374416.2018.1469090
24. Runions K. C., Shaw T., Bussey K., Thornberg R., Salmivalli C., & Cross D.S. Moral disengagement of pure bullies and bully/victims: Shared and distinct mechanisms // *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. № 48(9). pp. 1835-1848. DOI: 10.1007/s10964-019-01067-2
25. Valois R. F., Zullig K. J., & Revels A.A. Aggressive and violent behavior and emotional self-efficacy: Is there a relationship for adolescents? // *Journal of School Health*. 2017. № 87(4). pp. 269-277. DOI: 10.1111/josh.12493
26. Van der Graaff, J., Branje S., De Wied M., Hawk S., Van Lier P., & Meeus W. Perspective taking and empathic concern in adolescence: Gender differences in developmental changes // *Developmental Psychology*. 2014. № 50(3). pp. 881–888. DOI: 10.1037/a0034325

ПЕДАГОГИКА

УДК [221.7:371](511)

EDN ZABRTU

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-91-101

Попкова Татьяна Дмитриевна,
доктор культурологии, доцент
профессор кафедры педагогики,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
tatyana3@mail.ru
Scopus AuthorID: 57212531521
ORCID: 0000-003-0267-217X
SPIN-код: 4572-6626

ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФУЦИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПАРАДОКСЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Культура воспитания и ее духовные основы в Китае ориентированы на этические императивы, выработанные философами и мыслителями в течение многих тысячелетий. Гуманный подход, который является фундаментом воспитания и обучения, предполагает формирование в сознании детей нравственных качеств, которые составляют ценностный опыт предшествующих поколений, необходимый для жизни в современном обществе с тем, чтобы поддерживать гармоничные взаимоотношения в семье и ближайшем окружении. Традиционная система воспитания основана на передаче опыта старшего поколения младшему, так с раннего возраста осуществляется процесс преемственности поколений. Духовно-нравственные константы формируют менталитет, жизненные ориентиры китайского народа. Целью статьи выступает обоснование дилеммы существования в воспитательной системе Китая консервативных традиций и современных свободных форм взаимодействия с ребенком. Краткий экскурс в историю педагогических взглядов позволяет выявить основные тенденции эволюции представлений о ребенке, значимости детства как важнейшего условия сохранения национального самосознания. Ценностные эталоны конфуцианства, которые предметно рассматриваются в статье, контекстуально транслируются на сегодняшние реалии семьи и общества, акцентируя внимание на возникающие парадоксы устоев менталитета и тенденций формирования «свободного от консерватизма» воспитания.

Ключевые слова: Китай, дети, воспитание, семья, этические ценности, конфуцианство, преемственность поколений.

Ссылка для цитирования: Попкова Т.Д. Традиционные конфуцианские ценности и парадоксы воспитания детей в современном Китае // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 91–101. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-91-101> EDN ZABRTU

Tatiana D. Popkova,
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,
Professor of the Department of Pedagogy
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
tatyana3@mail.ru
Scopus AuthorID: 57212531521
ORCID: 0000-003-0267-217X
SPIN code: 4572-6626

TRADITIONAL CONFUCIAN VALUES AND PARADOXES OF PARENTING IN MODERN CHINA

The culture of education and its spiritual foundations in China are focused on ethical imperatives developed by philosophers and thinkers over many millennia. A humane approach, which is the foundation of upbringing and education, involves the formation of moral qualities in the minds of children, which constitute the valuable experience of previous generations, necessary for life in modern society in order to maintain harmonious relationships in the family and the immediate environment. The traditional education system is based on the transfer of the experience of the older generation to the younger, so the process of generational succession is carried out from an early age. Spiritual and moral constants form the mentality and life orientations of the Chinese people. The purpose of the article is to substantiate the dilemma of the existence of conservative traditions and modern free forms of interaction with the child in the Chinese educational system. A brief digression into the history of pedagogical views allows us to identify the main trends in the evolution of ideas about the child, the importance of childhood as the most important condition for the preservation of national identity. The value standards of Confucianism, which are considered in detail in the article, are contextually translated into the current realities of the family and society, focusing on the emerging paradoxes of the foundations of mentality and trends in the formation of a "conservative-free" upbringing.

Keywords: China, children, upbringing, family, ethical values, Confucianism, generational continuity.

For citation: Popkova T.D. [Traditional confucian values and paradoxes of parenting in modern China]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 91–101 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-91-101>, EDN ZABRTU

Небо, рождая на свет человеческий род,
Тело и правило жизни всем людям дает.
Люди, храня этот вечный закон, хороши,
Любят и ценят прекрасную доблесть души.
«Мэн-цзы», пер. А.А. Штукина

Воспитание детей – важнейшая природосообразная и социальная функция семьи и как продолжение рода, и как сохранение преемственности поколений. Приоритетная роль семьи в сохранении и передаче традиционных ценностей воспитания – неоспоримая аксиома для всех народов и национальностей. Семья – первый социальный институт, который обеспечивает взаимодействие личности и общества, интеграцию и определение приоритетности их интересов и потребностей. В семье ребенок получает первые знания о жизненных ценностях, взаимоотношениях, правилах поведения, вырабатывает первые навыки и умения в деятельности, подготавливая его к взрослой самостоятельной жизни. Именно в семье дети приобщаются к национальным традициям и укладу жизни, осознают свою принадлежность к нации.

В данной работе мы ставим перед собой задачу выявить особенности воспитания детей в Китае – традиции и современные тенденции с тем, чтобы лучше понять менталитет и культуру народа соседней с нами страны. Китайские традиции воспитания детей имеют многовековую историю и претерпели глубинную эволюцию взглядов на детей и детство в зависимости от исторических эпох, внешних и внутренних факторов: педагогические идеи претерпели «гуманистические взгляды и деспотичные, авторитарные, менялась система ценностей» [11, с. 94]. Современные концепции, как отмечают китайские исследователи, сформировались в конце XIX – начале XX в., обогатив свои представления и знания учениями европейских философов, педагогов.

Вопросы, которые будут рассмотрены в этой работе, связаны с происходящими трансформациями в современном мире, влияющими на все сферы жизнедеятельности общества и, безусловно, на образ жизни семьи: каким образом сохраняется преемственность поколений; как изменяющаяся среда влияет на принципы семейного воспитания? Основными методами исследования служит культурологический анализ философской и художественной китайской литературы, наблюдения автора, беседы с китайскими родителями.

Первой книгой, где был впервые описан опыт воспитания детей в императорских семьях является древнекитайский текст «Шан Шу» (или «Шу Цзин») – «Канон преданий»¹. В китайской научной среде современные педагогические взгляды на детей, детство и воспитание имеют в своей основе прежде всего традиционные представления, но при этом опираются на идеи западных педагогов, которые кардинально отличаются от общепринятых в Китае устоявшихся воспитательных канонов. В связи с этим уместно привести цитату из философского трактата «Го юи»: «Взаимодополнением назовем выравнивание непохожего непохожим. Именно поэтому оно может расти и процветать и все живое следует ему. Если же добавлять то же к тому же, то в конце концов оно иссякнет» [3, с. 298]. Как можно заметить, парадокс заложен в глубинах философской мысли, и при этом он характеризуется высокой степенью диалектичности, отражая гармонию миропорядка в представлениях китайского народа.

Кратко представим хронологию развития отношения к детям в китайском обществе²:

Таблица 1. Краткая хронология эволюции взглядов на детей в китайском обществе

Исторический период	Восприятие ребенка, его способностей, способов воспитания	Философы, педагоги
50000-5000 до н.э.	Ребенок – член родовой кровнородственной общины	
XVI в. до н.э. – 221 в. н.э.	<p>Определены:</p> <ul style="list-style-type: none"> - возрастные группы - половые различия -зависимость воспитания от среды - обосновывается наличие врожденных качества - индивидуальные различия <p>- обоснована социальная роль воспитателя, с помощью которого можно «переделать изначальную природу человека»¹</p>	<p>Конфуций, Мэн-цзы, моисты</p> <p>Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь Цзы</p>

¹ Древний трактат конфуцианских «Пяти-» и «Тринадцатиканония», датируемые XI в. до н.э.

² Материал частично использован согласно представленной хронологии Цао Юня в статье «Понятие «дети» в китайской философии и педагогике» // Научное мнение № 2, 2017. С. 90-94.

Окончание таблицы

Исторический период	Восприятие ребенка, его способностей, способов воспитания	Философы, педагоги
221 в. н.э. – 1840 г.	Существовала дискриминация по полу: мальчик – нефрит, девочка – кирпич - начались наблюдения в области детской психологии - формировалось понимание важности раннего воспитания - воспитание и обучение должно соответствовать возрастным и индивидуальным особенностям развития; - необходимость в создании благоприятной среды для воспитания	Чен Йи, Янь Туичжи, Ван Чун Чжу Си, Ван Янмин
1840-1949 гг.	Появление понятие «дети» и термина «ребенок» в официальных документах - декларировалось половое равноправие Разработано возрастное разделение на 4 группы (1-3 года – младенец, 3-10 лет – ребенок, 10-15 лет – юноша, 15-20 лет – половая зрелость - появление книг по детской психологии	
1949 – по настоящее время	Дети – независимые люди, необходимо уважать натуру ребенка и осознавать достоинства национальных концепций о детях - понятие «дети» делятся на три группы: старательные, послушные одаренные ² - признание того, что у детей существует свой собственный мир; - осознание важности индивидуального подхода в воспитании и обучении детей в соответствии с физическими и психическими характеристиками - современные дети находятся в атмосфере конкуренции - признана необходимость в профессиональной подготовке педагогов	

Как видно из таблицы, прошло достаточно много времени, прежде чем к детям стали относиться как субъектам, а не как к объектам воспитания, при этом и в настоящее время своеобразный культ детей в Китае отражается в отношении к ним как к величайшей ценности. Эта мысль ёмко обосновывается известным китайским философом Мэн Цзы: «Основа Поднебесной коренится во владениях, основы владений коренятся в семьях, основы семей – в нас самих» [8, с. 105]. Этому способствовала в XX в. политика «одного ребенка» (с 1958 по 2015 гг.), когда все надежды семьи возлагались на единственного ребенка: его берегли, удовлетворяли любую просьбу и каприз, баловали родственники со стороны отца и матери. Для китайцев дети являются не только продолжением рода, но и участвуют в развитии материальных ценностей. Дети стоят многих трат – временных, финансовых, эмоциональных, чувственных. Мальчики, с точки зрения культа предков играют

¹ «Сводное толкование "Сунь-цзы"». Собрание классических текстов, Т. II, С. 295.

² Материал частично использован по источнику: Лю Ся. Исследование понятия о детях в пособиях по китайской педагогике // Научное исследование Шанхая. № 9. 2007. С. 66-67.

важнейшую роль, так как именно от их наличия (или отсутствия) в семье зависит благополучие не только живых (старший сын должен содержать своих родителей в их старости), но и почивших предков (сын является главным исполнителем ежегодных поминальных жертвенных ритуалов). Важным воспитательным кредо является социальная установка на коллективизм: ребенок с малых лет привыкал к тому, что индивидуальное, эмоциональное на шкале ценностей – несоизмеримо ниже с общепринятым, рационально обусловленным и обязательным для всех. Индивидуализм, личная независимость в семье рассматривается и сегодня как нарушение норм поведения. Семья – это «сердцевина» общества, исходя из этого, интересы семьи всегда ставятся выше, чем интересы отдельной личности.

Огромное влияние на характер общественной и семейной структуры, на формирование социальных отношений оказал культ предков, основанный на конфуцианском учении. Основы нравственного традиционного воспитания, заложенные Конфуцием более двух тысяч лет назад и записанные его учениками¹, стали эталоном национального сознания, которому придерживаются китайцы и в XXI в., несмотря на то что образ жизни многих уже значительно изменился за последние три десятилетия. Конфуцианство основывается на древних традициях и привычных нормах этики и культа, оказало решающее влияние на мировоззрение китайского общества, а система ценностей стала общепризнанной, знаменуя собой идеал социума. Опираясь на конфуцианство, было разработано учение о сыновней почтительности – «Сяо». В трактате «Мо Цзы» об этом говорится так: «Если между отцом и сыном нет взаимной любви, то нет родительской любви и почитания родителей; если между братьями нет взаимной любви, то нет согласия между ними...» [3, с. 193].

Понятие государства в Китае – это одна семья, в которой государь – Сын Неба и одновременно «отец и мать народа». Государство отождествлялось с обществом, социальные связи – с межличностными, основа которых усматривалась и в семейной структуре. Последняя же выводилась из отношений между отцом и сыном. «С точки зрения конфуцианства отец считался «Небом» (тянь 天) в той же мере, в какой Небо – отцом. Поэтому «сыновняя почтительность» – «сяо» в специально посвященном ей каноническом трактате «Сяо цзин» (孝敬) была возведена в ранг «корня благодати / добродетели» (дэ 德) [4, с. 280].

Важнейшая заповедь конфуцианства – «чти отца и мать свою» – означает быть почтительными к родителям. Глубинный социальный смысл состоял в том, чтобы сформировать дух покорности и безволия в семье, т. к. это способствовало воспитанию покладистых и послушных подданных государства.

В учении Конфуция присутствуют пять основных этических ценностей – «**Жень**» (доброжелательность, человеколюбие, гуманность), «**Ли**» (ритуал, традиционные правила: вежливость, почтительность, благопристойность), «**И**» (чувство долга, справедливость), «**Чжи**» (познание, образованность), «**Синь**» (добросовестность, честность). Эти этические основы заложены в природе человека, но нуждаются в постоянной поддержке, воспитании,

¹ Эти записи представлены в древних китайских трактатах «Пятикнижием» (14087 г. до н.э.): «Ли-Цзи» («Записки о правлениях и обрядах» 礼记), «И цзин» («Книга перемен» 易经), «Ши цзин» («Книга песен» 诗经), «Шу цзин» («Книга исторических преданий» 书经), «Чуньцю» (летопись), «Луньюй» («Беседы и суждения» 论语).

совершенствовании, поэтому с малых лет каждый китайский ребенок познает и заучивает их. Рассмотрим эти понятия применительно к детскому возрасту.

5 конфуцианских добродетелей (五常)		
仁	жэнь	Человечность, человеколюбие
义	и	Долг
礼	ли	Ритуал, вежливость, почтительность
智	чжи	Мудрость, ум, знания
信	синь	Правдивость, надежность, верность слову

Рис. 1 Конфуцианские добродетели

«**Жэнь**» — человеколюбие, гуманность, ответственность, любовь к человеку – является сутью человека и сознательного самовоспитания, самореализации. Для детей дошкольного возраста эта нравственная ценность воспитывается через такие личные качества, как скромность, бескорыстие и любовь к людям. В поведении ребенка это проявляется в поддержке и помощи другим. Согласно Конфуцию, эти качества проявляются в следующем: «Способствовать удобству стариков, верить в друзей и заботливо относиться к молодым».

(«老者安之, 朋友信之, 少者怀之») [11, с. 68]. Исполнением человеколюбия считается понятие «шу», которое определяется как «Чего себе не желаешь, того не делай другим того» [6, с. 135]. С раннего детства ребёнок может воспитываться¹ в семье мужа – у бабушки, которая его может и безмерно баловать (если это мальчик), и одновременно демонстрировать свою бескорыстную заботу, показывая своим примером, как надо относиться к людям старшего возраста, учит быть скромным человеком. Традиционно, заботу о воспитании ребенка в семье принимает на себя бабушка по папиной линии, так как семья мужа имеет первостепенное значение в семейных отношениях. Ее авторитет не обсуждается, а невестка полностью должна подчиняться и слушаться свекрови. Ребенок может общаться с бабушкой и дедушкой по материнской линии только по согласию со свекрами. Когда хотят навестить родственников, в первую очередь навещают родителей мужа, а во вторую – жены. Таким образом, традиционный уклад китайской семьи сохраняется из поколения в поколение и до настоящего времени.

Интересно разделение и именование старших родителей (для внуков): папина мать – прямая кровная родственница. Папину маму зовут дома 奶奶 (nǎi nǎi), вне дома 祖母 (zǔ mǔ). Мамина мать – кровная родственница, но чужая. Мамину маму называют дома 姥姥 (lǎo lǎo), а публично 外祖母 (wài zǔ mǔ).

В повседневной жизни можно наблюдать, когда ребенок чрезмерно балуется или капризничает, родители, бабушки и дедушки (так же, как и окружающие) очень спокойно и терпеливо сносят все «причуды» малыша: они его не ругают, а увещевают, не наказывают, не стыдят (тем более, публично), пытаются удовлетворить его сиюминутное желание. Иначе это выглядело бы как потеря «лица» и для ребенка, и для взрослого: «Любя своих детей,

¹ В современных китайских семьях, живущих в мегаполисах и крупных городах эту функцию выполняют сами родители или нанимают няню.

распространяйте эту любовь и на чужих детей» [3, с. 228]. Таким образом, в сознании ребенка с ранних лет закладывается модель поведения, при которой можно сохранить достоинство. В младшем школьном возрасте дети перестают вести себя неадекватно, понимая неуместность проявления бурных эмоций.

В понятие «Жэнь», согласно идее конфуцианства, вкладывалась доктрина покорности и почитания родителей (*сяо*), подчинение младших братьев старшему брату и его беспрекословное уважение (*ду*). Одним из проявлений «сяо» должна быть забота о своем здоровье, чтобы родители не беспокоились об этом.

В современных семьях уже нет столь ультимативного следования ритуальным конфуцианским правилам, это больше относится к жителям небольших провинциальных городов и деревень. Жизнь в мегаполисе постепенно замещает консервативные устои на современный взгляд об отношениях в семье, а родители стараются прививать детям более широкий и свободный взгляд на жизнь. Образец «другой» – европейской модели воспитания и обучения все больше проникает в повседневную реальность, этому способствуют и СМИ, и опыт тех, кто побывал за границей (получая образование или работая в совместных китайско-зарубежных компаниях, имеющих возможность в реальном формате наблюдать воспитательные приемы в русских и европейских семьях). Однако, это не всегда становится положительным опытом. Часто использование элементов «европейского стиля воспитания» вносит разногласия между поколениями, подвергая сомнению в важности соблюдения традиционного уклада китайской семьи.

«Ли» – понятие о правилах поведения, базовых нормах этикета, сыновняя и дочерняя почтительность к родителям и старшим людям – подразумевает полное и абсолютное послушание. Описание всей полноты обязанностей и достоинств почтительного сына занимает немалое место в трактате «Ли-цзи». Уважать родителей, беспрекословно подчиняться им, всю жизнь заботиться об отце и матери, постоянно им угождать, услуживать, почитать их независимо от того, насколько они заслуживают почтение: «Служи своим родителям, мягко увещивай их. Если видишь, что они проявляют несогласие, снова прояви почтительность и не иди против их воли. Устав, не обижайся на них» [3, с. 49]. Уважение к старшим нашло отражение и в нравоведениях такого рода: «В разговоре со старшим нужно понижать голос, не допускать неясных слов. Когда старший встает, младший не должен сидеть; когда старший сидит, младший не должен садиться, если ему не скажет старший» [9, с. 344]. Принципы «сяо» использовались для проявления любви ребенка к родителям в качестве фундамента для других добродетелей, которым он будет придерживаться впоследствии.

На практике эта нравственная ценность постулируется при каждом уместном случае. Дети не садятся за стол первыми, это возможно только после того, как они получают разрешение от взрослых; они делятся едой со старшими братьями, сестрами и родителями; они могут проявлять внимание, заботливо укрывая одеялом спящих, ведут себя тихо, не шалят при этом; нередко младшие дети в семье полностью подчиняются авторитету старших детей, особенно, брату. Девочки также проявляют заботу и внимание ко всем членам семьи. Сегодня многие китайские папы признают, что больше хотят иметь в семье дочь ее называют «теплой спиной» или в буквальном переводе с китайского языка пословицы «маленькая хлопковая куртка для матери» (女儿是妈妈的贴心小棉袄 / nu er shi mama de tie xin xiao mian ao), потому что именно она чаще сына интересуется жизнью своих родителей, волнуется за

их самочувствие, старается по возможности оказать им больше внимание, в то время как сын много сил и времени отдает работе, своей собственной семье и детям, стараясь обеспечить им достойное материальное содержание.

Антиподом этической нормы «ли» может служить ситуация избалованности единственного ребенка в семье, когда он становится «центром и безусловной ценностью», – эти последствия принесла в китайское общество политика «одного ребенка», господствующая в XX веке. Такому сыну или дочери нет возможности проявлять свое внимание и заботу о младших членах семьи по причине их отсутствия. Большая проблема современного общества – поколение эгоистов и слабохарактерных молодых людей, не подготовленных к самостоятельной жизни, привыкших жить за счет родительской помощи (как материальной, так и психологической). Этот дисбаланс в некоторой мере пытаются решить путем коллективного воспитания в детском саду и школе. Еще одним признаком трансформации семейных традиций в современном обществе (как признают многие китайцы), служит убеждение молодых, что не стоит стремиться создавать семью и рожать детей, т. е. брать ответственность за другого человека, тратить на него свое время и финансы. Лучше посвятить свою жизнь собственной карьере, получать от этого и материальное, и эмоциональное удовольствие, и, что самое важное – независимость. Позитивным выходом из этой демографической проблемы становится, как это выглядит не странно на первый взгляд, широкая пропаганда волонтерской деятельности: старшеклассники и студенты регулярно участвуют в программах социальной поддержки пожилых и одиноких людей, обеспечивая посильную помощь малообеспеченным семьям, в разработке мероприятий социальной поддержки молодых семей и др. В такой деятельности молодежь в реальном времени и пространстве встречаются с ситуациями, когда одиноким старикам приходится очень трудно в быту, они нуждаются в посторонней помощи и заботе. Многие молодые люди, получив такой социальный опыт пересматривают свои жизненные ориентиры и готовы транслировать эти знания широкой аудитории.

«И» – справедливость, долг. Любое дело должно соответствовать нормам нравственности, нельзя делать то, что наносит вред окружающим людям. Необходимо иметь правильное представление о «справедливости» и «выгоде», не пренебрегать своим долгом ради личного интереса. В семье детей учат уважать «границы» другого человека (как территориальные, так и психологические), соблюдать тактичность и сдержанность в проявлении своих потребностей. Важнейшим элементом китайского ритуала (в поведении) считается и «жан» уступчивость (让) [3, с. 149] – умение быть гибким в демонстрации своей позиции и мнения во время спора. Это проявляется в поведенческой модели: сначала интересуются желаниями другого члена семьи и только потом выстраивают пути достижения своих целей и желаний. Со временем это становится позитивной привычкой и укореняется в сознании. Однако такой тип поведения формирует чувство семейного коллективизма, который по мере взросления транслируется и на отношения в других коллективах – школьных, университетских, на предприятиях и учреждениях. Негативным последствием подобной позиции можно признать ситуации, когда дети идут на «поводу» у взрослых членов семьи, нередко в ущерб личным интересам.

Дети, как «маленькие эгоисты», конечно же пытаются выторговать в первую очередь для себя что-либо, в дошкольном возрасте это воспринимается как милая капризность,

поэтому окружающие могут потакать малышу, приговаривая при этом, что, когда он вырастет, уже не будет иметь таких привилегий.

«Чжи» – характеризует человека как «носителя» культуры. Важно развиваться, получая и успешно усваивая традиционные и новые знания. В настоящее время эта ценность наименее выражена как понимание получения ребёнком широкого кругозора и интеллектуального развития. В большей степени традиционная культура передается посредством соблюдения обычаев (праздничных ритуалов, организации жизни согласно лунному календарю, усвоение семантических понятий культурных кодов, символов и их коннотаций и др.). Однако, морально-этические постулаты Конфуция, Лао-цзы и других мудрецов древности заучиваются детьми уже с дошкольного возраста. При этом не требуется понимание смысла этих фраз, родители и педагоги полагают, что «открытие» сути высказываний придет со временем, когда сознание созреет до их разумения и способности видеть их значимость (пользу) для повседневной жизни и общения.

Важность в получении знаний – образования – также постулируется в древнекитайских философских трактатах: «О том, кто ежедневно узнает, чего он не знал, и ежемесячно вспоминает то, чему научился, можно сказать, что он любит учиться» (日知其所月無忘其所能, 可謂好學也已矣) [6, с. 146]. Это высказывание коррелирует с рассуждениями И. Канта о том, что стремление старшего поколения передать культурное наследие младшему в сохранности и обогащенном виде – является основой нравственного поведения, т. е. категорическим императивом [5]. В китайском обществе широко распространено убеждение в том, что образование дает ключ к успешному жизненному старту, это внушается детям уже с детского сада (и продолжается в школе). Родители, проявляя высокую требовательность к исполнительности и трудолюбию в постижении ребенком знаний, стараются неукоснительно следовать наставлениям воспитателей, учителей, которые проводят с детьми большую часть времени и на практике выявляют способности, склонности и характер подопечных.

Современные родители стараются обеспечить своему ребенку достойное образование, потому что конкурентность в китайском обществе очень высока. Получая полноценное и разностороннее образование, будущее для него становится более перспективным. Многие родители стараются прививать детям любовь к музыке, рисованию, танцам, традиционным народным видам творчества, приобщают их не только к национальной культуре, но и европейской. Определяя ребенка в музыкальную школу, где они изучают европейскую классику, родители не ставят перед собой цель вырастить музыканта, – это дополнительное развитие, которое организует и время, и формирует у него способность переключать внимание на другие виды деятельности. Однако, начиная со школьного возраста образовательная нагрузка значительно увеличивается, поэтому подобные занятия становятся необязательными.

Таким образом и здесь можно наблюдать дихотомию: С одной стороны, получение детьми образования имеет обязательный характер, обусловленный рациональным целеполаганием, с другой стороны, те сферы знания, которые не обязательны для будущей жизни и карьеры исключаются из общего развития, так как для этого фактически не остается времени и финансовые затраты не окупаются.

«Синь» – ориентирует сознание на чувства нравственности, верности, долга, честности – стремление к совершенству во всех отношениях. Последовательность в словах и делах, выполнение обещаний – главные ориентиры в овладении «синь». Эта духовная ценность проявляется в общем укладе семьи, в которой соблюдается жесткая иерархия взаимоотношений: подчинение младших старшим членам семьи, выполнение семейных обязанностей по отношению к младшим и старым, сохранение «лица» семьи, личных взаимоотношений (требовательность, назидательность, долженствование и пр.). Все это воспринимается ребенком исподволь, без менторствования, на примере поведения старших детей, родителей и родственников, друзей семьи. Значимость этого нравственного императива подтверждают (лишь с разницей чуть больше 100-лет) П.А. Кропоткин: «Общество зиждется на сознании <...> человеческой солидарности, взаимной зависимости людей <...> из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех...» [7, с. 5] и А.Г. Асмолов: «Выигрывают те, кто находит путь взаимоподдержки» [2]. Сохраняя семейное сопричастие, выраженное во единении многопоколенческой семьи (иногда даже больше публичное, чем личное) в обществе поддерживается баланс взаимоотношений, сводятся до минимума или нивелируются конфликтогенные факторы, что отражается в ментальности китайского народа, осуществляемой практически во всех сферах жизнедеятельности – «мягкая политика».

Кроме этих основных пяти этических ценностей в Древнем Китае существовало и другое понятие – «жэнь-лунь», которое определяло этические нормы отношений между людьми, любовь между отцом и сыновьями, отношения между мужем и женой, порядок между старшими и младшими, долг справедливости в отношениях между государем и подданными, а также верность, искренность между друзьями – подробно об этом описывается в трактате «Мэн-цзы».

Подводя итоги наших рассуждений, мы приходим к следующим выводам.

Особенностями системы воспитания детей младшего возраста в Китае являются следующие ее составляющие:

- фундаментом воспитания и образования является сохранение и соблюдение этических правил поведения, поскольку и семья, и ближайшее окружение выполняет важную социальную функцию подготовки детей к высоко конкурентным условиям жизни, умению взаимодействовать в коллективном труде;

- приоритетными качествами общей культуры воспитания выступают терпеливость, уважительность, любование (на грани культивирования) детьми в младшем возрасте и кардинальная смена ожиданий и требований (вплоть до деспотичности) к ним с момента поступления в школу;

- недопустимость публичного порицания и унижения детей, так как это нарушает этику взаимоотношений и приводит, прежде всего, к дискредитации взрослых;

- важнейшей задачей воспитания можно считать привитие детям с раннего возраста чувства коллективизма и взаимопомощи, в результате «Великое значение начала взаимопомощи выясняется <...> в особенности в области этики, или учения о нравственности» [7, с. 152], при том единым принципом для воспитания детей служит гуманный подход, основанный на этических императивах конфуцианства.

Что касается содержания воспитания и образования, приоритетным считается развитие у детей ключевых компетенций взаимодействия с другими людьми – навыков, которые

необходимы для будущего, а не просто базовые знания и умения. Важной задачей, которые ставят перед собой сегодняшние китайские родители и педагоги – формировать у детей хорошие привычки, развивать социальную адаптацию, способность к самовыражению и сохранение гармоничного психоэмоционального состояния (в дальнейшем это оказывает решающую роль в сложных жизненных ситуациях). Таким образом, можно говорить о том, что «духовная опора» формируется у ребенка благодаря образам «которые растущий человек воспринимает из внешнего мира, от родителей, учителей, от людей вообще, а дальше, по мере воспитания, творит их сам для себя и для других» [1, с. 158]. В дихотомии – семейное или общественное образование – оба аспекта имеют одинаковую важность.

Пройдя большой путь осознания значимости детей от безразличия к их культуре, в китайской педагогической среде и понимании родителей постепенно сформировался особый национальный компонент, который сочетает в себе многие постулаты древности и прогрессивные идеи современности. Этот симбиоз нередко рассматривается как парадокс, однако, следует признать, что эффективность воспитательной системы в Китае демонстрирует положительные результаты, прежде всего для сохранения стабильности в государстве, что заслуживает большого уважения.

Библиографический список

1. Амонашвили Ш.А. Обновление педагогического сознания / Гуманизм и пути развития российского образования: коллективная монография / отв. ред. И.А. Бирич. М.: Издательский дом «Русская философия». 2023. 212 с.
2. Асмолов А.Г. Для трикстера тема всегда сильнее страха. Интервью Альберта Ефимова // Психологическая газета. 19 октября 2024 г. URL: <http://www.psu.su> (дата обращения 05.11.2024).
3. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 363 с.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 1 «Философия» / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Вост. Лит., 2006. – 727 с.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности / пер. Н. Соколов, Б.А. Фохт. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2023. – 401 с.
6. Конфуций. Великое учение: с комментариями и объяснениями / пер. с кит. В. Малявина, И. Канаева; сост., предисл. В. Малявина; коммент. Е. Ямбурга, И. Канаева. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 256 с.
7. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции // Самообразование. – М., 2007. 156 с.
8. Мэн Цзы / пер. с китайского указ. В.С. Колоколова, предисл. Л.Н. Меньшикова.; под. ред. Л.Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 272 с.
9. Сидихметов В.Я. Китай: страницы прошлого. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1987. – 446 с.
10. Цао Юй. Понятие «дети» в китайской философии и педагогике // Научное мнение. 2017. № 2. С. 89–96.
11. Советник госсвета. Сто предложений традиционной китайской добродетели: карманная книга. Гл. 6 Сюци. Центральный научно-исследовательский институт литературы и истории. Исследовательская группа People's Daily Overseas Edition. 2015. 113 с.
[作者: 国务院参事室, 中央文史研究馆 出自章节: 第六章—孝慈 页码: 68页
出自: 《平天下: 中国古典治理智慧》 作者: 人民日报海外版学习小组 出自章节: 民本篇
出版日期: 2015.04.01 页码: 113页].

УДК 374

EDN ZTCQUQ

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-4-102-111

Тарасов Станислав Алексеевич,
аспирант кафедры педагогики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, д.15;
педагог дополнительного образования
МАУ ДО ЦДТ «Юность» г. Пермь
614046, Пермь, ул. Боровая, 16
stas1987stas@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: ФИЛОСОФСКО-СОЦИАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

В статье поднимается вопрос влияния на подростков цифровизации, рассматриваемой как необратимый процесс, оказывающий значительное влияние на жизнь современного человека и ставший неотъемлемой частью его бытия. Последствия повсеместного внедрения информационно-цифровых ресурсов в жизнь общества только начинают проявляться. Не смотря на значительные достижения человечества в технической сфере, оказывающие положительное воздействие на рост уровня жизни населения, все чаще возникают опасения, связанные с негативным влиянием цифровизации на формирование личности подростков, что не может не повлиять на формирование будущего человеческого общества. В статье раскрываются опасения ученых связанные с киборгизацией личности подростков, приводящей к отказу от традиционных ценностей общества и потере контроля над цифровым пространством, а также представлены философские взгляды на возможные сценарии развития человеческого общества, в свете повсеместного, неизбежного внедрения информационно-цифровых технологий. Так, идеи биоконсерватистов, выступающих за сохранение природы человека и общечеловеческих ценностей противопоставляются убеждениям трансгуманистов, предлагающих трансформацию человека, в том числе изменение физиологии средствами цифровых технологий.

В свете представленных философских позиций, и неопределённости путей развития будущего человеческого общества целью данного исследования является философское осмысление влияния цифровизации на личностное развитие подростков и рассмотрение аксиологического подхода как условия сохранения общечеловеческих ценностей и основы воспитания подростков, интегрированных в цифровую среду.

Ключевые слова: информационно-цифровое общество, цифровизация, трансгуманизм, биоконсерватизм, личностное развитие подростков, аксиологический подход.

Ссылка для цитирования: Тарасов С.А. Аксиологический подход как основа воспитания подростков в условиях негативного влияния цифровой среды: философско-социальное осмысление // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 4(15). – С. 102–111. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-102-111> EDN ZTCQUQ

Stanislav A. Tarasov,
Postgraduate Student of the Department of Pedagogy,
Teacher of Additional Education
Perm State University,
15, Bukireva str., Perm, 614068
Municipal Autonomous Institution of additional
Education Center of Children's Creativity «Unost»
16, Borovaya str., Perm, 614046
stas1987stas@mail.ru

AXIOLOGICALLY, THE APPROACH IS THE BASIS FOR EDUCATING ADOLESCENTS UNDER THE NEGATIVE INFLUENCE OF THE DIGITAL ENVIRONMENT: PHILOSOPHICAL AND SOCIAL UNDERSTANDING

Irreversible process has a significant impact on modern people's lives and has become an integral part of their existence. The consequences of the widespread introduction of information and digital resources into society are just beginning to manifest themselves. Despite the significant achievements of humanity in the technical field, which have a positive impact on the improvement of people's living standards, there are growing concerns about the negative effects of digitalization on the development of teenagers' personalities, which could have a significant impact on the future of human society. The article reveals the concerns of scientists related to the cyborgization of the personality of adolescents, leading to the abandonment of traditional values of society and the loss of control over the digital space, and also presents philosophical views on possible scenarios of the development of human society, in light of the widespread, inevitable introduction of information and digital technologies. Thus, the ideas of bioconservatives, who advocate the preservation of human nature and universal human values, are opposed to the beliefs of transhumanists, who propose the transformation of humans, including the modification of physiology through digital technologies.

In light of the presented philosophical positions and the uncertainty of the future development of human society, the purpose of this study is to provide a philosophical understanding of the impact of digitalization on the personal development of adolescents and to examine the axiological approach as a condition for preserving universal human values and the basis for educating adolescents who are integrated into the digital environment.

Keywords: information and digital society, digitalization, transhumanism, bioconservatism, personal development of adolescents, axiological approach.

For citation: Tarasov S.A. [Axiologically, the approach is the basis for educating adolescents under the negative influence of the digital environment: philosophical and social understanding]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 4(15), pp. 102–111 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-4-102-111>, EDN ZTCQUQ

Введение

Повсеместная цифровизация – необратимый процесс, спутник, сопровождающий современного человека, основа развития современного общества. Цифровые устройства, сеть интернет, гаджеты уже стали неотъемлемой частью нашего бытия. Политика ведущих экономик мира нацелена на внедрение информационно-цифровых технологий во все процессы, связанные с функционированием и жизнедеятельностью людей, и повсеместное внедрения цифровизации и ассимиляция человека с информационно-цифровыми технологиями остается вопросом времени. В связи с перестройкой мироустройства, образа жизни, принципов и законов существования человека, причиной которым стала цифровизация возникает острая необходимость рассмотрения вопроса развития личности

подростка в новых информационно-цифровых реалиях. Целью данного исследования является философское осмысление влияния цифровизации на личностное развитие подростков. Систематизация и обобщение историко-философских представлений о развитии личности подростка, философское осмысление влияния цифрового общества на развитие личности и будущие перспективы воспитания детей представляют теоретическую значимость данного исследования, а определение философских основ воспитания подростков в условиях негативного влияния информационно-цифровой среды его новизну.

Методы

Методологическую основу исследования составили хронологический подход, системный подход, структурно-функциональный принцип исследования теоретического материала, герменевтический подход, проявляющийся в глубоком анализе и интерпретации данных исходя из культурно-исторических и социально-политических аспектов, влиявших на изучаемый материал.

В процессе исследования применялись такие методы как анализ и обобщение теоретического материала, метод систематизации, метод синтеза, сравнительно-исторический и логико-смысловой методы, дедуктивный и индуктивный методы.

Результаты и обсуждение

Цивилизация, как высокоорганизованная, сложная система человеческого сосуществования, имеющая особенности, принципы и законы предлагает индивиду условия, в которых ему необходимо, развиваться и приспосабливаться, взаимодействуя с себе подобными. Безусловно сегодня наше общество находится на границе исторического перехода от одной формы организации сосуществования, называемой индустриальной к совершенно иной форме бытия, и возможно, в дальней перспективе, речь будет идти о появлении нового киберобщества, новой цифровой цивилизации.

Понятие цивилизация происходит от латинского «civilas» – гражданский, общественный, государственный». Данное определение стало активно применяться в эпоху Просвещения и характеризовала различные этапы человеческой истории. Начиная с 19 века при характеристике цивилизации основным аспектом становится тип общества и присущие ему производственные технологии, правовые и политические формы взаимодействия граждан и власти. Примером таких классификаций могут послужить идеи К. Маркса, выделявшего первобытнообщинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое общества. Технологический прогресс, развитие научной мысли, рост объема информации и скорости ее обработки, социальные и политические кризисы двадцатого века привела к появлению новой теории постиндустриального общества.

Вопросы, связанные с понятием «постиндустриальное общество», остаются открытыми по сегодняшний день, его характеристика, особенность, структура и влияние на бытие человека вызывают дискуссии в научном мире. Как считает В.Л. Иноземцев невозможно определить с достаточной точностью истоки понятия «постиндустриальное общество», но, вероятнее всего, термин «постиндустриализм» впервые был введен в научный оборот А. Кумарасвами, автором работ по развитию азиатских стран [7]. Впервые понятие «постиндустриальное общество» было употреблено Д. Беллом в 1959 году, и подразумевало под собой социум, в котором ведущую роль приобретают знания и информация, а не производственные мощности. Дж. Белл предполагал, что ведущую роль в таком обществе будет играть наука, вследствие возрастающей технологизации [3]. Данная теория

воспринималась ученым сообществом двояко, так В.Л. Иноземцев¹ считал ее единственной социологической концепцией двадцатого столетия [7]. В свою очередь В.В. Орлов, говорит о том, что теория Дж. Бэлла лишь описывает определенный срез современного общества, не затрагивая фундаментальных тенденций [12].

Обращаясь к теории постиндустриального общества следует выделить признаки, характеризующие его: ускорение научно-технического прогресса; подчинение науки задачам государства, экономики, коммерческих компаний; лидирующая роль информации и сферы услуг; большой процент вовлеченности населения в сферу услуг; использование «интеллектуальных технологий» для принятия управленческих решений и ускорения процессов взаимодействия; выделение технократических элит в качестве главенствующих. Основной и движущей силой нового постиндустриального общества становятся знания, технологии, наука.

Взгляды Дж. Бэлла относительно постиндустриального общества были отчасти утопичными, ведь он полагал, что на смену конфронтации придет корректность, благодаря изменению производственного комплекса, появится новый «сервисный» социальный класс, предрасполагающий взаимодействие людей друг с другом. Дж. Бэлл ожидал расцвет гуманизма и исчезновение конфликтов между промышленными элитами и рабочим классом, чего в двадцать первом веке не произошло. Как указывает В.В. Орлов многие сторонники теории постиндустриализации видели глубокий кризис цивилизации [12]. Но Дж. Бэлл одним из первых предвидел кризис и неизбежность трансформации индустриального общества [6]. Позже его идеи легли в основу большого количества теорий и концепций футурологов двадцатого века, описывающих наше будущее.

Некоторые предположения, выдвинутые Дж. Бэллом начали воплощаться в жизнь, и в девяностых годах двадцатого века, на основе его теории появилась концепция «общества информационного капитализма» или «информационалистическое общество» М. Кастельса. Предсказанный Дж. Бэллом процесс замещения труда и промышленного производства генерированием технологий и информации, стал отправной точкой для идеи М. Кастельса о сетевизации и революции информационных технологий [12]. По мнению М. Кастельса основным принципом нового общественного устройства станет мобильность, скорость сетевого взаимодействия, объем и скорость передачи информационных ресурсов, и распространение передовых информационных технологий [12].

Близким к идеям постиндустриальной теории был и Т. Стоунер, выделявший три формы существования человеческого общества: аграрная, индустриальная и информационная. Как указывает Т. Стоунер в новой форме существования человеческого бытия информация превращается в ведущий фактор экономического развития, основную ценность общества [6].

О ведущей роли информации в новом обществе говорит японский ученый Й. Масуда, считающий, что компьютеризация способствует переходу от материального производства к синергетической экономике и благоприятствует становлению высокоорганизованного креативного общества, главенствующей идеей которого станет гуманизм [6]. Французский

¹ Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 26.05.2023.

ученый-социолог А. Турен, также в рамках постиндустриальной теории, описывает социум бедующего как коммуникативное общество, с ускоренным развитием коммуникаций и информационных технологий [6].

Следует отметить, что многое из предположений Дж. Бэлла выдвинутых в его постиндустриальной теории, позднее развитых в идеях и концепциях М. Кастельса, А.Турена, Т. Стоунера и прочих, стало реальностью. Определяя новое общество как постиндустриальное, информационное или информационно-технологическое ученые сходятся во мнении, что главная характерная особенность данного общества заключается в главенстве информационных ресурсов. В логике данного исследования, опираясь на идеи и концепции приведенных выше ученых, нами будет рассматриваться информационно-цифровое общество, как новая форма организованного существования человека.

Информационная революция привела к изменению труда, перестройке социально-классовой структуры общества, подтверждением чему служит сокращение численности промышленного рабочего класса, на смену которому приходят работники интеллектуального труда – техническая интеллигенция [12]. Но одним из основных признаков постиндустриализации становится цифровизация, как результат информационно-технологической революции. Человеческое общества начинает приобретать информационно-цифровую характеристику, ведущая роль в жизнедеятельности человека отводится информационно-цифровым технологиям, интеллектуальным ресурсам, облеченным в форму цифрового контента.

Повсеместная цифровизация становится неизбежностью и роль информационно-цифровых технологий в развитии человеческого общества будет лишь возрастать. Вовлечение человека в новую форму бытия, безусловно, вносит кардинальные изменения в миропорядок и мироустройство. Все чаще ученые говорят о том, что эпоха цифрового бытия оказывает негативное влияние на сферу личности человека, встраивает ложные ценностные конструкции в его сознание, тем самым замещая традиционные ценности, систему взглядов, понятий, суждений на виртуальные конструкции. Как считают А.С. Тхостова и Г.К. Сурнова результатом развития технологий является трансформация, оказывающая влияние на культурно-историческое развитие человека, в том числе порождая новые формы патологий. Речь идет о нарушении высших психических функций, таких как дефект произвольной регуляции, клиповое мышление, размытие границ реального и виртуального, трудности с волевой сферой, диффузия идентичности человека [16].

Говоря о размытии границ реального, ученые все чаще указывают на тот факт, что человек перестает воспринимать себя и окружающий мир с материальной точки зрения, цифровизация создает иллюзию реальности и информационно-цифровая среда воспитывает у новых поколений ощущение, что виртуальность и есть реальный, физический мир.

Формирование нового информационно-цифрового общества, как предсказывала теория постиндустриализации, влечет за собой неизбежность повсеместного внедрения цифровых технологий, погружения человека в информационно-цифровую среду, что кардинальным образом меняет традиционные формы взаимодействия и существования людей. Безусловно, информационно-цифровые технологии открывают для общества безграничные возможности, предоставляя коммуникативные и информационные ресурсы, высокотехнологические инструменты, способствующие качественному преобразованию человеческой жизни. Однако, как в конечном счете влияние информационно-цифровой

среды отразится на индивиде, какие проявления приобретет данное влияние в будущем, остается не ясным. Все чаще ученые заявляют о негативных последствиях влияния информационно-цифровой среды на человека и человеческие взаимоотношения, проявляющиеся в нарушениях функций высшей нервной деятельности, проявлении массовых девиаций как следствия деформации личности.

Проблема формирования личности человека интересовала философов и мыслителей во все времена, по причине постоянного исторического развития и изменения человеческого общества. Сегодня же существует различные сценарии развития человека, теоретические положения касательно вопроса существования человека и принципов построения взаимоотношений в человеческом обществе будущего, среди них особый интерес вызывают концепции трансгуманизма и биоконсерватизма. Среди создателей концепции трансгуманизма выделяют Г. Морвека Н. Бострома, Д. Пирса, П. Фридмана, культивировавших в своих работах идеи трансформации человеческой природы средствами технологий и как следствие изменение ценностной парадигмы общества будущего [4]. Так Н. Бостром называет одной из основополагающих ценностей будущего человеческого общества возможность генетических изменений и внедрения биотехнологий в природу человека [4]. Автор не видит негативных последствий в использовании технологий, улучшающих жизнь индивида, более того предполагает, что изменение природы с целью удовлетворения индивидуальных потребностей каждого человека станет основополагающей идеей будущего. Тема искусственного совершенствования человека средствами биотехнологий и генетических модификаций встречаются и у отечественных мыслителей. В своих работах Ю.В. Гаврилова и М.В. Привалова рассматривают допустимость появления генно-модифицированного человека, обладающего улучшенными характеристиками [4]. Приверженцы трансгуманизма рассматривают необходимость формирования личности ребенка в рамках новой системы ценностей, непосредственно связанных с киберпространством и современными технологическими достижениям в совокупности с идеями гуманизма.

Противоположной точки зрения придерживаются представители концепции биоконсерватизма. В своих работах, они развивают мысль о том, что использование технологий, генная модификация человека, внедрение внешних искусственных факторов в природу индивида приведет к уничтожению традиционного понимания человечности, индивидуальности, особенности. Так О.В. Попова указывает на тот факт, что редактирование генома человека приводит к появлению нового индивида, отличающегося от исходного, тем самым препятствуя уникальности природы [4]. Об изменении основ индивидуальности человека, уничтожения его внутренних возвышенных ценностей в пользу технологических улучшений говорит М. Босс. Поднимая проблему разрушения идентичности и уникальности человека, биоконсерватисты рассматривают угрозу в гибридизации, новых технологиях и повсеместном внедрении цифровизации.

Во многих своих работах Н.А. Бердяев предостерегал человечество от потери контроля над искусственным интеллектом. Размышляя о цивилизации и ее благах, философ уделял внимание тому, что человек должен возвышаться над своими творениями и подчинять их себе [7]. Беспрецедентно ускоренный темп развития цифровых технологий, искусственного интеллекта, замещение человека машинами вызывает опасение и тревогу. Достаточно широкую популярность среди философов XI века приобрели идеи Ю. Харари. Одним из

возможных путей развития человека и общества философ определяет несколько сценариев, среди них консервативный, предполагающий сохранение главных, традиционных ценностей и установок в сочетании с контролем над машинами, открытия в информационно-цифровой сфере будут продолжаться и развиваться, но под контролем человека. Под радикальным автор предполагает такой путь развития, при котором будет присутствовать равное и управляемое сочетание виртуального и физического, искусственного и органического, за человеком будет закреплено творчество и мыслительная деятельность, а всю массовую и рутинную работу примет на себя искусственный интеллект и машины. При радикальном сценарии развития человека произойдет преодоление нежелательных ограничений, таких как возраст, болезни, страдания, человек постепенно превратится в киборга. При развитии третьего варианта сценария – апокалиптического, развитие искусственного интеллекта приведет к его значительному превосходству над личностью человека, что приведет к неуправляемости цифровой среды.

Многие философы сходятся во мнении о том, что развитие цифровой среды может привести к негативным последствиям. Н.А. Бердяевым технологии будущего рассматриваются в негативном ключе, С. Хогинг пишет о возможных катастрофических последствиях цифрового развития [7].

Безусловно, информационно-цифровые технологии будут развиваться и активно внедряться в жизнь человека, в связи с чем остро стоит вопрос сохранения ценностных ориентиров при воспитании будущих поколений. На сегодняшний день человеческое общество значительно интегрировано в цифровой мир, а современный подросток максимально зависим от киберпространства и основное время проводит в инфосфере, что оказывает значительное влияние на формировании его личности. Ускоренное внедрение цифровых технологий в жизнь ребенка вызывает опасение касательно сохранения человеческого в человеке.

Все чаще появляются исследования, описывающие киборгизацию личности подростков в негативном ключе. Характерными проявлениями киборгизации подростков становятся размытие границ между реальной и виртуальной жизнью, замена традиционных человеческих ценностей на свободные, неконтролируемые ценностные конструкции сети интернет, что в конечном счете приводит к проблемам с социализацией и адаптацией подростков к реальным жизненным ситуациям. Выдвинутые Дж. Дэниэлс, Д. Харауэй идеи о киберпространстве, как о свободной от гендера и социальных конструктов среде, уже приобретает реальные формы [3]. Рассматривая киборгизацию как полностью контролируемый техноантропными устройствами этап исторического техно-эволюционизма можно с уверенностью прогнозировать негативные последствия, риски утери будущими поколениями контроля над своим разумом и жизнью.

Безусловно развитие личности подростка должно проходить в условиях, способствующих сохранению общечеловеческих ценностей, идей гуманизма, индивидуальности и идентичности человека будущего, чему в значительной степени способствует аксиологический подход в воспитании. Аксиология, как понятие имеет различие определения, одно из них говорит о том, что это учение о способах и проявлениях ценностного проектирования индивидом своих жизненных устремлений, выбор ориентиров собственной жизни. Как философская доктрина аксиология определяет природу, характер и состав ценностей. Значительное влияние на аксиологию оказал И. Кант, противопоставляя

область нравственного- духовного природе человека. Рассматривая духовно-нравственные ценности, как наивысшие ориентиры, И. Кант способствовал выделению аксиологии в отдельную область философии. Сохранение общечеловеческих моральных и нравственных норм, движение человека к культуре, высокодуховное осмысление содержания жизни, устремление к высоким идеалам являются основами аксиологии. Представления о ценностях человеческой жизни, духовно-нравственные ориентиры, правила норм и морали, составляющие структуру аксиологии, являются неотъемлемой частью процесса воспитания, и должны составлять основу учебно-воспитательной системы, формируя у подростков верные ориентиры.

Принятие подростком базовых ценностей, культивированных многовековой человеческой историей служит толчком для развития его личности [8]. Как пишет А.И. Шемшурина аксиологическое взросление личности происходит в процессе выбора ребенком нравственных основ жизни [8]. Аксиологический подход в воспитании способствует осознанию и принятию подростком базовых человеческих ценностей, таких как любовь к себе и ближнему, доброта, отзывчивость, свобода, ценность жизни, созидание, служба на благо общества; формированию ориентиров сосуществования в реальном мире; становлению нравственных норм, как основы для принятия решений и совершения поступков.

Крайне важно, в момент становления личности подростка избегать негативное влияние цифровых технологий, заменять бесцельное времяпрепровождение ребенка в киберпространстве на творческо-познавательную, культурную, нравственно-ориентированную деятельность. Через деятельность ребенок социализируется, познает мир и себя, присваивает ценностные установки, способствующие сохранению и дальнейшему развитию нашего общества. Необходимо в критичный, подростковый период, вовлекать ребенка в творческий процесс, создавать условия для совместной продуктивной деятельности, приобщать к искусству, литературе, истории, в том числе через различные направления дополнительного образования, внеурочную и досуговую деятельность.

Заключение

Таким образом становится очевидным, что в современных реалиях цифровизация человеческого общества неизбежна и внедрение информационно-цифровых технологий в жизнь подростков будет лишь усиливаться. Не смотря на положительный эффект от применения цифровых ресурсов, проявляющийся в повышении уровня жизни человека, ускорении экономического, политического и социального развития нашего общества, возникает угроза сохранения человеческого в человеке, угроза потери реальных жизненных ценностей и замена их виртуальными неконтролируемыми ценностными конструкциями, разрушающими личность подростков. В связи с чем аксиологический подход, рассматривается как фундамент воспитания подростков, в условиях негативного влияния информационно-цифровой среды на их личностное развитие.

Аксиологический подход, как основа воспитания предполагает приобщение подростка к традиционным ценностным конструкциям, морально-нравственным установкам, личностным ориентирам через творческо-познавательную, культурную деятельность и отнюдь не означает отказ от цифровых технологий и ограничение применения информационно-цифровых ресурсов, это невозможно в сегодняшних реалиях. Но, с целью избегания негативных сценариев развития будущего, киборгизации личности подростка,

замены реальной жизни виртуальными мирами, необходимо сохранить и передать молодым поколениям все самое ценное и важное, что было накоплено человечеством, сформировать такие ценностные установки, при которых подростки научатся извлекать из информационно-цифровых ресурсов лишь пользу. Утверждение ценности человека и его жизни как уникального явления остается одной из основополагающих идей аксиологического подхода [8], что характеризует его как наиболее продуктивную и значимую основу воспитания подростков. Осознание ценности существования всего живого на земле, способность к созиданию, устремленность к познанию и преобразованию среды, понимание важности свободы личности и необходимости сосуществования в здоровом, развитом обществе остаются основными вехами аксиологического подхода в воспитании подростков и надеждой человеческого общества на сохранение своей уникальности, традиций, ценностей, идей и представлений в условиях быстро трансформирующегося, неконтролируемого цифрового мира.

Библиографический список

1. Аверин В.А. Психология детей и подростков: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб.-СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 397 с.
2. Авдеева Е.А., Корнилова О.А. Влияние цифровой электронной среды на когнитивные функции школьников и студентов / А.Е. Авдеева, О.А. Корнилова // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2022. – Т. 21. – № 35. – С. 43-50.
3. Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 940 с.
4. Богдановская И.М., Иконникова Г.Ю., Королева Н.Н. Роль современной информационно-цифровой среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков // Психологическая наука и образование: электронный журнал. – 2015. – Т.7. – № 1. – С. 1–11. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2015_n1/psyedu_2015_n1_75625.pdf (дата обращения: 23.11.2024).
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 433 с.
6. Голованова Е.В. Прогностический потенциал теории постиндустриализма Д. Бэлла. // Вестник славянских культур. – 2013. – № XXX. – С. 11-17
7. Иноземцев В.Л.¹ За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Academia, Наука, 1998. – 640 с.
8. Карташова Л.Э. Философия воспитания: современные западные «модели» и их актуальность для Российской педагогики [Электронный ресурс] // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – С. 622-624. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-vospitaniya-sovremennye-zapadnye-modeli-i-ih-aktualnost-dlya-rossiyskoj-pedagogiki/viewer> (дата обращения 10.01.2025 г.)
9. Катерина А. А. Психология подросткового возраста: учебное пособие / А. А. Катерина. – Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2015. – 157 с.
10. Котова С.А. Интернет-зависимость у детей и подростков: риски, диагностика и коррекция. — СПб.: изд-во ВВМ, 2023. —212 с.

¹ Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 26.05.2023.

11. Оплетин А.А. Эволюция формирования понятия «саморазвитие личности» в философско-историческом аспекте // Педагогико-психологические и методико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2013. – № 2 (27). – С. 148-154
12. Орлов В.В. Постиндустриальное общество и Россия //Философия и общество. – 2003. – № 3. – С. 78-88.
13. Орешников И.М. Философия образования XXI столетия: предмет, круг проблем, императивность культурно гуманистической парадигмы // Философия образования. – 2018. –№ 3. – С. 15-19
14. Попова А.А. Ценностная парадигма будущего: биоконсерватизм или трансгуманизм? // Гуманитарный вектор. – 2022. –Т.4. – № 4. – С. 24-31
15. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. – Москва: 2022. – 356 с.
16. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 16–24.
17. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.
18. Хангельдиева И.Г. Общество 5.0 и образование: перспективы и предостережения // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – № 1 (82). – С. 123-141.
19. Штерн Э. Психическая структура подростков. – Москва-Ленинград: Гос. учебно-пед. изд., 1931. – 193 с.
20. Шемшурина А.И. Аксиологический подход в воспитании как метод и перспективная стратегия // Образование в современной школе. – 2011. – № 6. – С. 53–60.
21. Юречко О.Н. Филосовская проблема становления и развития личности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 6(144). – С. 4-8
22. Яковец Ю. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы // Вопросы философии. – 1997. – № 1. – С. 3-17.

Научное издание

**Социальные и гуманитарные науки:
теория и практика**

2025

Выпуск 4(15)

Корректор В.М. Бажина
Компьютерная верстка Н.Ю. Биктаевой
(ответственный секретарь коллегии)

Подписано в печать 12.12.2025

Дата выхода в свет 17.12.2025

Формат 60х84/8. Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 13,02. Заказ 139

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-65-47

Бесплатно.

